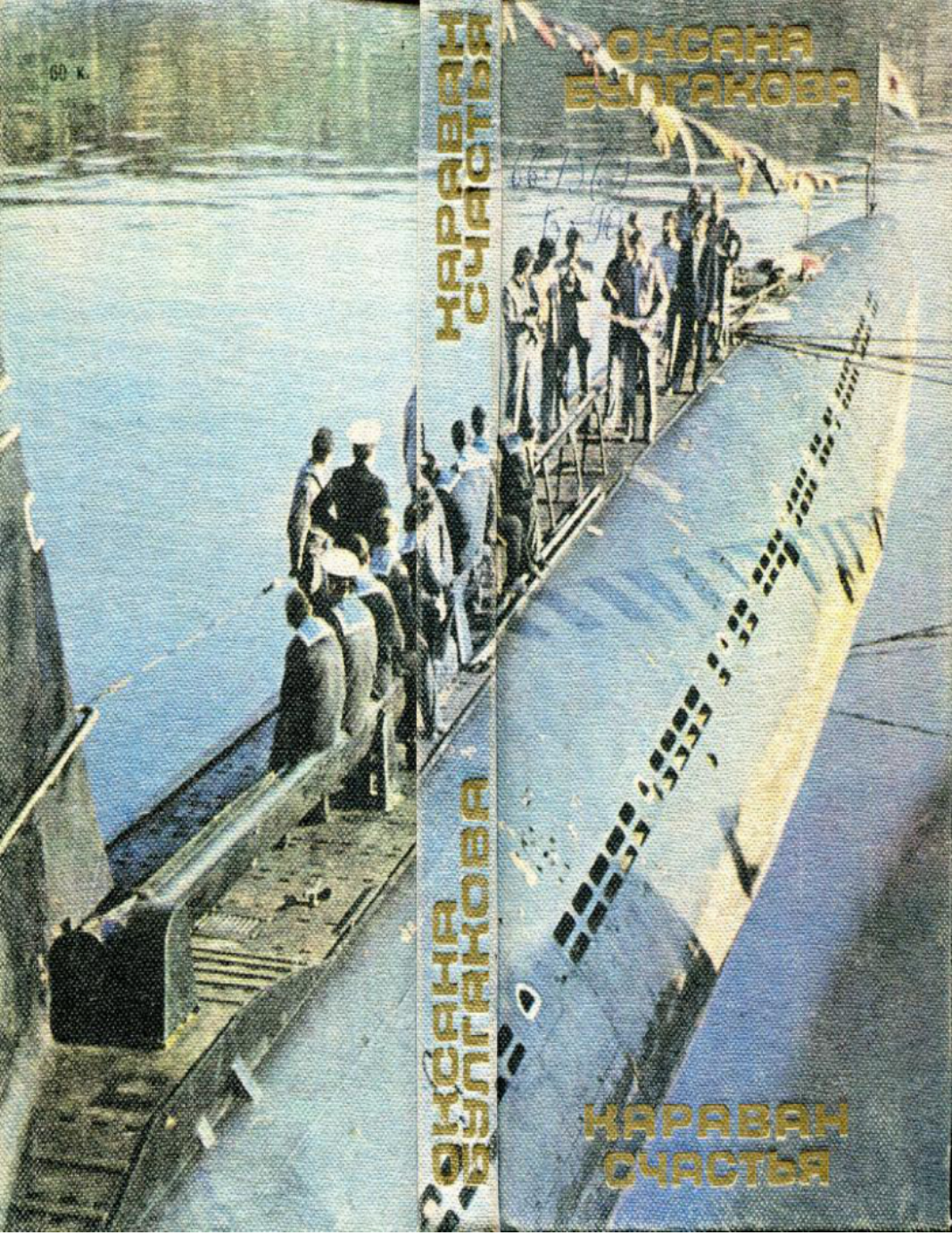

60 к.
ОКСАНА БУЛГАКОВА
КАРАВАН СЧАСТЬЯ
ОКСАНА БУЛГАКОВА
КАРАВАН СЧАСТЬЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о воспитанниках Ленинского комсомола — людях разных национальностей, о верности сегодняшней молодежи традициям дружбы и героизма.

Автор — журналист, лауреат премии Челябинского комсомола «Орленок». Очерки публиковались в центральной и местной печати, в журналах «Молодая гвардия», «Крестьянка», «Урал», «Уральский следопыт», по некоторым из них сняты документальные фильмы.

- Караван счастья
  -
  - ОТ АВТОРА
  - МЕЧ ПОБЕДЫ
  - ХЛЕБ МАЛОЙ ЗЕМЛИ
  - ПОДВИГ В УРАЛЬСКОМ НЕБЕ
  - МАМЛАКАТ — ЗНАЧИТ СТРАНА
  - РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА
  - «НИЧТО НА НЕБЕ НЕ НАЧИНАЕТСЯ БЕЗ ЗЕМЛИ»
  - МОРСКАЯ ВАХТА УРАЛА
  - ДИРЕКТОР ПАМИРА
  - КАРАВАН СЧАСТЬЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Караван счастья

65-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ

ПЕЧАТАЕТСЯ
ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ СЕРИИ
«ТАК ЗАКАЛЯЕТСЯ СТАЛЬ»

ОКСАНА БУЛГАКОВА

КАРАВАН СЧАСТЬЯ

ЧЕЛЯБИНСК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

ОТ АВТОРА

Книга эта не писалась залпом в кабинетной тиши. Она складывалась по крупицам немало лет и имеет «за плечами» сотни пройденных дорог. Некоторые из ее героев, прежде чем выйти на эти страницы, появились на кино- и телеэкранах.

Они из разных поколений: дерзающих 30-х годов, мужественных 40-х, бескомпромиссных 80-х. Столь различные во многом, все схожи в главном, основном: воспитанники многонационального Ленинского комсомола, они преданные, мужественные его дочери и сыновья. Активно, наступательно, ответственно чувствуют себя везде и всегда, где бы ни проходила их жизненная дорога.

Я хочу, чтобы вы полюбили их: и магнитогорских ремесленников — мальчишек и девчонок из кинофильма «Здравствуй, Москва!», и девочку-таджичку со ста косичками — Мамлакат, и кубанского парня, «старшего брата» Юрия Гагарина — Григория Бахчиванджи; и девушек-героинь Малой земли — Полю, Тоню и Дарью, и солдат Ивана Одарченко и Василия Головцева, чьи черты воплощены в Воинах-освободителях двух столиц, и сегодняшних военных моряков с подводного корабля «Челябинский комсомолец». Именно с его палубы шагнула по свету песня А. Пахмутовой «Усталая подлодка». И мне подумалось, а не начать ли с нее, хотя бы с отрывка из песенного текста, рассказ о челябинских североморцах. Так песня вошла в эту книгу.

Однажды Мамлакат Акбердыевна Нахангова написала мне, что совершенно неожиданно для нее в архивах татарского филиала Академии наук СССР обнаружили стихотворение Мусы Джалиля, посвященное ей, Мамлакат. На русский язык оно не переведено.

Ну разве можно было начать рассказ о Мамлакат без этих строк нашего земляка. Героя Советского Союза, лауреата Ленинской премии! Профессор Нил Юзеев, известный казанский джалиловед, прислал нам эти стихи. Так оформился замысел: каждому очерку предпослать поэтические слова, очень близкие героям его. И появились стихи Михаила Дудина, Мирзо Турсун-заде, Сергея Гребенникова и Николая Добронравова, Людмилы Татьяничевой, Марка Гроссмана…

Герои этой книги живут среди нас: одних можно встретить на улице, в цехе, в троллейбусе, черты других узнать на обелисках и фотографиях. Это люди нашего беспокойного времени, прекрасного, напряженного, времени открытий,

самопожертвования и любви, времени героики и горенья по велению сердца.

МЕЧ ПОБЕДЫ

НА ТИХИХ КЛУМБАХ ТРЕПТОВ-ПАРКА
МОГИЛ В ТОРЖЕСТВЕННОМ ПОКОЕ
ДАВНО ГОРЯТ СВЕТЛО И ЯРКО
ПИОНЫ, АСТРЫ И ЛЕВКОИ.

И ЗА СУДЬБУ ЗЕМЛИ СПОКОЕН,
ЕЕ ПРОСТОР ОБОЗРЕВАЯ,
СТОИТ ПОД СОЛНЦЕМ РУССКИЙ ВОИН,
РЕБЕНКА К СЕРДЦУ ПРИЖИМАЯ.

ОН РОДОМ ИЗ ОРЛА ИЛЬ ВЯТКИ,
А ВСЯ ЗЕМЛЯ ЕГО ТРЕВОЖИТ.
ЕГО В РОССИИ ЖДУТ СОЛДАТКИ,
А ОН С ПОСТА СОЙТИ НЕ МОЖЕТ.

Михаил Дудин

ЧТО НА СВЕТЕ СТРАШНЕЕ ФАШИЗМА?

Познакомились мы в Берлине. Бруно Шульцу — 84 года. Он из тех ветеранов партии, кого в ГДР называют «активистами первого часа», антифашист, участник Движения сопротивления. Друг Макса Реймана и Отто Гротеволя, лично знал Эрнста Тельмана.

Накануне я позвонила Бруно из Лейпцига, и мы условились об этой встрече — на следующий день в отеле «Штадт Берлин» в 2 часа дня. Я попросила подумать над вопросом, который представлялся исключительно важным для меня, а как оказалось в дальнейшем, куда важнее был для Бруно, так как итожил очень нелегкий отрезок его жизни.

Узнала я его сразу, как вошла в холл: очень похож на свое фото, что лежало у меня в сумочке: совершенно седой, грузный и — неожиданно — артистичный человек. Он тяжело поднялся навстречу, пожал руку и после короткого приветствия выложил на столик свой ответ — восемь документальных фотографий.

Подобные кадры я видела несколькими днями раньше в кинозале музея Бухенвальда, а еще — лет 20 назад в киноленте такой потрясающей силы, что помню ее в деталях до сих пор, — «Военные преступники». Ужас изображенного на снимках

усиливался во сто крат здесь, среди нарядной праздности окружающего, комфортного великолепия отеля.

Было просто не понять, как могло такое случиться и почему после этого мир еще живет и не просто живет в труде и борьбе, а даже купаясь в удовольствиях, развлекаясь, смеясь. Было просто не понять… С фотографий кричал, молил, обличал фашистский концлагерь. Таким его увидели американские операторы в первые минуты освобождения: догорающие останки человеческих тел; огромная груда костей — трагический итог одного только дня; голый, мрачный лес, где среди деревьев ровные ряды окостеневших трупов; костер на лагерном дворе из обувки погибших — и тени еще живых вокруг него… К этим фотографиям не требовался комментарий, но он был, напечатанный на машинке и аккуратно приклеенный к оборотной стороне, — страшный рассказ очевидца.

Думалось, что человек, своими глазами увидевший такое — не на экране, не на снимке, а в своей собственной жизни пропустивший через разум, сердце и намять, должен был бы сойти с ума. А если этого не случилось, то, подобно Шульцу, на всю оставшуюся жизнь стать проповедником ненависти к людоедам всех мастей и наций, ненависти к войне, любви к людям, жизни, миру.

Не знаю, произошло ли это с американскими операторами. Помнят ли они те минуты ужаса и гнева, смогли ли передать чувства свои детям и внукам. О чем думают сегодня, когда с их континента вновь ветер гонит хмурые тучи войны.

— Вы спрашивали, что испытываю я, когда в Трептов-парке, в сердце своей страны, вижу чужого солдата на пьедестале, — Шульц говорил медленно, с волнением, скорбью. — Двенадцать лет я провел в фашистских застенках: в тюрьмах, лагерях смерти и концлагерях. Я видел все, что так потрясает на этих фотографиях. Я был таким же, как эти едва живые люди, когда передо мной открылись ворота лагеря. Человек, сказавший: «Вы свободны, товарищи! — был в форме советского солдата. Вы можете представить, кем стал для меня солдат-освободитель. Этого нельзя выразить словами. Почти каждый день, если позволяют здоровье и погода, я прихожу к Солдату. Люди должны помнить добро. Зло в мире от забвенья.

Бруно с трудом подыскивал слова. Я мысленно казнила себя за это испытание памятью, которое равно тяжело для человека, сколько бы лет ни отделяло от пережитого.

Бруно вновь открыл портфель:

— Я записал тут кое-что. Передайте мои слова вашим землякам.

Это были записи на немецком языке о последних его днях в концлагере.

«…Нам удалось тайно собрать детекторный радиоприемник. Мы прятали его в лагере под постелями и, слушая сообщение о продвижении Красной Армии к Берлину, страстно жаждали освобождения.

Следили мы за каждой фазой наступления. Наконец, увидели падающие вдали бомбы и горящие строения. А когда за пару дней до нашего освобождения советские боевые части прошли совсем близко — к Шпандау, нами овладела форменная лихорадка.

Советские самолеты щадили концлагерь. А английские летчики — не знаем, случайно или намеренно — в один из налетов на Заксенхаузен погубили 300 женщин, работавших там на фашистском заводе.

Наш товарищ Макс Рейман, известный до войны руководитель коммунистической фракции в ландтаге, и двое заключенных попытались прорваться навстречу советским передовым частям, а мы в это время, перерезав колючую проволоку, прекратили подачу на нее электрического тока. Но эсэсовцы еще окружали концлагерь.

Через час после прорыва ограждения и побега товарищей мы увидели советских солдат.

Трудно описать чувства, с какими приветствовали мы своих освободителей! Среди нас были поляки, русские, чехи, французы, югославы — мы все говорили на разных языках, но в минуты общего ликования ничто не мешало нам понимать друг друга. Этот момент настолько врезался в память, что забыть его не сможет никто из нас никогда, как и никогда никому не разрушить нашу дружбу.

Наши освободители помогали во всем: они заботились о восстановлении больниц, расчищали улицы, участвовали в пусках заводов, налаживании сельского хозяйства.

Их заслуга очень велика, и они навечно останутся в благодарной памяти моих соотечественников.

Дорогие челябинские друзья! Пусть наша встреча послужит еще одним напоминанием о том, что никогда не должно быть забыто».

С этими записками, которые я привела в сокращении, Бруно

Шульц вручил мне книгу. На обложке ее — девушка, в ужасе прижавшаяся к стене камеры, и надпись кровью — «Анна Франк».

15-летнюю Анну, умершую от голода в фашистском концлагере Берген-Бельзен за месяц до освобождения, знают во всем прогрессивном мире, как и ленинградскую школьницу Таню Савичеву. Дневник Анны, который она вела в течение 25 месяцев, пока вместе с семьей скрывалась от гестапо, переведен на 19 языков, выпущен тиражом в два миллиона экземпляров. Слова боли и гнева написал в предисловии к русскому изданию Илья Эренбург.

Но подарок Бруно — другая книга. Это не дневник Анны, а как бы продолжение его, созданное немецкими публицистами Иоахимом Гельвигом и Гюнтером Дейке. Между ним и фотографиями, переданными Шульцем, — прямая связь. Недаром один из снимков приведен в книге.

«Дневник для Анны Франк» (полное название книги) — обличение фашизма в документах и фотографиях потрясающей силы. Но это и рассказ о благополучных судьбах убийц Анны и ее сестры, матери, друзей. Со страниц смотрят людоеды в эсэсовских мундирах, и приводятся их сегодняшние мирные адреса.

Люди! Будьте бдительны! Не допустите, чтобы это повторилось вновь! — призывает книга.

На вклейке перед титульным листом, рядом с дарственной надписью, знак международного Союза бывших узников концлагерей фашизма и три подписи, причем каждая — из трех составляющих: фамилия, номер, который целый адский кусок жизни заменял человеку имя, и название концлагеря: Бруно Шульц, 43197, концлагери Заксенхаузен, Фолькензее. Так же расписались его товарищи по борьбе.

На следующий день мы встретились с Бруно в Трептов-парке и вместе прошли дорогой его памяти.

Ранняя берлинская весна уже зазеленила курган у мавзолея, а на плакучих, поникших до земли ветвях деревьев вокруг скульптуры Скорбящей матери распустились первые почки. Словно дымчато-зеленоватый туман спустился на прилегающие аллеи. Но стыл еще воздух, голы кроны платанов, и весь архитектурно-природный ансамбль от этого суровее и лаконичней. Лишь яркими алыми пятнами — гвоздики на гранитной плите Героев у входа в партер. Здесь покоятся те, кто погибли в последние дни войны, кто, одолев тяжелейший путь и сломив хребет фашизму, не дожили до великой Победы всего лишь несколько дней и даже часов. Возможно, кто-то из них открыл Бруно и его товарищам ворота Фолькензее.

На гранитной плите под террасой главного входа выбиты

слова: «Авторы памятника-кладбища лауреат Сталинских премий скульптор Вучетич Е. В., архитектор Белопольский Я. Б.». Бронзовые солдаты навечно обнажили головы и преклонили колени перед памятью павших, приспущены красные гранитные знамена. И в синеве весеннего неба, на насыпном славянском кургане

Стоит Солдат, прижав к груди ребенка,
Мечом былинным свастику поправ.
Еще дымились вздыбленно зенитки,
Еще полынь в окопах не росла,
Когда Россия парня из Магнитки
На пьедестал бессмертья вознесла.

Эти стихи магнитогорского поэта Владилена Машковцева зазвучали здесь особенно: они будили гордость и боль, вызывали слезы.

— Здравствуй, Ваня! — сказал Бруно серьезно.

С Иваном Степановичем Одарченко, русским рабочим, бывшим фронтовиком, чей бронзовый двойник в центре Европы служит грозным напоминанием всем темным силам мира, Бруно познакомился в 1966 году здесь, в парке, когда возлагал цветы к монументу. Теперь видятся в каждый приезд Одарченко в Берлин, переписываются, встречался Бруно и с его матерью Дарьей Дементьевной, дочерью Еленой и женой Верой Федоровной.

С привета от Ивана Степановича я и начала телефонный разговор из Лейпцига, а в тамбовской квартире Одарченко месяцем раньше родилась мысль о нашей встрече с Бруно. И еще с одним человеком, его большим и искренним другом — Иоахимом Гоффманом. В прошлом депутат Трептовского района Берлина, он хорошо знает Ивана Степановича. Последние десять лет он бургомистр Вайсензее, того самого района, в котором Одарченко служил после войны. Гоффман охотно согласился приехать на встречу. Был дружелюбен, общителен, привез друзей. Много и озабоченно говорил о молодом поколении, рассказывал о внимании, которым оно окружено в республике.

— Мы сознаем, какая большая для нас честь и ответственность, особенно для молодежи, иметь такой памятник в Берлине, он воскрешает ежедневно великий подвиг советского народа. Что на свете страшнее фашизма? Только сам фашизм, — спросил и сам себе ответил Гоффман. — Наш Берлин живет мирным трудом. Наши прогнозы, наши мечты, наши планы — все в мирной жизни, — Гоффман протянул мне номер «Нойес Дойчланд».

Почти вся восьмая страница его посвящена Вайсензее в настоящем и будущем. Вместо заголовка крупным шрифтом — строка; подчеркнута красной линией: «12 новых школ, спортзалов и 8 детских городков — беседа с бургомистром района Иоахимом Гоффманом». И его фотография — очень доброе, симпатичное, открытое лицо.

Расстались мы у выхода из Трептов-парка. На арке четко выделялись русские слова, хорошо известные, близкие и хранимые в сердце миллионами людей:

«Великие подвиги ваши бессмертны. Слава о вас переживет века. Память о вас навсегда сохранит Родина».

СОЛДАТ ТРЕПТОВА

1

Улица, на которой живет Иван Степанович Одарченко в Тамбове, имеет очень теплое название — Дружбы. Тихая, в рабочем поселке. От завода вблизи. Домик Иван Степанович построил просторный — «навырост». Когда понадобилось, места хватило всем: и детям, и внукам, и даже попугаю Гоше, что привез сын-матрос из дальнего плавания. Есть в доме и музей: его хозяина узнаешь в скульптуре, на картинах, медалях, монетах, книгах, памятных тарелках, марках, значках, фотографиях, буклетах. В этом собрании выделяются работы Е. Вучетича, Я. Белопольского, А. Горпенко — подарки соратнику, другу, как следует из посвящений.

Иван Степанович — мастер на заводе подшипников скольжения. С того послевоенного 50-го года, когда после демобилизации приехал из Берлина к сестре на жительство. И вот уже и серебряная свадьба позади, и на заводе — ветеран, и нет в живых Евгения Викторовича Вучетича. Стоит на полке его работа «Они победили смерть», эскиз из мемориального ансамбля на Мамаевом кургане с авторской подписью. Недавно Иван Степанович передал в областной краеведческий музей слепок головы «Солдата-освободителя», тоже с личным росчерком скульптора.

Полгода прожил Иван Одарченко среди творцов Трептова мемориала после того послевоенного дня, когда на Берлинском стадионе в День физкультурника русоволосого статного солдата, что третьим пришел с забега, заметил скульптор Евгений Вучетич.

Был жаркий полдень. Переодевшись в солдатскую форму, Иван подошел к группе однополчан, с которыми воевал в последний год войны в 9-й гвардейской воздушно-десантной армии. После назначений по разным комендатурам Берлина они потеряли друг друга из виду. А тут встретились, оживленно шутили, радовались миру, жизни, пригожему летнему дню, молодости. Одарченко заметил, что какой-то человек в штатском внимательно рассматривает его, несколько раз как бы случайно прошел мимо, потом откровенно пригласил:

— Пойдемте со мной.

С трибуны, на которой находились гости праздника, им что-то кричали. Незнакомец, уловив вопрос генерал-майора А. Г. Котикова, радостно ответил:

— Нашел, нашел. И теперь не отпущу. — Повернулся к Одарченко: — Скульптор Вучетич. Будем вместе работать.

Наверное, на выбор Е. Вучетича повлияли и факты биографии самого скульптора: на Макеевке рабатывал он в молодости откатчиком, крепильщиком, машинистом динамо-машины. В армию ушел добровольцем, солдатом. И за два года дослужился до командира батальона. Тяжело контужен. Словом, натуру искал он под стать себе, близкого по духу человека. И внешне должен был быть воин россиянином, с мужественным, очень одухотворенным лицом, с гордой славянской статью. Таким увиделся Евгению Викторовичу Иван Одарченко. Трехлетняя Света, дочь коменданта Берлина генерал-майора А. Г. Котикова, позировала скульптору, когда создавал он образ девчушки, что, выхваченную из огня, крепко прижал к себе солдат.

Существуют разные толкования скульптуры. Мне приходилось слышать, что-де памятник поставлен конкретному солдату, спасшему во время боя немецкого ребенка. Таких эпизодов действительно во время ожесточенных уличных сражений было немало. Советские солдаты не одной жизнью расплатились тогда, щадя от, казалось бы, неминуемой гибели берлинских детей. И одни такой случай произошел неподалеку от Трептова: старший сержант Трифон Андреевич Лукьянович заслонил собой от пуль эсэсовцев немецкую девочку. Теперь у моста Эльзенбрюке по дороге к Трептов-парку о мужестве и гуманизме советского воина рассказывает мемориальная плита.

Но монумент Вучетича — не о том. По словам людей, хорошо знавших скульптора, Евгений Викторович даже гневался, когда слышал такое узкое объяснение. Его скульптура — обобщенный образ советского солдата, спасшего Европу от фашистской чумы.

Выступая 8 мая 1949 года на открытии мемориала в Трептов-парке, Отто Гротеволь, будущий премьер-министр ГДР, так и

сказал:

> «Мы никогда не забудем подвига Советской Армии, спасшей народ от ужасов фашизма. Мы будем неустанно повторять нашим детям, что своей жизнью они обязаны великому Советскому Союзу!».

…Вспоминается такой эпизод в Трептов-парке. К подножию монумента подошла группа советских людей, как выяснилось потом, ученых, и экскурсовод, молодая подвижная немка, быстро заговорила по-русски:

— Памятник советскому солдату создан скульптором из России Вучетичем. Человек, который послужил прообразом солдата, жив и живет в Сибири.

— Простите, — я рискнула добавить к ее рассказу. — Автор монумента не простой скульптор, он выдающийся мастер, народный художник СССР, лауреат Ленинской и пять раз лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда. А солдат действительно жив: работает на заводе, но не в Сибири, а в Тамбове. И здесь, в мавзолее, вы можете увидеть его лицо еще дважды: на мозаичном панно, выполненном художником Горпенко, — его лицо и у воина, и у рабочего. Вся группа поднялась по ступенькам.

— Где это написано? Откуда вы знаете?

— От самого солдата. Рассказал месяц назад.

2

За время совместной работы и жизни бок о бок между художниками и Одарченко сложились отношения близкие, дружеские. Вместе ездили на работу, вместе отдыхали, делились друг с другом думами, переживаниями. Иван был четвертым жильцом виллы: скульптор Вучетич, архитектор Белопольский, художник Горпенко и он.

Однажды Иван, получив письмо от матери, расстроился, замкнулся. Художники забеспокоились, вызвали на разговор. Иван признался, что очень тяжело матери: за год до начала войны семья Одарченко переехала из Магнитогорска в Казахстан, в село Новоалександровку, вступила в колхоз. Отец погиб под Сталинградом, старший брат Петр — под Смоленском, а мать одна с пятерыми бьется. Зимой съели корову и теперь не знают, как жить дальше. На следующий день Вучетич положил перед Иваном десять тысяч марок.

— Обменяй в комендатуре на рубли и отправь матери, может,

корову купит.

Еще через некоторое время Евгений Викторович поинтересовался: а что же есть будет корова, ведь сено нужно купить, одна женщина не накосит, а дети малые. Опять сбросились художники, и, как ни сопротивлялся Одарченко, вновь ушел перевод в Новоалександровку. Когда Дарья Дементьевна написала, что корову купили, сено заготовили, радовались все четверо.

Через 22 года редакция берлинской вечерней газеты «Ам Абенд» пригласила Дарью Дементьевну в Берлин. Приехала она вместе с Иваном Степановичем. Русская мать, вдова, работница, крестьянка стала гостьей города, в революционный центр которого — Трептов-парк, куда берлинцы приходили слушать Карла Либкнехта, Клару Цеткин, Эрнста Тельмана, теперь со всего мира люди приезжают посмотреть на ее Ваню, поклониться памяти русских солдат, подобно ее мужу и старшему сыну, навсегда оставшимся на войне. Газета ежедневно информировала жителей Берлина о пребывании Дарьи Дементьевны в их городе. Читая эти материалы, рассматривая фоторепортажи, поражаешься душевной открытости, мудрости этой мало учившейся, много работавшей простой русской женщины.

В одном из номеров — целая полоса была посвящена ей: «Мать», напечатан и ее большой портрет. Дарья Дементьевна много выступала. Пригласили ее и на встречу с женщинами, чьи мужья и сыновья тоже погибли во второй мировой войне. И хоть сражались ее Степан Михайлович и Петр по другую сторону баррикад, чем родные этих женщин, все прекрасно поняли боль друг друга, и чувства всех присутствующих, как писала газета, Дарья Дементьевна выразила очень точно:

> «Пусть никогда дочери не переживут того, что выпало на нашу долю, пусть никогда не повторятся фашизм и война!»

В день отъезда Одарченко из Берлина в редакцию «Ам Абенд» пришло письмо: одна из жительниц города фрау Фридель Примас приглашала Дарью Дементьевну и Ивана Степановича навестить ее: очень хочет передать матери солдата сувенир, который хранится в ее семье более полувека.

Навестить фрау Примас Одарченко смогли лишь в следующий приезд. На аллею К. Готвальда № 228, где она жила, Иван Степанович поехал с дочерью Леной. Фридель Примас расспрашивала о Дарье Дементьевне, о их большой семье. Рассказал Иван Степанович о рабочем городе на границе Европы и Азии — Магнитогорске, в котором прошло его детство и

строить который довелось его родителям, о том, как в 17 лет стал парашютистом-десантником, какие страны освобождал, сколько ранений имеет, о своей теперешней работе на заводе.

Фрау Фридель была из семьи немецких рабочих. Девушкой в первую мировую войну жила на заводской окраине, неподалеку от которой русские военнопленные работали на стройке. Шел 1917 год, осень. В России готовилась Великая революция. Немецкие коммунисты старались как-то облегчить жизнь пленным. И по их поручению заводские девчата относили в условленное место собранные для русских продукты. Однажды ее окликнул русский парень. Он объяснил, что возвращается на родину и хотел бы оставить память о себе и товарищах. Он протянул ей самодельную вазу из дерева, глины и разноцветных осколков стекла, поблагодарил за заботу, риск.

53 года не расставалась с ней фрау Примас и вот теперь хочет, чтобы вернулся презент на родину того русского, к другой старой женщине, которая для всех стала символом солдатской матери.

Я держала в руках подарок Фридель Примас и вспоминала рассказ Терентия Семеновича Мальцева, знатного человека нашей страны, как он, солдат первой мировой, в германском плену вступил в Коммунистическую партию и на всю жизнь сохранил память о рабочей солидарности немецкого пролетариата. Интересно, что Терентий Семенович уже в 83-летнем возрасте поехал в ГДР, в те места, где прошел школу политического самообразования, где на деле познал законы интернациональной дружбы и взаимопомощи.

3

От Якова Борисовича Белопольского, автора-архитектора мемориала, лауреата Ленинской и Государственной премий, услышала я историю создания архитектурно-скульптурного ансамбля в Трептов-парке Берлина.

Такое сооружение возводилось впервые в истории послевоенного монументального искусства. И новыми средствами нужно было увековечить память погибших за Победу.

— В синтезе архитектуры, скульптуры и других видов искусств, в сочетании с окружающей природой, в пространственной композиции нужно было отразить, как в героической симфонии, где есть и траурные и победные марши, замечательную тему, значительную и ответственную, — говорил Яков Борисович.

В кабинете его московской квартиры на Ленинском проспекте, среди фотографий, эскизов, скульптурных слепков и документов, естественно, возник разговор о деталях работы, подробностях. Впоследствии представление о ней дополнилось новыми интересными фактами и выстроилось так, как я теперь хочу написать об этом.

За два года до нападения на Советский Союз, едва развязав вторую мировую войну, Гитлер уже вплотную задумался над тем, как увековечить завоевания «Великой Германии». Коллективу архитекторов и скульпторов он поручил разработать проект памятника в Берлине, с которого должно было начаться «шествие» триумфальных монументов по пути фашистской армии. Завершиться этот «парад» должен был в Москве. Подписывая акт о ненападении на Советский Союз, улыбаясь перед кинокамерами при встрече с В. М. Молотовым, Гитлер знал, что из Швеции и Норвегии уже началась отправка необработанного гранита, закупленного для увековечения силы рейха и падения Москвы.

Главным проектировщиком Гитлер назначил своего близкого друга, архитектора-нациста Альберта Шпеера, основателя нового единого германского архитектурного стиля. Тот уже успел порадовать фюрера строительством имперской канцелярии, немецкого павильона на Всемирной выставке в Париже и разработал план гигантской перестройки Берлина — столицы империи от Пиренеев до Урала. Лев Гинзбург в «Потусторонних встречах» пишет об этом:

> «Посреди города намечалось построить триумфальную арку, намного превосходящую величиной парижскую… Триумфальная арка воздвигалась якобы в честь немецких солдат, павших в первой мировой войне, чьи имена — все до единого — должны были быть высечены на граните и мраморе. Но Гитлер, очевидно, уже тогда предполагал увековечить имена убитых не столько в первой войне, сколько во второй, будущей, хотя для этого не хватило бы, наверное, и сотен арок. Главной же достопримечательностью Берлина должен был стать Большой дворец, увенчанный куполом с изображением земного шара, на котором восседает германский орел. Когда-то, еще в 20-х годах, Гитлер сам сделал наброски этих сооружений — несколько эскизов, хранившихся как строго секретный документ в особом сейфе и переданных затем на доработку Альберту Шпееру».

Неизвестно, включал ли в себя новый проект Шпеера триумфальную арку и Большой дворец или архитектор разработал принципиально новую серию монументов, поскольку аппетит приходит с едой, а пир во время чумы уже начался. Но факт тот, что аккуратно сложенные, с инвентаризационными номерами гранитные глыбы дожидались своего часа в хранилище на берегу Одера. А поскольку этот час зависел от большого часа победы Германии над миром, то он отодвигался и отодвигался.

Наконец, наступил момент, когда Альберта Шпеера судили как военного преступника на Нюрнбергском процессе и отнюдь не за архитектурные поделки. В новой должности министра вооружения третьего рейха он был повинен в чудовищных преступлениях против человечества. Не до памятников ему было, если, спасая шкуру, в своем последнем слове на заседании Международного военного трибунала матерый фашист вдруг стал ратовать «за мирное сожительство народов».

Словом, история посмеялась над великодержавными мечтаниями фюрера. И встал вопрос о другом памятнике Победы. Впервые в истории он должен был подняться на земле побежденного фашизма. Не в столице страны-победительницы, а в логове распятой гидры.

На конкурс было представлено свыше 50 очень разнообразных и интересных работ: обелиски, башни, гигантские кубы, пирамиды, колонны, скульптурные группы.

Приняли проект скульптора Е. В. Вучетича, архитектора Я. Б. Белопольского, инженера С. С. Валериус и художника А. А. Горпенко.

Для возведения архитектурно-скульптурного ансамбля потребовалось много гранита и мрамора. Тут и вспомнили, что существует версия о гитлеровских тайниках. Но где они?

Однажды в штаб строительства пришел пожилой немец. Он сказал, что в 90 километрах от Берлина, на берегу Одера, есть склад с большим запасом строительных материалов. Его создавали под прикрытием концлагеря, а человек этот из бывших заключенных. Поэтому видел сам, как завозили, может показать.

Группа советских офицеров и авторы мемориала поехали с добровольным провожатым на поиски. Действительно, на берегу одного из заливов Одера под Фюрстенбергом обнаружили остатки концлагеря и хранилище гранита. Это была еще одна гримаса истории. Уже не министр Шпеер, а офицер Советской Армии Е. В. Вучетич командовал строительным парадом. И помогали ему граждане рождающейся Германской Демократической Республики.

Недавно в маленькой заметке «Комсомольской правды» я

прочла воспоминание одного из участников строительства каменщика Иоганесса Шнеллера, которого разыскали юные историки Трептовского Дома пионеров:

> «Трудно передать мое волнение, когда меня пригласили принять участие в этом грандиозном строительстве. Работа была во всем необычной. Вряд ли кто другой в то время мог бы похвастаться, что он принимал участие в создании величайшего исторического памятника».

А вот еще воспоминания Хайнца Вальтера, приведенные в книге, составленной юными следопытами и вышедшей в Берлине:

> «Все каменотесные работы осуществлялись под руководством Альфреда Мюллера, его заместителем был Хельмут Майхефер. Все они подчинялись советскому штабу стройки во главе с инженером Н. С. Капорцевым.
>
> Большие трудности были с инструментом для каменотесов и резчиков, его негде было достать, нелегко ремонтировать и затачивать. Кузнец-инструментальщик Густав Гротштюк не жалел сил, чтобы помочь нам, но не было нужной стали. И все же «наш Густав», как его все называли, нашел выход. Он решил изготовлять нужный инструмент из гусениц танков и стволов зенитных орудий. Насколько я помню, Густав Гротштюк, работая на строительстве трептовского памятника, стал первым в Берлине ударником, награжденным за свой труд».

4

Минуло много-много лет. В 1980 году по приглашению Ивановского отделения общества «Знание» И. С. Одарченко приехал в прославленный текстильный край. В Иваново состоялась встреча в редакции газеты «Рабочий край». Присутствовал на ней худощавый пожилой человек. Когда Иван Степанович пожимал ему руку, кто-то сказал:

— Знакомьтесь, знакомьтесь: Солдат-освободитель с горы Геллерт и Солдат Трептова.

Они растерянно смотрели друг на друга, а вокруг щелкали фотоаппараты репортеров.

Удивительные подробности выяснились при разговоре. Оказалось, что судьбы их очень схожи: оба на фронт уезжали из Иваново, где формировались их части. Оба рядовыми. Оба

участвовали в боях за Будапешт. После войны оба пошли на завод рабочими, и сегодняшние их должности похожи: один — мастер, другой — помощник мастера. Обычные советские люди. Но именно их бронзовые двойники несут вечный караул в памятных местах двух европейских столиц.

После освобождения Венгрии известный скульптор Ж. Кшифалуди Штробль приступил к большой, серьезной работе: в центре Будапешта, на правом берегу Дуная на горе Геллерт, он мечтал установить памятник в честь освобождения споен страны. Кто бывал в Будапеште, несомненно, помнит этот монумент на крутом придунайском холме: простоволосая женщина держит в поднятых руках пальмовую ветвь, покой ее стережет советский солдат. Памятник этот виден даже из дальних районов города. Красив и величествен он с Дуная.

Для скульптуры свободной Венгрии Штроблю позировала крестьянская девушка Эржбет Туранси. Нужен был советский солдат для образа освободителя. Скульптор обратился в Союзную контрольную комиссию к К. Е. Ворошилову. С легкой руки маршала Воином-освободителем стал кавалер ордена Славы солдат В. Головцев.

По окончании работы скульптор подарил Головцеву фотографии проекта монумента. Сам памятник в законченном виде Василию Михайловичу увидеть тогда не довелось. Солдатские дороги спешили дальше. А с годами эпизод этот стал забываться — в снах же виделись бои на Курской дуге, пожарища Сталинграда.

В год 20-летия Победы Ж. Штробль решил разыскать «солдата Василия» (фамилию он не помнил) и обратился в СССР на Всесоюзное радио. Передачу услышала в Майкопе сестра Василия Михайловича. Написала в город Тейков Ивановской области, где жил Головцев. Извлек солдат из забвения фотографии…

А вскоре по приглашению правительства Венгерской Народной Республики поехал в Венгрию. Было много встреч, которых не забыть. В том числе и с профессором медицины Эржбет Туранси. За героизм и мужество, проявленные В. М. Головцевым в боях за освобождение Будапешта, правительство республики наградило его венгерским орденом.

Вот какую историю поведал мне в письме Иван Степанович Одарченко, прислал он и фотографии.

> «Одно я Вам скажу, — писал он, — что Василий Михайлович Головцев — честный, скромный и замечательный человек, очень сильно любит свою Родину и свой народ».

Думается, что этими чертами в равной мере обладают они оба: верные сыны Родины, солдаты Великой Отечественной.

* * *

Шло 34-е лето после войны. Полувековой юбилей отмечал уральский город, где в священном «грохоте огня и стали» родилась Победа, — Магнитогорск. В тот день уральские рабочие передали на вечное хранение в музей Вооруженных Сил страны символический меч. Он должен был занять место рядом с историческим знаменем Победы.

На берегу Урала, посередине России, открывали монумент: в трудный для Родины час выковал рабочий победный меч для солдата, понесет тот уральский меч в самый страшный бой и взметнет его Родина-мать в минуту народного подвига и скорби над головами проклятых врагов.

Гремела «Священная война». Пел ее здесь, у основания скульптуры, хор имени Александрова, как когда-то — в первый день войны — на Белорусском вокзале столицы. Плакали люди и не стеснялись своих слез: тысячи на едином дыхании вновь переживали минувшее.

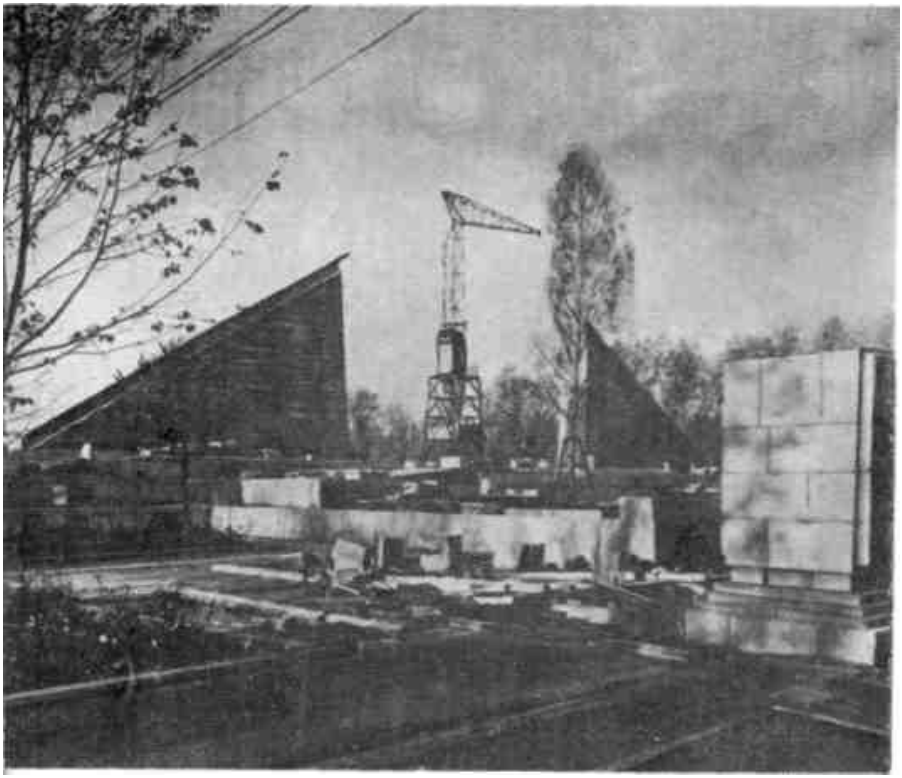
И в эти минуты среди гостей я увидела Ивана Степановича. Его нельзя было не заметить, по-прежнему статного и величественного, только с совсем побелевшей головой. Неподвижно смотрел он ввысь, туда, где на фоне голубого мирного неба тяжело ложился в солдатские руки уральский меч Победы.

Во имя Победы сотворили этот меч земляки Одарченко здесь, на земле его детства и юности. Во имя Победы, осененный им, шел в свой последний бой под Сталинградом его отец — первостроитель этого города. Во имя мира и жизни на всей планете он, «солдат Трептова», опустил его на фашистскую землю в самом центре Европы.

Что испытывал, о чем думал, какие чувства переживал старый солдат в эти святые мгновения?..

Берлин — Тамбов — Челябинск,
1980 г.

Слава тебе, советский солдат!
Скульптор Е. В. Вучетич за работой. Берлин, 1948 г.



Трептов-парк. Таким увидел его И. С. Одарченко в дни возведения мемориала.

Через четверть века. Мать и сын у монумента.

Снимок на память. Слева стоит Бруно Шульц.

Воины-освободители. В. М. Головцев и И. С. Одарченко.

ХЛЕБ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

…МАЛАЯ ЗЕМЛЯ. ЗДЕСЬ ЧЕСТЬ И КРОВЬ МОЯ.
ЗДЕСЬ МЫ НЕ МОГЛИ, НЕ СМЕЛИ ОТСТУПАТЬ.
МАЛАЯ ЗЕМЛЯ — СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ,
ТЫ — МОЯ ВТОРАЯ МАТЬ…

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ. ТОВАРИЩИ, ДРУЗЬЯ…
ВЕЧНОМУ ОГНЮ В СЕРДЦАХ ЛЮДСКИХ ГОРЕТЬ…
МАЛАЯ ЗЕМЛЯ — ВЕЛИКАЯ ЗЕМЛЯ
БРАТСТВО ПОБЕДИВШИХ СМЕРТЬ![1]

Н. Добронравов

О легендарной, священной земле, где в течение 225 дней неприступной скалой на пути врага стояли советские моряки, написано много яркого, пережитого, волнующего. Но массовый народный подвиг и через десятилетия продолжает представлять истории все новые и новые имена, факты. Так, по следам их родился и этот материал, в котором мне хотелось рассказать о малоизвестных страницах героической борьбы, о скромных тружениках обороны и возрождения Малой земли.

ХЛЕБ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

Из донесения политотдела 18-й армии о боевых действиях 27 июля 1943 года:

> «На захваченной нашими десантными частями земле в районе Станички оказались участки, засеянные озимой пшеницей. Урожай выдался на славу. С 20 июля в подразделениях бригады Потапова активно приступили к уборке урожая. Бойцы штабных подразделений, жертвуя сном и отдыхом, под носом у противника собирают колосья пшеницы, а днем, просушив ее на солнце, обмолачивают. Работами по уборке и обмолоту пшеницы руководят опытный украинский колхозник Михаил Николаевич Корниенко. Собрано, обмолочено и сдано на продсклад бригады 1336 кг первосортного зерна. Уборка продолжается.
>
> На уборке особенно отличились комсомолки Полина

Сербина, Нина Губина, Тося Бабкова, Аня Гельман, Дарья Лазебник и многие другие…

Начальник политотдела 18-й армии

полковник Л. Брежнев»

Этот документ я показала Семену Тимофеевичу Григорьеву, когда на месте высадки легендарного десанта рассказывал он о боях за Станичку, о том, как насмерть стояли на рубежах его боевые товарищи, кровью оплачивая каждый отбитый у врага окоп, дом, переулок.

Земля эта для него священна трижды и измеряется не метрами, а памятью.

Сюда февральской ночью 1943 года вслед за куниковцами высадился штурмовой отряд Григорьева. Здесь в первые дни обороны принял Семен Тимофеевич командование 142-м батальоном 255-й бригады морской пехоты. Здесь улицы сегодня носят имена погибших друзей, их черты узнает он в скульптурах и барельефах, их фамилии читает на обелисках. Здесь проходил едва ли не самый трудный участок Малой земли. Помните — «горела земля, дымились камни, плавился металл, рушился бетон…»

И именно здесь тяжело раненная земля весенним утром 1943 года родила чудо: в лощинах и овражках зазеленела вдруг пшеница.

Сегодня лишь в памяти людской сохранилась старая Станичка, заложенная отставными матросами сто лет назад. Стертая с лица земли жестокими боями, она возродилась памятником народного подвига — Куниковка, новый многоэтажный район Новороссийска.

Семен Тимофеевич показывает бывшие поля: с правой стороны улицы имени Героев-десантников, в строящемся 9-м микрорайоне — от городского кладбища до моршколы заплатами на обожженной земле взошла тогда пшеничка. Именно пшеничка. Во всех рассказах участников той необыкновенной уборки она называлась только так — ласково, уменьшительно.

Откуда взялась она в эпицентре боевых действий? Кто посеял ее?

Версию о том, что это неубранный, перезимовавший урожай 1942 года, отвергли все бывшие колхозники, с которыми удалось поговорить: лето выдалось добрым, пшеницу в здешних местах убирают рано — «до немца успели бы» — да и вообще в то лето поля эти были под помидорами. Наконец, в совхозе «Малая земля» у Елизаветы Минасовны Геворкянц, жившей до войны в

Станичке и работавшей в колхозе «Новый путь», услышала: сеяли осенью сорок второго уже при немцах, приказ такой был дан населению — использовать земли после уборки помидоров и парниковые; люди не очень-то и сопротивлялись, каждый шел на сев со своей думой: выбьют к лету фашистов — самим и сгодится.

Словом, посеяли пшеничку на оккупированной территории, а взошла она на Малой земле. В самые жестокие апрельские бои зазеленела.

В июле уже золотился урожай. Солдаты из хозвзвода 142-го батальона, в расположении которого оказались пшеничные делянки, ночью настригли вещмешок колосков, обмолотили, смололи на мельницах, сделанных по такому случаю из снарядов, и испекли оладьи. Угостили ими и командира бригады А. С. Потапова и замполита М. К. Видова.

Сперва думали собрать пшеничку для бригадной кухни, тем более, что в дни наиболее ожесточенных боев, когда подвоз продуктов на Малую землю прекращался совсем, матросский рацион доходил до двух сухарей в сутки. Но кто-то предложил: отправим урожай на Большую землю, поможем стране, там тоже голодают. Предложение обсудили на совещании командиров частей и замполитов, потом на партийных и комсомольских собраниях. Решение было единым: собрать пшеницу и две трети ее сдать государству. Так началась невиданная ни в какой истории хлебоуборочная кампания.

По-прежнему гремели бои, по-прежнему «роты сдерживали натиск батальонов, батальоны перемалывали полки», кровью умывалась земля. А смеркалось — и уходили бойцы в хлебные рейды. Определили и еженощную норму — мешок колосков на человека. В целом каждый батальон должен был собрать не менее двух центнеров зерна.

Теперь, спустя почти четыре десятилетия, кажется, что не могла память людская сохранить все подробности этой, в общем-то, не самой главной в эпопее Малой земли операции. Но оказалось, что смогла. Более того, разговоры с очевидцами и участниками ее убеждали, что люди не всегда помнят тот или иной бой, как правило, не скажут, скольких раненых вынесли из боя — не до того было! — а хлебную операцию помнят все, наверное, потому, что многих, хоть в мыслях, возвращала она к дому, к привычному крестьянскому труду. Наверное, поэтому и просились «по колоски» каждую ночь все новые и новые добровольцы, и скоро из привилегии хозвзвода ночной хлебный фронт стал делом всех. Ходили матросы, красноармейцы, операционные сестры, повара, ходил и командир бригады Алексей Степанович Потапов.

В 142-м батальоне рекорд уборки принадлежал парторгу второй роты сержанту С. Х. Валиуллину, а менее чем через два месяца этот бесстрашный человек, как и Александр Матросов, закрыл своим телом амбразуру.

На пшеницу собирались, как в наступление, в некоторых частях даже выдавали уходящим чистое белье, новую обувку. Колоски срезали ножами, стригли ножницами, рвали руками, зубами; кто-то вязал снопы, кто-то вталкивал в вещмешки. Временами фашисты зажигали осветительные ракеты — «люстры», и тогда становилось светло, как в солнечный день, и следовал обстрел. Особенно жестокий, если били с моря. Дней за 10—12 убрали всю пшеницу. Умудрились почистить поля даже в нескольких метрах от неприятельских позиций. 142-й батальон собрал тогда около 1300 килограммов зерна, а в целом по бригаде эта цифра определялась как 5—6 тонн. Рассказывают, что, когда отправляли урожай в Геленджик, приложили к нему письмо, в котором малоземельцы просили не молоть эту пшеницу, а посеять на освобожденной земле.

Уже в конце сентября 1943 года, по словам бывшей колхозницы Павлы Серафимовны Шматовой, вновь посеяли здесь пшеницу и сеяли до 50-х годов, пока не оказались поля в черте города.

Теперь славна эта земля виноградниками, славна на весь мир солнечными плодами и ароматными лечебными винами. Но в судьбах многих людей, в их воспоминаниях, как и в гербе всего Краснодарского края, виноградная лоза навечно переплелась с янтарными колосьями.

ХЛЕБ ДЛЯ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

Раиса Ивановна Никольская — человек, хорошо известный не только в своем крае. Знакомством с ней гордятся известные актеры, ученые, космонавты, подводники Северного флота, у нее часто бывают делегации из Австрии, Венгрии, ГДР, ФРГ. Герой Социалистического Труда, четверть века директор совхоза-миллионера «Геленджик», она одна из создателей лучших советских вин Алиготе Геленджик, Совиньон Геленджик, Мускат янтарный, удостоенных золотых медалей и дипломов на международных и всемирных конкурсах вин.

В дни торжеств рядом с высшими наградами Родины Раиса Ивановна надевает дорогой для нее Почетный знак «Ветеран Краснознаменного Черноморского флота». Награждена она им за хлеб для Малой земли, за тот пахнущий порохом и смоченный

слезами хлеб, что под бомбами и снарядами выпекала для моряков вместе с другими женщинами Геленджикского хлебозавода.

Спросите сегодня любого ветерана-черноморца, где начиналась Малая земля, ответ будет один: «В Геленджике». В этом прифронтовом городке, отделенном от Новороссийска в мирное время просто двадцатью километрами моря или часом езды на машине, формировался десант на Малую землю, отсюда еженощно уходили к ее горящим берегам с подкреплением, продовольствием, снарядами, топливом катера, теплоходы, боты, деревянные баркасы, сейнеры, шаланды «тюлькиного флота», сюда вывозили раненых малоземельцев, и здесь под любыми бомбежками и обстрелами круглые сутки работал хлебозавод — 40 тонн в день для передовой.

Придя на рабочую смену в июне 1942 года, Раиса Ивановна рассталась с заводом лишь через восемь лет, когда избрали ее коммунисты района своим секретарем. Через тридцать лет, обращаясь к молодежи, Раиса Ивановна напишет в городской газете «Прибой»:

> «Очень часто, когда я беру в руки мягкую, душистую булку, то вспоминаю тот другой хлеб, который был полит кровью, слезою и потом… Сейчас, когда нам светит мирное солнце, когда хлеб пахнет только хлебом, разве можно забыть о фронтовом хлебе, что пах порохом».

Фашистам была ясна роль этого городка, и они бомбили его беспрестанно. На углу улиц Островского и Кирова хорошим ориентиром для вражеских самолетов служила труба хлебозавода. Часто бомбы ложились прямо на заводской двор. Когда начинался налет, в бомбоубежища не спускались: останавливать производство было нельзя — тесто могло перекиснуть, хлеб сгореть.

А что в те дни значил кусочек хлеба? У женщин, вымешивающих опару, от голода кружилась голова, из толченых желудей пекли они лепешки своим детям, на счету был каждый кусок, каждый грамм муки.

На Малую землю хлеб отправляли в мешках, хорошенько завязывая на дорогу. Радовались, когда наутро мешки пустыми возвращались на завод — значит, дошел хлебушек по назначению, значит, сыты сегодня там, на огненной полосе. Гул воздушных боев над Станичкой и Мысхако был слышен в Геленджике, а с мыса Дооб, из Кабардинки, видна вся в завесах дыма и пожарищ непобежденная земля.

Иногда мешки не возвращались — значит, транспорт не дошел до Малой земли. Иногда мокрый, раскисший, горько-соленый хлеб привозили обратно. Вновь замешивая его, растирая на терках, работницы плакали.

А на Михайловском перевале, где жили дети Никольской, шестилетний Витя стрелял соек, чтобы прокормить трехлетнюю Риту и бабушку.

В одну из февральских ночей Раиса Ивановна подходила к своему дому. У калитки ее остановил матрос:

— Вы живете здесь? — он протянул сложенную опасную бритву. — Я ухожу на тот берег. Останусь жив — вернусь за ней.

Более тридцати лет хранилась в семье Никольских бритва неизвестного моряка…

В Геленджикском музее — несколько фотографий работников хлебозавода военной поры: бригадиров К. Н. Литвиновой, Е. Ф. Ластовки, директора завода В. А. Князева, механика А. У. Крицкого, за боевые заслуги награжденных орденами и медалями. Эти фотографии на музейной стене — рядом со снимками, сделанными в июле 1943 года на Малой земле. Внимательно рассматриваю их и вдруг — знакомые фамилии: санинструктор Н. А. Губина, санинструктор А. В. Бабкова, операционная сестра П. И. Сербина… и еще фото — самодельной мельницы 3-й роты 142-го батальона 255-й бригады морской пехоты — имена, события, что дошли до нас в донесении полковника Л. И. Брежнева.

СУДЬБЫ

(Полина Сербина, Антонина Бабкова, Дарья Лазебник)

Слишком много лет минуло с тех пор и сложны дороги, которыми шли к Победе, чтобы легким представлялся поиск этих женщин, реальными встречи с ними. И все-таки надежда жила. Беседы с малоземельцами, доброжелательная помощь сотрудников музеев и просто незнакомых горожан, работа в архивах. Наконец…

Встреча первая

В городе Крымске, там, где маленькие нарядные домишки Адагумских переулков воссоздают облик довоенной станицы, в домике с голубыми ставнями живет Полина Иосифовна Сербина-

Омелина. Так уж случилось, что станица Крымская, в боях за которую получила она свое боевое крещение, стала ее домом. Входишь — и горькая, героическая память встречает за первым же порогом: музей, стенды с фотографиями, экспонатами, брошюры, книги, газетные публикации, карта битвы за Кавказ.

Это не боевой путь одной семьи, не хроника малоземельцев Омелиных, это любовно воссозданный подвиг народа. Здесь земля Новороссийска, Москвы, Киева, Бреста, Сталинграда. И, конечно же, — Малая земля: слой осколков, мин, снарядов, бомб, порыжевшие солдатская каска, автомат, мина, граната, позеленевший от времени шприц из санитарной сумки медсестры, боевые ордена, медали. И лица, лица, лица — фронтовая молодость поколения.

Два чеканных офорта на стене вместили целую жизнь Полины Иосифовны. Неизвестный матрос с новороссийской набережной и Солдат у Вечного огня на Сопке Героев.

Перед войной, когда на месте Сопки Героев располагался хутор Горишний, Поля Сербина жила здесь в большой крестьянской семье: только детей — десять душ. Работали в колхозе имени 9 Января. Колхоз по тем временам богатый: звуковое кино, духовой оркестр. В десять лет Поля умела ломать табак, нанизывать его на шнуры, пачковать, с сестрами и матерью Анной Ивановной вязала хлебные снопы. В тринадцать лет порадовала семью первыми колхозными премиями за отличный труд во время каникул: поросенок, стулья в избу и материал на сарафан. Умер отец, семье нужна была помощь — она оставила школу, пошла в колхоз.

Незадолго до войны секретарь комсомольской организации колхоза Полина Сербина получила две специальности: техника-животновода и санинструктора. А началась война, ушли на фронт мужчины, и жизнь заставила девушку стать еще и зоотехником, и ветврачом. Колхозные коммунисты приняли Полю кандидатом в члены партии.

Летом 1942 года на заседании правления колхоза Полина отчитывалась о заготовке кормов на зиму, а всего через месяц в лесу у станицы Северской спасала она колхозный скот — тысячу голов, когда выяснилось, что дальше гнать его некуда: дорога на Горячий Ключ уже у немцев. Всего через год судьба солдата привела Полину вновь в Горишний. Пепел и труба на месте родного дома, да еще щипцы, которыми клеймила она скот, да детское платьице в крови — сестренкино…

Сердце окаменело раньше. Если бы оно могло разорваться от горя, оно разорвалось бы еще на Малой земле. Операционная сестра, комсорг медсанроты, сколько горя и смерти видела она за

этот год, сколько мучений, страданий, утрат. Кровь людская текла в море, проходя через сердца живущих…

Было нужно — и ползла сестричка к колодцу за водой, припадая к мокрой земле и скрываясь за баррикадами трупов, было нужно — стояла часовым; ежеминутно рискуя жизнью, собирала желуди и мушмулу, чтобы покормить раненых; ночами шла по колоски, научилась не спать, быть храброй в любые моменты, даже когда 500-килограммовая бомба, упавшая прямо в стационар, на глазах прошла сквозь пол, так и не разорвавшись. Такие секунды стоят жизни. Сколько их было у Полины Иосифовны, вошедших в сердце острой болью. Советский моряк на ее глазах бросился с гранатами под прорвавший оборону танк. А 19 матросов, связанных колючей проволокой и заживо сожженных фашистами!

Трудные пережиты дороги: и Керченский десант, и форсирование Днестра, и штурм Сапун-горы, и бои под Балаклавой. За смелость, волю и геройство награждена Полина Сербина двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и другими.

Ей сейчас под шестьдесят. А так и осталась хрупкой, женственной, очень похожей на ту девушку с военной фотографии, которую не портили ни сапоги 42 размера, ни мужская гимнастерка с чужого плеча.

Отслужили в армии сыновья, и в домашнем музее — макет Холмских ворот Брестской крепости уже как память о солдатских буднях сына Геннадия. Заслужена пенсия: всю послевоенную жизнь Полина Иосифовна — рабочая на консервном заводе. Годы мало состарили ее — подвижна, деятельна, вся в энергии, порыве. И в воспоминаниях верна себе. Самое яркое — как шли февральским морем с десантным отрядом на Малую землю и, когда в ночи увидели огни берега, тихо запели «На рейде большом…» Так и запомнились на всю жизнь аккомпанирующий плеск воды за бортом и песня — шепотом, на едином дыхании — последняя мирная минута у огневого рубежа.

Встреча вторая

На столе — две фотографии: русоволосая девушка в морской форме с орденом на груди с группой матросов в дозоре и она же, одна, вдруг улыбнувшаяся корреспонденту. Сделаны они в июле 1943 года между 19 и 29 числами, когда на Малую землю по рекомендации начальника политотдела 18-й армии полковника Л. И. Брежнева приезжала фотокорреспондент «Комсомольской

правды» Наталья Михайловна Аснина. Было это как раз в те дни, о которых говорилось в донесении, — когда убирали пшеничку.

Снимки Н. М. Аснина выполняла для постоянной выставки ЦК ВЛКСМ «Комсомол в Отечественной войне», тщательно записывая данные о своих героях. И вот через десятилетия ее общая тетрадь в коленкоровом переплете, хранящаяся в Геленджикском музее, принесла первые сведения о Тоне Бабковой. Под № 72 читаем:

> «Лучшие разведчики: санинструктор Антонина Владимировна Бабкова (награждена орденом Красной Звезды), старшина 1-й статьи Ермолаев Н. В., старшина 2-й статьи Тимченко Д. С. — комсорг роты, кандидат ВКП(б) и старшина Мурашов П. С.»
>
> № 73 — «Отважная девушка вместе с разведчиками ходит в тыл врага. Тоня Бабкова, санинструктор. Дважды была ранена и после госпиталя, отказавшись от отдыха, вернулась на Малую землю».

В фондах музея истории города-героя Новороссийска хранится тоненькая папка-дело «Антонина Бабкова, санинструктор роты разведки 255-й бригады морской пехоты». В ней — воспоминания однополчан, письма командира роты Героя Советского Союза В. Г. Миловатского и начальника штаба 322-го батальона А. О. Савицкого. По этим документам можно восстановить факты короткой, но героической Тониной жизни.

Тоня — морячка с детства, росла в Батайске, Азове. К началу Отечественной войны ей было шестнадцать лет. Вместе с отцом, судовым механиком, на катере, включенном в Азовскую флотилию, отступала она к Тамани. С отрядами морской пехоты Ц. Л. Куникова и А. И. Вострикова в девятибалльный шторм выходили они из окружения. Жестокий налет вражеской авиации — гибнет отец, в щепы разбит катер. Тоню спасают матросы. Так в составе батальона морской пехоты Бабкова дошла до Новороссийска. Окончила школу Красного Креста и в боях за станицу Абинскую заслужила первую правительственную награду.

> «Она умела вовремя оказать первую помощь раненым, метко стреляла из пулемета «максим», вместе с матросами участвовала в уличных боях…»
>
> «Мужественно сражалась она в бою за высоту 219,8. Овладев этой высотой, рота в течение четырех суток отбивала атаки противника. В последние два дня нас оставалось боеспособных 18 человек… Тося брала автомат и вела огонь по врагу».

В составе молодежного разведывательно-диверсионного взвода высадилась Тоня Бабкова 5 февраля 1943 года на Малую землю в районе рыбзавода. Сейчас памятная стела указывает в Куниковке место высадки первых штурмовых отрядов; овражки и колдобины пустынной порыжелой земли напоминают о ходах сообщения, истинных артериях жизни, которые по всем направлениям пересекали героический плацдарм. А кольцо троллейбуса, которым теперь запросто проехать на Малую землю — как круг почета в память о насквозь разбитом, но выдержавшем все 225 дней штурма здании бывшей Новороссийской радиостанции, что стояло на этом месте и в котором размещался штаб 255-й бригады морской пехоты — Тониной бригады.

Трудно сейчас в деталях восстановить геройскую жизнь Тони на этом горячем рубеже, да и нет такой необходимости. Обстановка тех легендарных дней с большой точностью воспроизведена во многих книгах воспоминаний самих участников обороны, и прежде всего в книге Л. И. Брежнева.

> «Достаточно сказать то, что Тоня находилась весь период обороны наших войск на Малой земле. Она участвовала в освобождении города Новороссийска. Высадившись десантом 10 сентября в районе портового холодильника, она мужественно сражалась вместе с моряками и погибла геройской смертью».

И последний документ, переданный мне заведующей мемориальным отделом музея Б. Д. Стариковой.

АКТ

1943 года сентября месяца 16 дня

Мы, нижеподписавшиеся, офицеры и рядовые Н-ской части капитан 3-го ранга Назарук, капитан Сафонеев, лейтенант Скородумов, краснофлотец Голаваха, составили настоящий акт в том, что при взятии города Новороссийска мы обнаружили в подвале здания холодильника трупы шести сожженных заживо краснофлотцев. Среди них была одна девушка. На трупах видны следы пыток: выколоты глаза, разбитые черепа, сломанные конечности… Около трупов лежали жаровни

с углями, бутылки с бензином и металлические орудия пыток. Фамилии не установлены.

По остаткам одежды, наградам, по сапогам, сшитым незадолго до этого батальонным сапожником, однополчане опознали Антонину Бабкову…

Она навсегда осталась в новороссийской земле. На площади Героев, над братской могилой, что в сотнях метров от места Тониной казни, в трауре приспущены знамена. Лицом к морю в почетном карауле вахту скорби несут будущие моряки, и каждый час над чашей с Вечным огнем суровой памятью звучит мелодия новороссийских курантов.

Встреча третья

Дарье Федоровне часто снится один и тот же сон: видит она себя в чужом, незнакомом городе, вроде бы навсегда уехала из Новороссийска и нет пути назад. Это каждый раз ужасает Дарью Федоровну, она плачет и просыпается.

С Новороссийском у нее родство кровное в самом прямом смысле: скреплено собственной кровью, жизнями близких, боевых товарищей. Поэтому и, нет для Дарьи Лазебник города дороже, поэтому даже во сне страшит мысль о разлуке с ним.

Часто в первые годы после войны прямо с работы, — а работала она на стройке, потом почти 20 лет на кроватном заводе, — выпросив ведерко с краской, шла Дарья Федоровна на места боев, близкие ей до боли, до слез, где под безымянными обелисками погребены малоземельцы — знакомые и незнакомые. Подновляла памятники, ухаживала за могилами, сеяла на них цветы. Потом состоялись перезахоронения, и заботы ее стали ненужными. А память жила, бередила душу.

Каждое 15 сентября, накануне дня освобождения Новороссийска, когда съезжаются на Малую землю ее защитники, вместе с ними отправляется Дарья Федоровна в Южную Озерейку, где в февральскую ночь высадки первого десанта героически погибли более тысячи краснофлотцев. Едет, чтобы бросить в море и свой венок, свои цветы. Долго потом качают волны эти скорбные знаки народной памяти.

В Новороссийске тщетно искала я дом, где несколько лет назад жила семья Лазебник — адрес устарел. На этом месте в Куниковке ныне большая стройка: уже и стены поднялись, и крыши наведены — Дворец культуры и гостиница. Увидев постороннего, из прорабской выглянула женщина. Оказалось, что

жила и она когда-то в том несуществующем теперь доме. «Нужно ехать до улицы Журналиста Луначарского, дом с лоджиями».

Дом имел пять подъездов и столько же этажей…. Но мне повезло. Первая же прохожая, у которой я спросила про Дарью Федоровну, «пожилую-пожилую», удивленно ответила, что Лазебник знает, только она совсем не пожилая, даже еще не пенсионного возраста.

Оказалось, что Дарья Лазебник на фронт ушла молодешенькой. Местная, из станицы Анапской, из колхоза имени Димитрова. С детства умела многое: и хлопок убирать, и снопы вязать, могла и обед приготовить, и постирать, и виноград обрезать. Как любая крестьянская девушка той поры.

На Малой земле красноармейца Лазебник определили при интендантстве. Стряпала, носила матросам еду в термосах, ходила по воду, стирала белье. Правда, другой смысл приобретали там, на пропитанном кровью героическом пятачке, самые обычные слова. «Носила еду» — это когда ползком минными полями, под бомбами, обстрелом. «Ходила по воду» — собирала ее по каплям со стен госпиталя, что располагался в скале под землей. В разбитых хатах ночью вывешивали стираное белье и даже гладили его порой просто камнем.

И все-таки кому-то может показаться, что легкой была служба. Да только на Малой земле легкого не было ничего. И ранило-то Дарью, когда раздавала обед. В госпиталь не пошла, так под скалой, отгороженной от морского прибоя мешками с песком, и отлежалась. А собственно лежать было некогда.

Из станицы их трое девчат: Катя Гончарова, Мария Денисова и она. Вместе и стряпали, и стирали, и за пшеничкой вместе ходили. Молотили палками в разбитых домах.

Так уж получилось у Дарьи, что за свою недолгую довоенную жизнь никуда из колхоза не выезжала. И первая же дорога оказалась такой непростой — с десантом морской пехоты на Малую землю. Плавать не умела, и казалось ей, что все страшное — на море, а стоит ступить на землю — и тревоги, опасности кончаются, опять будет мир.

Не знала она, что земля может быть горящей. Не знала и того, что горе уже прописалось в ее хате: после пыток и истязаний фашисты расстреляли отца Федора Никоновича. До сих пор иногда пытается Дарья Федоровна представить, где же хранил отец то оружие, что искали у него гитлеровцы: в дупле ли вербы на огороде или в камышах у речки. Не нашли тогда ничего, не выдал ни отец, ни связной его — матрос.

Теперь в центре станицы в братской могиле их прах. И памятник, каких десятки, сотни на этой истерзанной земле. Но

продолжается жизнь Федора Никоновича в памяти людской, во внучках, правнучке, которых выпестовали, согрели щедрое и нежное Дарьино сердце, ее рабочие руки.

* * *

После публикации в журнале «Крестьянка» моего очерка «Та единственная страда…» об уборке урожая на Малой земле в июле сорок третьего, в редакцию пришло письмо с Украины. Журналист А. Приходько из Красноград, что на Харьковщине, сообщал, что «опытный украинский колхозник» Михаил Николаевич Корниенко, который руководил этой уборкой, жив, ему 76 лет, адрес его такой-то.

А после того, как журнал рассказал о судьбах девушек — помощниц Корниенко, которых тоже называл Л. И. Брежнев в донесении, Михаил Николаевич сам прислал мне большое письмо.

> «Да, я точно тот Михаил Корниенко, что убирал пшеницу на Малой земле, — пишет он. — Очень рад и благодарен, что помнят о том люди. Служил я в 255-й бригаде морской пехоты. Автоматчиком был. В одном из боев, видимо, уже в июле, меня ранило в голову. В госпиталь ехать я отказался. Командир бригады Потапов приказал санитарке делать мне перевязки на месте. И дней 15 меня в бой не посылали. А потом вызывает Потапов. «Вы колхозник? — спрашивает. — Надо убрать пшеницу». Про пшеницу в расположении нашем я уже слышал. «Есть, — отвечаю, — убрать». Приказу как награде обрадовался. Хлебороб я. От рождения при земле состоял. Семь лет от роду было, когда пошел по найму к куркулям. А стали артели организовываться — вступил в числе первых. И день помню, и год — 15 октября 1929 года.
>
> Крестьянские работы все знаю. Правильно в донесении сказано: «опытный». Бригадиром полеводческой бригады избирали, председателем колхоза. Так до пенсии у земли и был. И еще два годочка проработал.
>
> А на фронте, в армии, с 10 августа 1941-го по 15 августа 1945-го, 4 года полностью. В гости зову однополчан: улица 19 сентября, дом 44. От военкомата — квартал.

Хочется друзей повидать, девчат фронтовых, а еще прошу: расскажите, что с землей той сталось, что за хозяйства там, что за люди живут».

Что сталось с той землей… Что за люди ходят по ней сейчас… Чем живут, что помнят?

НА ЗЕМЛЕ ГЕРОЕВ

Когда, сорвавшись с Мархотхского хребта, летит по Малой земле норд-ост и, без оглядки проскакав по пяти вершинам Колдуна, кубарем скатывается в виноградники, — в такие часы болит у Анны Алексеевны память. Не раны, не контузии — память.

Землю эту Анна Алексеевна Козлова знает сызмальства: это земля ее детства, ее любви и материнства. Отсюда, из Мысхако, на второй день войны ушла она в морскую пехоту. И именно сюда, имея за спиной тяжелые бои за Одессу, Севастополь, ранения и награды, эта маленькая женщина («Детсад!» — сказал, увидев ее впервые, командир батальона) вернулась с десантным отрядом в одну из февральских ночей 1943 года, с которых началась летопись мужества Малой земли.

Нужно было быть не просто смелой, чтобы выброситься на ощерившийся огнем и смертью берег.

Нужно было быть исключительно мужественной, чтобы среди минных полей, когда каждое движение могло стать последним, тянуть связистскую катушку.

И нужно было быть сверх сильной, чтобы запретить себе даже думать о крохотной дочурке, до которой по мирному счету не часы, а всего лишь минуты пути.

Второй в ее жизни десант — уже после ранения — осуществлялся в Мысхако, в сотне метров от дома. Нужно было стать сверхчеловеком…

Тяжелые бои в Станичке и в Мысхако пришлись на ее долю. Тогда «дважды моряки», «трижды коммунисты» скалой стали на пути врага. За личную храбрость в беспрецедентных по жестокости апрельских боях, каждый день которых отдельно увековечен сегодня в совхозном мемориале, удостоена Анна Алексеевна второго ордена Красной Звезды.

В братских могилах на совхозной площади лежат ее боевые друзья, герои-малоземельцы. Стелами, мемориалами, обелисками памяти взошла родная земля. И какой крепости требовались душевные силы, чтобы ежедневно пропускать прошлое через свое

сердце. Анна Алексеевна пошла на это — на всю жизнь осталась на Малой земле. Коммунистка с 1942 года, воспитала она трех дочерей — коммунисток.

…В совхозе «Малая земля» закончился рабочий день, Анна Алексеевна подписывает последние наряды, говорим о пережитом. Постепенно ее насквозь прокуренная бытовка вновь заполняется народом, разговор становится общим. Он о земле, о той израненной, перепаханной снарядами и минами, пропитанной кровью, начиненной металлом, ставшей легендарной, священной.

К этой теме и раньше возвращались все мои собеседники, когда в разговоре со старыми крестьянами (а сегодняшний винсовхоз «Малая земля» объединил совхоз и два колхоза довоенной поры) стремилась я постичь природу этого подвига человека и земли.

На центральной усадьбе совхоза — памятник, не имеющий аналогов в целом мире — 1250 килограммов осколков снарядов, мин, бомб. Именно столько смерти обрушили фашисты на каждого защитника Малой земли из тех 11 эшелонов, что должны были по плану Гитлера на столетие стереть с Новороссийщины все живое.

Но люди выстояли. Выстояла и земля.

Это был страшный труд — возрождение земли. Люди шли вслед за саперами, засыпали воронки, траншеи, собирали металл, который насквозь прошил каждый сантиметр почвы, перекапывали ее вручную, и вновь кровью орошалась земля — еще долго страшное военное эхо уносило жизни. А когда в засушливое послевоенное лето начались лесные пожары, на склонах Колдуна вновь рвались мины и снаряды, и люди спешили спасти от огня виноградники, с таким трудом взращенные в долинах смерти.

Женщины, дети, старики, инвалиды — вот кто врачевал и холил больную землю. Жили в землянках, в развалинах, прикрытых лопухами, ели хамсу, время от времени выбрасываемую все еще грохочущим от взрывов мин морем. Удобряли землю золой, что собирали у очагов, морской капустой. И благодарная земля радостью оплатила этот труд. Лишь три года минуло после войны, когда здесь, на виноградниках «Мысхако», был получен рекордный урожай, и 19-летняя Люба Стеклова стала первым на Малой земле Героем Социалистического Труда.

А земля все щедрее одаривала людей. В 1948 году Любовь Стеклова собрала 93,7 центнера винограда с гектара при норме 43, на следующий год — 116, затем — 120. Ей едва минуло 21,

когда она стала кавалером трех орденов Ленина, а ее комсомольско-молодежное звено признали самым лучшим в стране. Так родилась сегодняшняя трудовая слава совхоза.

Теперь они работают вместе, в одном хозяйстве — Анна Алексеевна Козлова (ныне она Ахметова) и Любовь Александровна Стеклова, две героические женщины с «Малой земли».

Одна ценой своей жизни отстаивала этот клочок земли, инвалидом I группы встретила здесь первый мирный день. Вторая, словно приняв из ее рук эстафету подвига, возрождала землю, которую, казалось, невозможно вернуть к жизни.

6—6,5 тысячи тонн винограда, 600 тысяч декалитров виноматериалов производит совхоз ежегодно. На месте снесенных военным ураганом дубрав и садов вытянулись тополя, шпалеры виноградников перешагнули через надолбы и противотанковые ежи переднего края обороны, в бывшей Долине смерти, на полях первого отделения совхоза, наливаются солнцем душистые гроздья «каберне», а в прежних подвалах совхозного винзавода, где в штабе 83-й дважды Краснознаменной бригады морской пехоты начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вручал партбилеты уходящим в атаку краснофлотцам и красноармейцам, теперь лучшие молодые рабочие, курсанты, учащиеся города Новороссийска из рук ветеранов получают паспорта, партийные и комсомольские билеты.

На израненной земле упрочился мир.

В наши дни Герой Социалистического Труда Любовь Александровна Стеклова — председатель рабочкома совхоза «Малая земля», она член краевого и заместитель председателя районного комитетов защиты мира. Выступала она на 2-й Всесоюзной конференции сторонников мира, на пленумах ВЦСПС и ЦК профсоюза работников пищевой промышленности, членом которых избиралась. В ее словах всегда — забота о мире. Подростком испытавшая на себе все ужасы войны в самом горячем ее квадрате, мать троих детей, воспитанных на земле скорби и утрат, она хорошо понимает, почему щемит у ветеранов сердце и болит память в дни, когда свирепый норд-ост распускает бороду с Мархотхского хребта.

Краснодарский край,
1978 г.

Малая земля. Июль 1943 г.

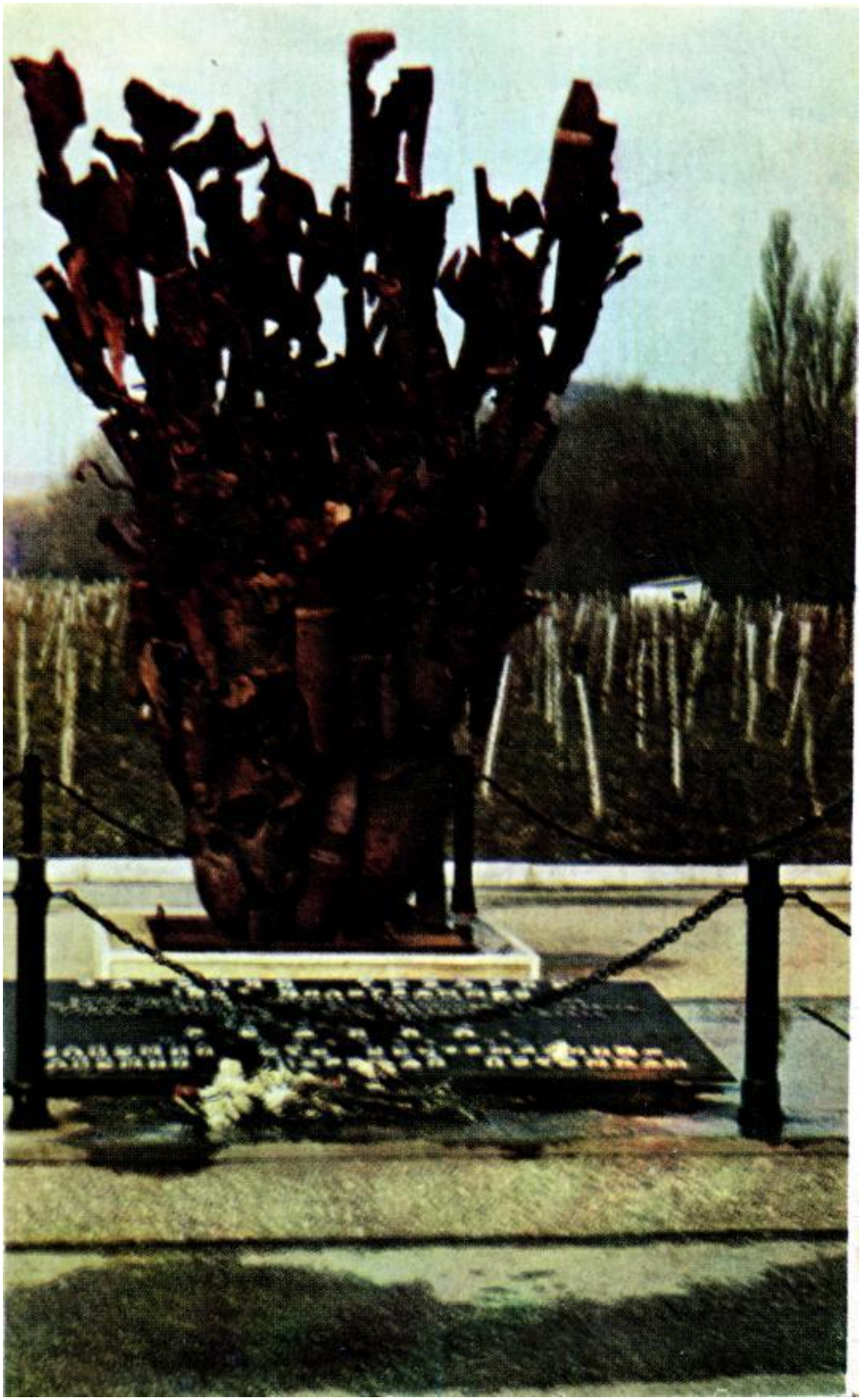
Бригадный фотограф И. А. Кушниренко сохранил для истории беспрецедентную хлебную страду. Публикуются впервые.

Самодеятельная мельница 142-й роты 255-й бригады морской

пехоты.

Госпиталь в скале. В центре — операционная сестра Полина Сербина.

«Сестрички». На переднем плане — Шура Терехова, Полина Сербина, Нина Губина. Фотографии Н. М. Асниной. Из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея.



Совхоз «Малая земля». Памятник «Взрыв».

ПОДВИГ В УРАЛЬСКОМ НЕБЕ

НАД ПШЕНИЦЕЮ СПЕЛОЙ ЛЕТАЮТ СТРИЖИ —
ПО-НАД БЕЙСУГОМ ПТИЦЫ ЛЕТАЮТ.
А ВИХРАСТЫЙ МАЛЫШ ГРИША БАХЧИВАНДЖИ
О ПОЛЕТАХ ГРЯДУЩИХ МЕЧТАЕТ.

ДЕТСТВА ГОДЫ ПРОШЛИ.
ВОТ И СКАЗОЧНЫЙ ВЗЛЕТ
РЕАКТИВНОЙ НЕВИДАННОЙ ПТИЦЫ.
ЭТОТ ПОДВИГ СВЕРШИЛ ПЕРВЫЙ В МИРЕ ПИЛОТ
ИЗ КУБАНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ.

…ЕГО ПОДВИГИ В ПАМЯТИ НАШЕЙ СВЕЖИ.
БЫЛ ОН СКАЗОЧНО ХРАБРЫМ, ПОВЕРЬТЕ.
ЖИЗНЬ ГЕРОЯ — ГРИГОРИЯ БАХЧИВАНДЖИ —
ЭТО ВЗЛЕТ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ, В БЕССМЕРТЬЕ.

С. Гребенников

Вот уже пятнадцать лет к каждому Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР приходят ко мне поздравления из поселковой школы Малого Истока, что под Свердловском.

Уже давно повзрослели первые корреспонденты, помощники и соратники. Сегодня пишут их дети, пионеры первой в Союзе дружины имени Героя Советского Союза летчика-испытателя Григория Яковлевича Бахчиванджи… Теперь Героя Советского Союза… Теперь человека всемирно известного, чье имя носят школы, музеи, улицы не только на Урале, и даже кратер на Луне. А в павильоне «Космос» ВДНХ СССР можно увидеть его фотографию рядом с портретом С. П. Королева.

Но таким известным человек этот стал лишь спустя годы и годы после подвига. Только через 30 лет, в 1973 году, пришло к нему звание Героя Советского Союза. И этому предшествовал большой поисковый труд многих: летчиков, рабочих, журналистов, школьников. Мне посчастливилось участвовать в нем.

Вот тогда-то в общих радостях и заботах родилась дружба со школой, что жива и по сию пору.

Стоит школа № 60 теперь на улице Реактивной, а приходят в нее ребята и с Ракетной, и с Бахчиванджи. Встречает их в коридоре, у входа в музей, гипсовый летчик. Всегда живые цветы

у памятника. Уже пятнадцать лет, ежедневно.

Тогда, в конце 60-х годов, наш телевизионный фильм «Воспоминания о летчике» увидели жители не только всей страны, дважды его тиражировали для зарубежных зрителей. Он был удостоен премии ЦК ВЛКСМ и — главное — послужил серьезным документом при рассмотрении Президиумом Верховного Совета СССР ходатайства уральских рабочих о присвоении летчику-испытателю звания Героя Советского Союза. Для меня же и сам поиск, и создание фильма, телевизионной передачи, корреспонденции были первой серьезной журналистской работой.

Конечно, сегодня, по прошествии стольких лет, иначе хотелось бы написать материал, иначе видятся события, характеры их участников. Издана уже и книга о Бахчиванджи. Но мне бесценно дороги записи именно тех лет — рассказ не только о Герое, но и простых людях большого долга, сердца и памяти, чьими заботами вновь вернулся Г. Я. Бахчиванджи в нашу жизнь.

* * *

Мы летим на Кубань. В чемоданчике, осторожно поставленном в багажную сетку, груз необыкновенный — рыжеватая земля. Вчера вечером мы взяли ее с могилы. Вчера же Игорь выкопал в лесу у аэродрома четыре березки, и теперь мы молим, чтобы желтые, уже тронутые морозом листья, удержались на шатких ветках.

Мы сильно взволнованы. И горды. Завтра, когда белое полотнище соскользнет с памятника, мы… впрочем, скорее всего мы не сделаем ничего. Правда, я, наверное, заплачу. Мне простительно: я женщина. Ну, а Игорь и Станислав несомненно выдюжат. «Иначе и не могло быть», — будет написано на их лицах. А пока мы одни в хвосте самолета и можем не таиться друг от друга. Мы рады, просто по-человечески рады. Это победа. Это справедливость. Он заслуживал этого давно.

Мы летим сегодня на реактивном самолете. А ведь он тоже был летчиком. И поднимался с той же взлетной полосы, что и Игорь. И тоже на реактивном самолете. Только второй такой машины тогда не было ни на одном аэродроме мира. Не он, а другие узнали космос. Но ведь он просто не дожил до этого времени. Космонавт № 1 недаром в юности мечтал быть его однополчанином. Теперь его называют «старшим братом космонавтов», и завтра на его родине будет открыт памятник.

А все началось с чемоданчика, с которым штурман Катенев в

один прекрасный день появился у нас в редакции. Впрочем, так началось все для меня. В дневнике же Игоря Катенева первые записи датированы гораздо раньше.

ЛЕТЧИКИ ПРИНИМАЮТ РЕШЕНИЕ

…Около двадцати лет оставались безымянными три могилы на маленьком уральском кладбище. Однажды прилетели из Москвы военные, привезли скромный памятник и узнали любопытствующие прохожие, что в трудные фронтовые дни были погребены в этой тыловой земле военные летчики-испытатели. Лишь одна фамилия из трех могла что-то рассказать людям. И то немногим. Мало кто знал тогда имя пионера ракетного летания Григория Яковлевича Бахчиванджи.

Через некоторое время на свет появился вот этот документ.

ПРОТОКОЛ

профсоюзного собрания летного подразделения

Уральского управления гражданской авиации

Коллектив коммунистического труда подразделения постановляет:

1. Увековечить память о пионере ракетного летания Григории Яковлевиче Бахчиванджи. Добиться установления памятника ему.

2. Поручить сбор материалов, рассказывающих о жизни этого замечательного человека, его подвиге, штурману самолета ИЛ-18 Игорю Павловичу Катеневу.

А еще через месяц произошла наша первая встреча с Игорем Катеневым, встреча, переросшая в крепкую дружбу, скрепленную совместным поиском, радостями и разочарованиями, большой и трудной целью.

Уже в тот день Игорь пришел в редакцию не с пустыми руками. В летном чемоданчике, помимо нескольких газетных информации и фотографий, лежала красная коленкоровая папка, свыше ста прошнурованных страниц: воспоминания, документы, письма. И хотя были они порой противоречивы и разрозненны, но от них тянулись нити к людям, которые лично знали Григория

Яковлевича, были свидетелями его подвига.

Как же попала эта бесценная папка к Катеневу?

Среди трех военных, которые весной 1962 года привезли на уральское кладбище скромный памятник, был друг и сослуживец Бахчиванджи — подполковник Аркадий Ефимович Мусиенко. Вот со встречи с ним и решил начать свой поиск Игорь Катенев.

В один из полетов в Москву он узнал в справочном бюро его адрес, а еще через некоторое время позвонил в дверь дома на Котельнической набережной. Но Игорь опоздал. Дверь открыла вдова Мусиенко. Аркадия Ефимовича схоронили несколько месяцев назад.

Скромный военный инженер Аркадий Ефимович Мусиенко ни разу сам не поднял в воздух машины, но когда друзья качали победителей, он знал: в их победы вложен и его труд. Мечтой Мусиенко была книга о мужестве летчиков-испытателей. Многие годы, десятилетия ушли у него на сбор материалов.

Последнее время он отдал жизни Григория Яковлевича Бахчиванджи. Но ему не суждено было завершить свой труд. Перед смертью он показал жене на ящик дивана: «Катя, в нем сокровище, которому отдал я жизнь. Верю, что оно понадобится людям. А за папкой о Бахчиванджи наверняка придут уральцы».

Всю ночь просидели у дивана, разбирая архив, Екатерина Александровна и Игорь Катенев. Чисто женское чутье помогло Екатерине Александровне увидеть в Игоре человека самозабвенного, одержимого, такого, каким был и ее покойный муж.

Папка за папкой, страница за страницей, жизнь за жизнью — казалось, вся история авиации прошла перед ними за те долгие часы. Когда куранты отзвонили утро, штурман Катенев поклялся памяти Мусиенко, что завершит начатый им труд.

В НЕБЕ УРАЛА

Когда Константин Эдуардович Циолковский предложил жидкостно-реактивный двигатель-ракету, заявив о возможности его использования для межпланетных перелетов, Гриша Бахчиванджи еще делал первые шаги по земле. А когда страна хоронила выдающегося ученого, летчик-испытатель НИИВВС, капитан Бахчиванджи уже был готов ценой жизни доказать его идею о том, что «за эрой аэропланов винтовых должна следовать эра аэропланов реактивных».

…15 мая 1942 года в уральском небе раздался первый реактивный гром, и маленький самолет-ракета, оставляя за собой

шлейф огня, мгновенно устремился ввысь. На самолете испытывался новый двигатель, сыгравший огромную роль в техническом перевооружении авиации. Это был прообраз современных космических гигантов. Пилотировал машину человек большой смелости и упорства. Дав путевку в жизнь ракетоплану, совершив переворот в истории авиации, Григорий Яковлевич погиб при одном из испытаний, впервые в мире достигнув звуковой скорости.

В папке, которую Игорь Катенев принес в редакцию, были собраны воспоминания очевидцев первого полета, создателей самолета и двигателя. Крупные ученые цифрами и фактами доказывали то, что впоследствии было заключено в скупую строку: «Открыл новую эру в авиации».

Вспоминает заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант запаса В. С. Пышнов:

— На меня возложили почетную и очень ответственную задачу — председателя комиссии, которая должна была выпустить в воздух первый реактивный самолет. В этом самолете все необычно: вместо привычного двигателя с винтом, на самолете в самом хвосте стояла камера сгорания ракетного двигателя. В фюзеляже помешались баки с новым жидким топливом.

…Все готово к первому полету. Летчик Бахчиванджи садится в самолет. Взгляды всех обращены к реактивному соплу. И вот из него вырвалось сначала слабое пламя, а затем раздался оглушительный рев. Огненный факел вытянулся в длину на 3—4 метра. Самолет тронулся. Быстро ускорив движение, он побежал по взлетной полосе, легко оторвался и стал набирать высоту.

Сейчас мы очень хорошо представляем значение этого полета: он послужил толчком к тому, что большинство специалистов переключились на реактивную технику.

Самолет БИ-1 — по существу пилотируемая крылатая ракета, и первый его полет весьма напоминал полет ракеты, хотя запас импульса был еще невелик. Имя энтузиаста этого полета, летчика Григория Яковлевича

Бахчиванджи, занимает достойное место в истории как предшественника наших замечательных космонавтов.

Вспоминает главный конструктор самолета, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор, генерал-майор запаса В. Ф. Болховитинов:

— Создавая первый реактивный самолет, мы, конструкторы, прекрасно знали, какие большие трудности нас ожидают. Все было ново и неизведанно. Это трудности получения новых скоростей, получения и доводки ракетного двигателя большой мощности, трудности, связанные с освоением нового топлива. Но все это — полдела. Главное — душа самолета, его летчик.

Нам повезло. Григорий Яковлевич Бахчиванджи — человек большой смелости, дерзкой отваги, испытатель многих типов самолетов, именно он дал путевку в жизнь многим авиационным моторам и авиационным «катюшам». Это удивительный человек. Вот таким, каким мне сейчас вспоминается, даже внешне он напоминает Ю. А. Гагарина. Он так же задорно улыбался, просто себя держал, и я думаю, что он так же много знал и был не менее смел, чем Юрий Алексеевич Гагарин.

У нас не все шло гладко, случались и неудачи, неприятности. Плохо, когда летчик-испытатель до начала полета на новом самолете услышит о какой-то аварии, случившейся на нем. А Бахчиванджи сам попал в тяжелую аварию. На специальном стенде, имитирующем фюзеляж ракетного самолета, взорвался двигатель.

И вот я стал думать, каково летчику? Откровенно говоря, я сильно волновался — устоит ли его психика. И если до аварии многие не верили в успех нового ракетного двигателя, то теперь почти все сказали одно: пора кончать. И каково же было наше удивление, когда летчик, еще в бинтах, в больнице, сказал нам, что верит в победу, просил как можно быстрее собрать новый двигатель, говоря, что готов к повторным летным испытаниям.

Так мужество Бахчиванджи, его выдержка сохранили для мира идею ракетного двигателя, а его полеты убедили всех, что ракеты могут летать.

Разыскать в Москве создателей самолета и двигателя было делом нетрудным. Сейчас это видные ученые, лауреаты Государственных премий, воспитавшие не одно поколение своих учеников.

А тогда, в грозный 1942-й, и Леониду Степановичу Душкину, и Алексею Михайловичу Исаеву, и Алексею Яковлевичу Березняку едва ли перевалило за 30. Старше своих коллег был лишь Виктор Федорович Болховитинов.

Много лет прошло с того напряженного, сурового времени, много новых свершений, больших и сложных, принадлежит этим людям. Но свято хранит их память образ человека, который ценой своей жизни утвердил для мира их идею.

Недаром Леонид Степанович Душкин в первую же встречу с Катеневым достал из своего архива и передал ему кинопленку, которую хранил четверть века.

Живой, веселый Бахчиванджи улыбается с экрана. Вот он последний раз пожал руки товарищам, уверенно подошел к самолету, поправил кожаный реглан, очки, легко забрался в кабину, опустил фонарь. Два человека вывели самолет на старт.

Мгновение — и гаснет в небе пламенный след.

Не так снаряжают сегодня в путь космонавтов, и маленький фанерный БИ-1 совсем не похож на современный реактивный самолет. Но именно на нем, легко помещавшемся под крылом рядового бомбардировщика, была впервые в истории достигнута звуковая скорость. И именно от этой «малютки» ведут свое происхождение сегодняшние космические корабли.

ТАМ, ГДЕ РОЖДАЛСЯ БИ-1

Маленький уральский поселок затерялся среди гор. Расположенный вдали от столбовой дороги истории, он и не претендовал на какую-то особую роль. Да и история лишь дважды вспоминала о нем. Один раз, когда литейный заводик посетила императрица Екатерина. Второй — спустя два столетия, когда в грозные дни Великой Отечественной войны принял он коллектив авиаконструкторов. Время тогда было тревожное, напряженное. Работали люди на совесть, не чувствуя усталости и не всегда точно зная, что именно делали. Ясно, что для фронта, для уничтожения фашистов. Правда, поговаривали тогда в народе, что один самолет-то и собрали за все время, вроде маловато. Ну, а что это за самолет — знали лишь конструкторы да кудрявый смешливый летчик, который в декабре 41-го появился на заводе.

Невелик поселок, все знают друг друга сейчас, знали и тогда

весельчака, остроума Жору. Прилетая в поселок, он сажал свою машину прямо на замерзший пруд, и даже взрослые, не говоря уж о ребятишках, сбегались посмотреть на этого храброго человека.

Когда мы с Игорем Катеневым появились в парткоме завода, Петр Яковлевич Махмутин искренне удивился: «Первый реактивный у нас? Вы что-то путаете, товарищи. А впрочем…»

Через час собрались у секретаря ветераны, в основном, женщины-работницы, трудом которых в годы войны создавалась удивительная машина. Пошли по рукам привезенные нами фотографии. Кто-то узнал себя, друзей, завод. Нашли даже точку в цехе, с которой 15 мая 1942 года, в день полета Григория Яковлевича, неизвестный фотограф снял цеховой митинг. «Привет капитану Бахчиванджи, первому в мире совершившему полет в новое» — плакат был протянут через весь цех, его ясно видно на пожелтевшей от времени фотографии, переданной нам совсем в другом конце Союза.

А вечером, казалось, весь поселок спешил в клуб. Всего несколько минут демонстрировали мы кинокадры, сохраненные профессором Душкиным, но люди смотрели их с большим волнением. Спустя четверть века встретились рабочие со своим детищем. Вставали из зала те, кто вместе с Григорием Яковлевичем оживляли машину, рассказывали о нем, о тех днях.

РАНЮК ВКЛЮЧАЕТСЯ В ПОИСК

Кто знает, как раскручивалась бы нить поиска дальше, ответь в тот день на телефонный звонок из Краснодара кто-нибудь другой, а не Александр Тарасович Ранюк. Далеко в трубке неизвестный человек, назвавшийся штурманом Катеневым, спросил Ранюка, что знает он о Григории Яковлевиче Бахчиванджи. Председатель сельсовета Ранюк к этому вопросу готов не был: о Бахчиванджи он не знал ничего. В остальную минуту разговора он успел догадаться, что человек, за которого так горячо ратовал неизвестный штурман, — личность замечательная, раз, и к станице Бриньковской имеет отношение самое прямое, два.

На этом разговор оборвался. И еще долго удивлялись телефонисты в Краснодарском аэропорту, вспоминая странное поведение своего клиента: 35 минут ждал он соединения со станицей, а разговаривал только две. А было все просто: ИЛ-18 стоял в Краснодаре 40 минут.

Кто знает, как сложились бы дела дальше, имей Александр Тарасович Ранюк иной склад характера. Краевед, журналист и

председатель сельсовета, Ранюк был человеком увлеченным, одержимым и упрямым. Уже несколько лет писал он книгу о родном крае, о суворовском генерале Бринькове, основавшем это урочище; о героических делах своих однополчан в годы войны и мира. Но о Бахчиванджи он слышал впервые.

И Ранюк включился в поиск.

Вскоре после революции 1905 года появился в приазовской казачьей станице Бриньковской «инородец» Яков Бахчиванджи, рабочий, пролетарий, мастер на все руки. Поступил на мельницу механиком. Вскоре женился на дочери бедного казака. Когда Грише было три года, мать умерла. Воспитывала его Агнеса Степановна Бахчиванджи, вторая жена отца. К этому времени семья переехала в соседнюю станицу Ахтари.

Разыскал Александр Тарасович людей, которые хорошо помнили семью Бахчиванджи, их соседей по дому. Помогали ему пионеры, красные следопыты. Семью Якова Бахчиванджи в станице больше помнили под фамилией Садовниковы. В самом деле, бахчи — сад по-болгарски. И вполне вероятно, что выходец из болгарского поселения на Кубани Яков Иванович сам перевел свою фамилию на русский лад. Значительно позже подтверждение этой версии мы нашли в семье Бахчиванджи.

Обо всем этом Ранюк написал неизвестному штурману Катеневу. И через пять дней получил телеграмму, из которой явствовало, что сегодня в пять часов дня в Краснодарском аэропорту его ждет Катенев: следует лететь в Свердловск на заседание, посвященное памяти его земляка.

Пора в станице была горячая, страдная. Но станичники решили: пусть Ранюк едет. К исходу дня в Краснодарском аэропорту появился высокий сутуловатый человек с папкой. Терпеливо ждал он неизвестного Катенева. Но час проходил за часом, а тот не появлялся. Наконец, запасшись билетом на последний рейс, Александр Тарасович стал обдумывать обстановку. Обдумывать пришлось долго: рейс задерживался. Когда же, наконец, была объявлена посадка и так ничего и не решивший Ранюк пошел к посадочным вагончикам, аэропортовское радио предложило ему встретиться у справочного бюро со штурманом Катеневым. Так они встретились. Два совершенно разных человека, с одинаковой душой. Друг другу они понравились с первого взгляда.

Капля за каплей, факт за фактом пополнялось наше досье. Появились новые документы, фотографии. Нашими активными помощниками стали пионеры. Телефон на моем столе звонил без конца. Мне советовали. Мной руководили. Мне, наконец, приказывали.

— Оксана Сергеевна? — спрашивал веселый пионерский голос. — Мы разыскали сослуживца Бахчиванджи В. Я. Бессалова. Завтра в 11 часов он будет у вас.

— Редакция? Мы познакомились с А. М. Кутьиным. Он знал Бахчиванджи. Завтра в…

Они очень много сделали, наши быстроглазые помощники. Они буквально за неделю перевернули весь город. Они горели, они жили этими событиями. Их пионерская дружина боролась за право носить имя летчика-испытателя.

А в мастерской молодых скульпторов Валентины и Владимира Грачевых тоже полным ходом шла работа. По фотографиям они создавали образ человека, которого никогда не видели. Работали на энтузиазме, полностью на общественных началах. И с нетерпением ждали каждого прилета Игоря, каждой новой фотографии, факта.

В ПУТЬ-ДОРОГУ

Шла запоздалая уральская весна, когда мы, нагруженные кино-, звуко- и светоаппаратурой, отправились в путь. Теперь с нами были трое операторов. А это верный признак того, что телепередача уже не за горами. Действительно, через две недели зажглось привычное табло «Передача идет», и мы с Игорем стали рассказывать о том, что удалось нам узнать за последние месяцы и эту неделю о человеке, с которым все последнее время и во сне, и наяву связаны наши мысли. Но пока от той передачи нас отделяли шесть тысяч километров дорог.

Начавшись на южном берегу Азовского моря, на родине Григория Яковлевича, наш путь должен был завершиться на северном, там, где по не совсем проверенным данным могла жить семья Бахчиванджи.

Станица Бриньковская. Земля Кубани. Здесь, на азовских берегах, прошло Гришино босоногое детство. Может, этот седой разливистый Бейсуг научил мальчика упорству и твердости? Или штормовой ветер с Азовского лимана вдохнул в него ум и сноровку? Или песни, предания старых казаков донесли до него мудрую смелость его дедов?

Станица встретила нас ароматом цветущих садов, теплом и рыбой. Шла весенняя путина, и приметы этой страдной поры заявляли о себе на каждом шагу.

Из всех незабываемых встреч той весны нас ждала здесь, пожалуй, одна из интереснейших. Откликнулся на наше приглашение и прилетел в станицу генерал-майор авиации запаса

Петр Михайлович Стефановский — командир полка летчиков-истребителей, в котором начинал Великую Отечественную войну Григорий Яковлевич Бахчиванджи. До этого мы были знакомы с Петром Михайловичем заочно.

Мы знали, что Петр Михайлович — один из старейших испытателей страны, впервые в мире выполнивший фигуры высшего пилотажа на реактивном самолете. 304 типа машин испытал Герой Советского Союза летчик Стефановский. Наша телеграмма оторвала его от книги «304 неизвестных», над которой он работал.

Послушать прославленного командира собралась, кажется, вся округа — тысячи людей приехали из соседних станиц. Митинг состоялся на площади, у братской могилы солдат и офицеров, погибших в боях за Бриньковскую.

О чем рассказал Герой Советского Союза генерал-майор авиации запаса П. М. Стефановский:

— Бахчиванджи был летчиком, командиром звена и командиром эскадрильи истребительного авиационного полка, которым я командовал в годы Великой Отечественной войны.

Полк наш сформировали в первые дни войны из летчиков-испытателей. Это был, так сказать, цвет нашей авиации. В самом деле, те, кто до этого давал путевку в небо новым машинам, заняли в них места, что бы биться с врагом.

Против нас враг сосредоточил лучшие силы. Драться приходилось при многократном количественном превосходстве противника — самолетов врага было в два-три раза больше наших в каждом бою.

И летчики полка показывали буквально чудеса героизма.

Многие однополчане помнят первый воздушный поединок Бахчиванджи с фашистами прямо над аэродромом. В этом бесподобном по своей красоте и мужеству воздушном бою Бахчиванджи проявил себя как человек концентрированной воли, безгранично смелый, талантливый летчик.

Было это 30 июня 1941 года на подступах к Москве. Группа наших истребителей ушла на штурмовку вражеской переправы. Их увел капитан Антипов, тот

самый летчик, ныне Герой Советского Союза, который в 1948 году на воздушном параде уже в звании подполковника удивлял зрителей мастерским пилотажем на новом самолете с турбореактивным двигателем.

Спокойно, будто у себя на аэродроме, на низкой высоте немецкий бомбардировщик «Дорнье-215» зашел на наши позиции. По моему сигналу взлетел Бахчиванджи. Приблизившись на короткое расстояние к бомбардировщику, он в упор выпустил длинную очередь из пулемета. Немецкий самолет воспламенился. Но появился второй. Мы думали, что после первого боя и победы Бахчиванджи произведет посадку. Но он вновь ринулся в атаку — мотор вражеского бомбардировщика запылал.

Вдруг мы заметили, что у нашего истребителя остановился винт, и машина, словно приготовившись к падению, катастрофически уменьшила скорость. На аэродроме все замерли. Но самолет, выпустив шасси, произвел классическую посадку на самый центр аэродрома. Все побежали к нему. То, что мы увидели, до сих пор в моей памяти: мотор самолета пробит, винт заклинен, радиаторы прострелены, вода и масло из них вытекли, лонжероны крыльев и даже покрышки колес шасси продырявлены. Словом, сел самолет «на честном слове и на одном крыле» — не пригоден он был больше ни к одному вылету, капитальному ремонту не поддавался, так его и списали. Когда же размотали на летчике шарф, увидели, что он оказался прошитым пулей. На шее красный след от ожога. Бахчиванджи в пылу боя этого даже не заметил.

Дальнейшая короткая боевая биография Григория Яковлевича была не менее значительна. Только за один месяц он 65 раз поднимался в небо. Свою боевую машину Бахчиванджи покидал лишь на три-четыре часа в сутки. Он говорил: «В бездонной глубине советского неба советский истребитель обязан искать боя. Это истина, не требующая доказательства. Ни один вражеский пират не должен пробиться к столице нашей Родины, никто из них не должен уйти от советского летчика».

В последнее время в печати появились разноречивые материалы о боевых подвигах Григория Яковлевича: пишут о трех, пяти сбитых им за первый месяц войны

самолетах. Я, как бывший командир полка, заявляю, что Г. Я. Бахчиванджи в первый месяц войны сбил восемь вражеских самолетов, за что был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. Но случилось так, что меня отозвали на другой участок фронта, и представление к званию подписал начальник штаба. Наградной отдел посчитал документы недооформленными, а последующая напряженная обстановка отвлекла от этого частного события.

Наша следующая встреча с Бахчиванджи произошла на тыловом аэродроме на Урале весной 1942 года. С восхищением говорил он мне о предстоящем испытании реактивного самолета. Бахчиванджи не просто готовился к этому событию, он буквально жил им, горел и был в него влюблен. Увлеченно объяснял он мне на испытательном стенде устройство, запуск и работу нового двигателя. Он походил на человека, рассказывающего о собственном изобретении. Бахчиванджи заражал всех своим кипучим энтузиазмом, вселял веру в сомневающихся. Кто знает, какими были бы результаты, если бы первым испытателем реактивного самолета был кто-нибудь другой.

«ОН ЖИЛ В СТАНИЦЕ...»

Юные бриньковчане теперь очень просто решили для себя извечный вопрос вопросов: «Делать жизнь с кого?» Ну, конечно же, с Бахчиванджи. Его большой портрет, нарисованный станичным художником, уже давно детально изучили молодые казаки. Как и стенд из фотографий, который привез и подарил школьникам от имени уральских летчиков Владимир Николаевич Хусаинов. И не один бриньковский хлопец примерил себе летную фуражку, совершенно уверенный в том, что всего остального — храбрости, упорства — ему не занимать. Девочки написали о земляке стихи. На торжественной линейке красных следопытов дружины имени Г. Я. Бахчиванджи их прочитала школьница Люда Федоряка.

Он жил в станице, славный наш земляк.
Он мальчик был совсем обыкновенный.
Учился в школе, бегал на коньках,
На звезды он любил смотреть Вселенной.

То, что он «мальчик был обыкновенный», для ребят звучит обнадеживающе. Но только как-то не верилось, что обыкновенный. Хотя и на коньках-то Гриша бегал, как они, и в ночном любил коней попасти, и считался он мастером на выдумки, песни.

Кто лучше всех в станице рассказывает сейчас о Грише? Конечно, ребята. А еще Александра Калинична Качура. Росла она вместе с Гришей, жила в соседях. Сколько песен с Гришей перепето, сколько игр переиграно! Александру Калиничну разыскал А. Т. Ранюк весной. И теперь вечерами у ее хаты, под абрикосами, собираются ребята. Александра Калинична и поговорит, и песни тех лет вспомнит. Особенно нравится им, что сказал однажды ее дед, старый казак, о Грише, будто парень этот звезды с неба достанет.

Ребята уже назубок знают те строки книги Ю. А. Гагарина «Дорога в космос», где пишет космонавт № 1 о Бахчиванджи. А слова о том, что без звездного полета Бахчиванджи, может быть, и не было бы 12 апреля 1961 года, написаны на фасаде их школы, перед которой они сами заложили памятник земляку.

Красивый курортный город на берегу моря Приморско-Ахтарск, центр района, мало напоминает старые Ахтари. И не только время тому причиной. Война, ураганом пронесшаяся над Кубанью, снесла не одну станицу, не один город. Напрасно искали мы старое паровозное депо, в которое летом 1926 года пришел новый помощник машиниста Гриша Бахчиванджи. Так же, как не сохранился центральный станичный дом, где на веселые вечерки собиралась молодежь.

> «Гриша там был любимцем всех. Его улыбка покоряла и привлекала к себе. Играл он на гитаре и мандолине. Любил петь. Садился и за рояль, но дома у нас такого инструмента не было».

Строки эти взяты из письма сестры Григория Яковлевича — Олимпиады Яковлевны Бахчиванджи. Это письмо 15-летней давности было адресовано А. Е. Мусиенко. Еще сестра вспоминала:

> «Когда Григорий начал работать помощником машиниста на паровозе, он однажды сломал руку, но уже через час после накладки гипса вернулся на рабочее место. Он был самоотверженно предан своему делу. Уже в те годы чувствовалась у него сила воли и любовь к труду».

В Приморске-Ахтарске первое, что мы увидели, выйдя утром из гостиницы, это большую афишу, извещавшую о том, что сегодня в 6 часов вечера Герой Советского Союза генерал-майор П. М. Стефановский будет рассказывать «о нашем земляке, первом космонавте Г. Я. Бахчиванджи». Слух из Бриньковской, хоть и в искаженном виде, но дошел сюда быстро.

А меж тем положение у нас создалось незавидное. Петр Михайлович лежал в краснодарском госпитале: сказались переживания этих дней и старые раны. И еще, как быть с «первым космонавтом». Посоветовались и решили: выступает Игорь (в конце концов он тоже летчик). Покажем киноленту полета Григория Яковлевича и кадры о полетах сегодняшних испытателей.

На встречу собралось много молодежи. В полном составе пришли курсанты мореходной школы. Слушали с большим интересом и, видимо, поняли ребята — что хоть и не поднялся их земляк в космос, но был человеком замечательным, первооткрывателем.

Пока Игорь беседовал с ребятами, я вела переговоры с капитаном катера рыбнадзора «А. Морозов». Вот уже несколько дней море сильно штормило: утром шесть баллов, в ночь обещали девять. Порт был закрыт. Кораблям выход в море запрещен. Но мы не могли задерживаться ни часа: день передачи, объявленный газетами, приближался. А впереди еще город Жданов, и самый короткий путь к нему — морем.

Экипаж коммунистического труда, которому в виде исключения разрешили отплытие, ждал нас. Последовали десять часов сплошной болтанки, когда в залитые водой иллюминаторы едва проникает свет и кажется, что целое море играет в футбол с маленьким суденышком. Когда мы вошли в Ждановский порт, увидели черные шары — это значило, что шторм максимальный. На следующий день в местной газете прочитали сообщение о двух героических сейнерах, в шторм оставшихся в море.

Тем же самым путем, что проделали мы, много лет назад в простой рыбачьей лодке переплывал море Гриша Бахчиванджи. Было ему тогда девять лет, и плыл он в Мариуполь, чтобы помочь вызволяться из белогвардейской тюрьмы отцу и его товарищам — матросам Азовской флотилии.

Если бы Аркадий Гайдар знал Бахчиванджи, он обязательно написал бы о нем книгу. Они не встретились — писатель и летчик. Но жизни их так же, как и героические смерти, были полны одной романтикой, служением одной большой цели.

Гражданская война. Белогвардейцы подходили к Ейску, где, по решению революционного комитета, отец Гриши, специалист

по моторам внутреннего сгорания, восстанавливал мельницу. Гриша жил с отцом, семья оставалась в станице. Когда город взяли белые и последовали облавы, Яков Иванович Бахчиванджи вместе с пятью матросами поселился в тайнике под террасой дома. Знал об этом один Гриша. Каждый день девятилетний мальчик уходил на связь с товарищами отца. Возвращался со свежими вестями, инструкциями, продуктами, патронами. А когда в городе начались расстрелы, Гриша принес отцу приказ: уходить в Мариуполь.

Глухой ночью знакомый рыбак, которого разыскал мальчик, увез отца и моряков. Но когда они высадились на косе Ляпино под Мариуполем, их схватил белый патруль. Тюрьма, ежедневные расстрелы коммунистов, зверства. Наверное и Якова Ивановича постигла бы судьба многих, не появись Гриша. В одну из передач он вложил в борщ две ножовки. Яков Иванович с товарищами перепилили решетки и бежали. Мальчик ждал их недалеко от тюрьмы.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Итак, Жданов, Мариуполь… Город, в котором прошли годы юности Григория, где вступил он в заводскую семью, где возмужал и вырос. «Любимый город», откуда рабочий паренек Григорий Бахчиванджи шагнул в большую жизнь, навстречу своему бессмертию.

Горит, перемигивается огнями завод «Азовсталь». Тогда, в 30-е годы, на этом месте в рыбачьем поселке Бузиновка жила семья Бахчиванджи. Началось строительство завода, и семья переехала в Новоселовку. Пятнадцать лет назад жили Бахчиванджи по улице Бойкой, 30. Пятнадцать лет назад… Живут ли в этом городе сегодня? А если — да, то кто и где? Из письма Олимпиады Яковлевны мы знали, что Яков Иванович умер; поминались в ее письме еще сестра Виктория и брат Анатолий. Решаем ехать на улицу Бойкую. Может быть, сохранилась там память об этих людях, может, и встретим кого-нибудь из них.

Тихая улочка у бывшего Мариупольского аэродрома. Уже несколько лет не взлетают отсюда самолеты и лишь ушастые зайцы играют в чехарду на его зеленом поле. В двух домах от старой взлетной полосы — тридцатый номер. Останавливаем такси у двора напротив, и Игорь отправляется в разведку.

Решаем так: если Бахчиванджи живут здесь, к матери сегодня не пойдем: время позднее — зачем беспокоить старого человека. Узнаем адрес сестер или Анатолия, заедем к ним. А уже завтра,

когда они как-то подготовят к нашему беспокойному визиту Агнесу Степановну, наведаемся и к ней. Словом, предусмотрели, казалось, все. Все, кроме одного.

Чем измерить, как рассчитать глубину материнского сердца? Кто осмелится утверждать, что знает все его глубины? Какие невидимые гонцы заставляют его бить тревогу, когда к сыну приходит беда? И совсем не важно, сколько сынов и дочерей прошли через это сердце, боль о каждом погибшем, тревога за каждого живого — всегда в сердце матери.

Никто не подсказывал Агнесе Степановне в тот вечер, что машина, стоящая у дома напротив, имеет отношение к ней, к ее сыну. Но только когда на пороге дома появилась седая женщина и, прислонившись к косяку, замерла в напряженном ожидании, у меня не осталось ни секунды сомнения, что это она, Агнеса Степановна Бахчиванджи.

А когда глубокой ночью Степан и Анатолий, вернувшись от нас и вопреки нашей просьбе не беспокоить мать до утра, пришли к ней, она ждала их.

…В большой трудовой семье вырос Гриша Бахчиванджи. Девятерых детей воспитали Агнеса Степановна и Яков Иванович. Двоих сыновей отняла война. Трое уехали из родного города. А Борис, Анатолий, Степан и Виктория живут здесь. Именно в дом Степана Яковлевича и постучал в тот вечер Игорь Катенев.

Наверное, это очень непросто жить в городе, где ты можешь пройти по улице его имени (а следовательно, и твоего), где право носить это имя оспаривают целые коллективы, где его глаза глядят на тебя с портретов. Непросто, но почетно. Почетно, но и ко многому обязывает.

Рабочая семья Бахчиванджи известна в городе. И не только слава брата тому причиной. Хорошие, трудовые люди выросли в ней. Кажется, и нет в городе завода, где не работал бы кто-нибудь из рабочей династии Бахчиванджи. О кадровых рабочих, носящих эту фамилию, пишут нередко в приазовских газетах. А когда-то в 30-м году трудовую традицию этой семьи начинал слесарь мартеновского цеха завода имени Ильича Григорий Бахчиванджи.

ГАВРОШ С КУБАНИ

За месяцы поисков Г. Я. Бахчиванджи перестал быть для нас только героем телепередачи. Мы воспринимали его как человека очень дорогого нам, близкого. Поэтому понятно то волнение, с которым перешагнули мы порог этого дома. Два портрета Григория на стене. Здесь он не летчик-испытатель, человек,

открывший новую эру. Для них он — сын и брат. Поэтому вместе с гордостью в этом доме навсегда поселилась печаль.

Вспоминает мать, рассказывают братья, и встают страницы детства кубанского Гавроша.

…Было это летом 1918 года в Ейске. Озверелые банды под командованием белогвардейских генералов Корнилова и Покровского наступали на город. Частям Красной Армии и рабочим отрядам приходилось туго. Но до последнего работали предприятия. По приказу коменданта оставался на своем посту и Яков Иванович Бахчиванджи. Его мельница обеспечивала мукой части Красной Армии.

Начав наступление с вечера, казаки к утру заняли сады, которые на пять километров опоясывали Ейск. Им оставалось лишь пробиться через площадь. За ней начинались улицы города. Мельница Якова Ивановича, расположенная в садах, оказалась у врага.

Уже несколько часов Яков Иванович с товарищами, примкнув к красноармейцам, отбивал беляков от окраины. Вдруг он услышал голоса: «Мальчик! Зачем ты здесь? Уходи домой! Погибнешь!» Оглянулся — Гриша. Оказывается, утром паренек решил отнести завтрак отцу, но попал в перестрелку. Весь день, до конца боев, оставался Гриша с бойцами. Когда же подошел Ахтарский полк и появился пулемет, мальчик подносил патроны пулеметчику, помогал перевязывать раненых. Корниловцы были отброшены.

А через три дня Гриша с отцом встречал красные отряды, которые под духовой оркестр входили в город. На братской могиле красноармейцы поклялись отомстить за погибших. Гриша был на митинге. И там девятилетний мальчик тоже почувствовал себя бойцом великой армии, к которой принадлежал отец и его товарищи.

Двадцатые годы. Смутное, трудное время. Семья Бахчиванджи решила уехать к родственникам под Мариуполь. Там, в деревне Николаевке, отец поступил на кооперативную мельницу и был избран в Комитет незаможных крестьян. По всей Украине орудовали белые банды. Разные «батьки» верховодили ими, и разные порядки наводили они по селам и хуторам. Но роднила их лютая ненависть к новому советскому строю. Они расстреливали коммунистов, вешали сотрудников советских учреждений.

В один из дней, когда к Николаевке подошел отряд очередного «батьки», Яков Иванович получил приказ уходить. Прощаясь с сыном, отец показал ему на мельницу. Для разговоров времени не было, но Гриша понял, что хотел сказать ему отец. Он

знал, что бандиты портят, выводят из строя машины, двигатели.

Отец научил Гришу разбираться в частях двигателя, объяснял их назначение. И мальчик принялся за дело. Когда бандиты прискакали к мельнице, она не работала. Хлопчик, встретивший их, проводил главаря в машинное отделение. И пояснил, что приходил какой-то дядя, что-то открутил и унес.

Не могли догадаться беляки, что одиннадцатилетний мальчик разобрал двигатель и спрятал его части на угольном складе.

Разгромили белых. Вернулся отец, заработала мельница. И сам командир дивизии подарил Грише ремень с портупеей.

НА ПОРОГЕ БЕССМЕРТИЯ

Спустя десять лет, перед самым отъездом в армию, Григорий вновь провел несколько дней в этой деревне. В это же время здесь жил известный украинский поэт Остап Вишня.

Молодежь хороводилась вокруг Гриши. Вечерами он играл на рояле в сельском клубе, днем увлекал ребят походами по ущельям, скалам. Разучивали пьесы. Вишня обратил внимание на талантливого юношу. Однажды он заметил: «Гэй, хлопэць, будэ з тэбэ вэлыкый чоловик». Сказал эти слова поэт ненароком, да не ошибся. Всего лишь через десять лет этот простой украинский хлопец подошел к бессмертию.

Вообще, десять лет — срок не очень большой. Но когда это годы юности, они значат много. Именно столько понадобилось заводскому парню с мариупольской окраины, чтобы встать в ряд с лучшими летчиками-испытателями страны. Высшей наградой страны отмечен большой труд испытателя, его, по словам Стефановского, «потрясающая храбрость».

> «Как летчик-испытатель вполне сформирован. Успешно проводит ответственные испытания. Летает уверенно ночью в сложных метеоусловиях. Обладает большой практикой в высотных полетах»
>
> *(выписка из личного дела капитана Бахчиванджи).*

Летчику-испытателю пригодились и знания слесаря, полученные в заводской юности, и мастерство вооруженца, которому он обучился в специальной школе, и уж, конечно, летное искусство, полученное им в Оренбургской школе военных летчиков. Годы учебы Григория, годы становления его характера

были временем большой героики, романтики в масштабах всей страны. Эпопея челюскинцев, первая научная экспедиция на Северный полюс, героические перелеты наших летчиков. Какой мальчишка, какой юноша тех лет не жил этими событиями, не видел себя Папаниным, Чкаловым, Громовым!

Грише повезло: уже к концу десятилетия он, испытатель чкаловской школы, сам давал путевку в жизнь сложнейшим машинам. Мало кто знает, что Григорий Бахчиванджи вошел в историю ракетной техники дважды: еще за пять лет до своего исторического полета он впервые в мире испытал на самолете авиационные «катюши».

…Всякая встреча с неизведанным таит опасность, а порой и смерть. Еще не один летчик пожертвует своей жизнью, прежде чем будут разгаданы явления звукового барьера. Григорий Бахчиванджи был первым среди смелейших из смелых, людей большого опыта, знаний и мужества, ценой своей жизни приоткрывших дверь в новое.

* * *

Колышет ветер редкие листья берез. Уральские деревца несут караул у памятника Бахчиванджи.

Мы втроем стоим в стороне. У каждого свои думы.

Мне вспомнился рассказ жены Григория Яковлевича — Ирины Борисовны Покровской. Однажды Григорий сказал ей, что, когда врачи запретят ему летать, он устроится комендантом аэродрома и жизнь его вновь будет связана с авиацией.

Сейчас у памятника — семья Бахчиванджи. Вот Агнеса Степановна осторожно опустилась на колени и прильнула губами к мрамору основания. Рядом с ней — три сына. Они все очень напоминают Григория. Такие же коренастые, крепкие, сильные. Больше всех, судя по фотографиям, похож Борис — черные кудрявые волосы, озорные светлые глаза. Хотя Л. С. Душкин выделил Степана, глянув на него впервые, он сразу определил: «Это Бахчиванджи». Степан — старший, с сединой, степенный. Анатолий моложе, подвижней. Три сына. Опора матери.

Через час мы все уезжаем отсюда. Бахчиванджи — к себе на Украину, мы трое — на Урал. Дело сделано. И слегка грустно. Завтра снова начнется обычная жизнь. Игорь Катенев полетит куда-нибудь на восток. Станислав Иванов будет воплощать в бронзе чью-нибудь новую задумку. И меня ждут очередные встречи, поиски. Новые люди войдут в наши судьбы. Но в одном мы не сомневались: в сердце каждого из нас человек этот

останется надолго.

ПАМЯТЬ

На въезде в Бриньковскую у самой кромки изумрудного весеннего поля — любовно сработанный стенд «Вас приветствует Родина Г. Я. Бахчиванджи», чуть поодаль — большой портрет летчика с его особой, столь приметной улыбкой — «Наш земляк — пионер ракетоплавания…»

Через пятнадцать лет нашло меня приглашение станичников — правление колхоза имени Бахчиванджи предлагало принять участие в праздновании 40-летия первого в мире полета на реактивном самолете. Торжества — в Бриньковской, 15 мая 1982 года.

В тот день все центральные газеты вышли с рассказом о Григории Яковлевиче Бахчиванджи — «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Советская Россия» даже вспомнила в связи с ним и о нас с Катеневым. Имя Бахчиванджи звучало в передачах Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Мой сосед по самолету, заглянув в газету, как о хорошем знакомом, сказал: «А, Бахчиванджи…»

Станица принимала гостей. И самолеты садились на обычный полевой аэродром, неподалеку от краснозвездного истребителя, устремившегося в небо прямо с пьедестала Почета. Этот памятник в честь своего земляка-героя установили жители Приморско-Ахтарска.

На летном поле кубанский казак с казачкой в красочных народных костюмах хлебом-солью встречали Героев Советского Союза, лауреатов премий, ведущих инженеров-конструкторов, заслуженных летчиков-испытателей СССР — однополчан и друзей Бахчиванджи, сегодняшних продолжателей его бессмертного дела, творцов и испытателей авиационной техники будущего. Пионеры школы имени героя заранее заготовили букеты ярких майских цветов.

Никогда еще в станице не было так много столь чтимых гостей. Прославленные генералы, полковники запросто разгуливали по деревенским улицам к великому удовольствию подростков и взрослых, фотографировались с ними на память. Приехали на праздник и бывшие воины-освободители, кого станичники давно считают членами своего колхоза. И у Вечного огня, что зажжен у братской могилы погибших, о боях за Бриньковскую гостям рассказывала почетная бриньковчанка — «Юрка-разведчик», а в мирное время — единственная в стране

женщина-сталевар Герой Социалистического Труда — Адель Николаевна Литвиненко.

Казалось бы, все знают земляки о Герое, нет уже ни одной малоизученной строки в его биографии — доказательство тому уникальнейшие экспонаты, фотографии в народном музее, что создал А. Т. Ранюк с помощниками. Но вышли на трибуну однополчане — и замер зал Дома культуры, а на следующий день и весь многотысячный митинг на площади. Нина Ивановна Русакова — заслуженный летчик-испытатель СССР, единственная в стране женщина с таким воистину героическим званием, училась с Гришей Бахчиванджи в Оренбургской школе военных летчиков; Юрий Александрович Антипов, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, тоже сам человек из легенды: это он одним из первых в мире выполнил фигуры высшего пилотажа на реактивном самолете, с Григорием Яковлевичем вместе воевал во фронтовом небе, в одном 402-м полку истребителей; полковник в отставке Георгий Дмитриевич Холод — герой республиканской Испании, затем комиссар эскадрильи, в которой служил Григорий Яковлевич, он присутствовал на трех исторических полетах Бахчиванджи и видел его последние минуты…

Главный конструктор СКБ передал станичникам макет уменьшенного в десять раз БИ-1 и доложил, что спортсмены-альпинисты конструкторского бюро покорили два безымянных горных пика на Западном Памире. Ныне они носят имена Г. Я. Бахчиванджи и А. Я. Березняка. А начальник музея ВВС страны генерал-лейтенант авиации С. Я. Федоров подарил народному музею новые фотографии, экспонаты.

На станичной площади Боевой и Трудовой Славы заканчивались работы по сооружению мемориала памяти первого человека в мире, поднявшего в воздух ракетоплан; почетные гости вместе со станичниками заложили аллею Славы, и теперь пушистые елочки сохраняют память об этом дне. Летчики-испытатели привезли и установили истребитель МИГ-21, конструкторы СКБ приступили к созданию в натуральную величину БИ-1, а между боевыми машинами на одиннадцатиметровый постамент поднимется бронзовый летчик, Герой Советского Союза и общий их друг.

По стране уже зазвучала «Песня о Григории Бахчиванджи», что написали композитор В. Левашов и поэт С. Гребенников.

Словом, всесоюзная известность, людская благодарность и уважение пришли к кубанскому парню. На примере его жизни сложились традиции, а на них воспитывается уже новое поколение станичников. Это — традиции мужества,

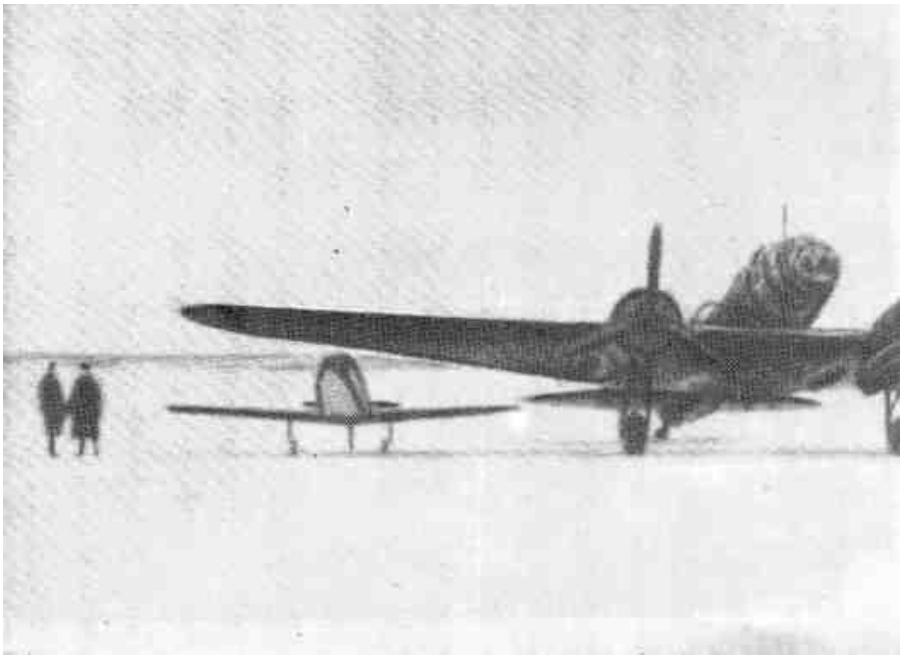
гражданственности, готовности к самопожертвованию, подвигу.

Перед самым нашим приездом пятеро колхозных парней — Виктор Мартыненко, Иван Василенко и их товарищи — смело стали под дуло обреза рецидивистов и спасли государственное имущество. Они чудом остались живы — осечка стрелявшего. Ребята знали, на что шли, но не могли иначе. «Они же бриньковчане» — такое объяснение звучит как лучшее доказательство пожизненной сопричастности казаков к подвигу своего земляка.

А значит не зря пятнадцать лет назад подарили уральцы кубанской станице ее Героя.

Кубань — Челябинск,
1967—1982 гг.

За несколько минут до бессмертия. Г. Я. Бахчиванджи. 14 мая 1942 г.



Так начиналась реактивная авиация. Самолет-ракета БИ-1 (под крылом бомбардировщика) на уральском аэродроме.

Герой Советского Союза Г. Я. Бахчиванджи: слесарь, курсант,

командир эскадрильи, летчик-испытатель.

Митинг на родине Героя, 15 мая 1982 г.

Брат Г. Я. Бахчиванджи Степан Яковлевич высаживает ели на аллее Славы.

МАМЛАКАТ — ЗНАЧИТ СТРАНА

В БОЛЬШУЮ МОСКВУ ИЗДАЛЕКА
ПРИЕХАЛА МАМЛАКАТ,
В МОСКВУ, ГДЕ ВСЕГДА ЯСНООКО
КРЕМЛЕВСКИЕ ЗВЕЗДЫ ГОРЯТ.

…КУДА-ТО ПРОПАЛО СМУЩЕНЬЕ;
ОНА РАССКАЗАЛА, СВЕТЯСЬ,
О ТОМ, КАК СТАРАЛАСЬ В УЧЕНЬЕ,
О ТОМ, КАК ЗА ХЛОПОК ДРАЛАСЬ…

И ВОТ У НЕЕ НА ЗАПЯСТЬЕ
ЧАСЫ ИМЕННЫЕ ПОЮТ.
ЛЕТИТ ЛЕГКОКРЫЛО, КАК СЧАСТЬЕ,
В ОТВЕТ ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ:

«ГОТОВА!.. КОНЕЧНО, ГОТОВА!»
…ТАМ, В ХЛОПКОВЫХ ОБЛАКАХ
ТАДЖИКИСТАНА РОДНОГО,
ЖИВИ МНОГО ЛЕТ, МАМЛАКАТ![2]

Муса Джалиль, 1935 г.

Перевод Мариш Аввакумовой

Эта девочка пришла ко мне из детства. И всю ночь в аэропорту, а затем в самолете я силилась представить нашу встречу: знала ее всю жизнь, она же никогда не слышала обо мне. У нее таких знакомых — вся детвора предвоенных лет. Для нас же, октябрят, пионеров той поры, она была одна: мы стремились подражать ей во всем, у нее учились любви к Родине. Ее портрет смотрел со страниц букваря, о ее подвиге мы слушали выпуски «Пионерской зорьки», читали в «Пионерской правде».

Ей было всего 11 лет, но рядом с пионерским галстуком на ее груди алел орден Ленина. Первая пионерка страны, удостоенная такой награды. Первая среди взрослых в Таджикистане. Мы все заплетали косички, «как она», и носили на голове тюбетейки тоже, «как она». С тех пор прошла целая жизнь, но для меня все годы именно она олицетворяла солнцеликую республику. Могла ли я теперь, попав в Душанбе, не встретиться с ней?

…В республиканском музее хранится старая полуслепая

фотография, сделанная при чрезвычайных обстоятельствах в 1924 году. Изображен на ней кишлак Шахмансур после налета басмачей: дым, огонь, пыль, развалленные дувалы и саманные хавли, сравненные с землей. Смотришь на снимок и словно из далекого далека слышишь стоны избитых, плач разлученных, осиротевших, крики погонщиков, рев обезумевшей скотины.

В один из таких налетов на Шахмансур, а именно 15 ноября по старому стилю, в том же 1924 году, от крайней кибитки — или хона́, как называют в этих местах, — отделился всадник и, сопровождаемый бегущим человеком, погнал к ближайшему ущелью. Басмачи не стали преследовать беглецов: возможно, не заметили, а возможно, не привлекали их эти бедно одетые, со старой кобылой люди. Если бы кто смог приглядеться к ним поближе, удивился бы странному виду всадника: к самодельному седлу была привязана закутанная в чадру женщина, обычный по тем временам черный килак на лице ее отсутствовал, рот был туго завязан платком, а глаза, полные слез, выдавали неимоверные телесные страдания.

В первой от хлопковой долины расщелине примостился кишлак Шейхон, а крайняя кибитка в нем — Бобо-сафара.

Горец всегда рад гостю. Он не будет выспрашивать, что привело того в его дом. Двери хона не заперты никогда: заходи, приезжий, покушай, что есть у хозяина, или приготовь себе сам из его продуктов, если в доме ты один. Таков закон, что и поныне чтут на Востоке. И Бобо-сафар не задал вопросов, не испугался, что незнакомые беглецы навлекут беду — чего доброго наведут басмачей. Он помог Нахангу отвязать Курбан-биби и внести ее в дом, затопил тандыр во дворе, побежал за водой к ручью.

Через несколько минут Курбан-биби родила девочку.

А когда зашло солнце, маленький караван тронулся назад в Шахмансур.

— Малика[3], — шептала мать, нежно прижимая к себе завернутое в халат крошечное существо.

Но Наханг не разделял радость жены. И уже совсем не был согласен с таким именем. Когда утром гнал он кобылу в Шейхон, он спасал сына — единственного, желанного, долгожданного. Но аллах подарил дочь. И Наханг слышать не хотел ни о каких царицах-шахинях. Бедняк, сын бедняка, проданный баю вместе с братом за долги, много дорог исходил он караванщиком, но ни за одним бедняцким дувалом не встретил счастья. Когда застигнутый революцией бай повернул свой караван обратно, в Афганистан, Наханг остался на земле Советов.

— Будет Мамлакат[4], — твердо сказал он жене.

Назвал Наханг Акбердыев свою дочь новым словом, что было

тогда на устах у всех обездоленных и угнетенных, но и мысли не было у него, что эта седьмая в его семье девочка прославит свое имя, и пойдет оно кочевать по всем среднеазиатским республикам. Рано умер Наханг, так и не узнал, что ученые спустя много лет провели специальные исследования и доказали, что он, неграмотный узбек-караванщик, впервые на Востоке ввел это имя.

Большим фантазером и мечтателем был отец Мамлакат… Недаром дедушка Давлат, — старик мудрый и уважаемый не только в своем кишлаке: в базарный день его нарасхват приглашали на все конские торги, — недаром он приметил этого совсем чужого парня и взял его себе в зятья. Много историй знал Наханг, много сказок и легенд услышал в разных землях, по которым плутал Великий шелковый путь. Потом пересказывал их, мастеря детям игрушки из хлопковых коробочек.

Одну до сих пор помнит Мамлакат. Рассказывал отец, как посадила раз девочка, дочь бедняка, в самом центре кишлака хлопковое семечко. Выросло дерево-хлопок такое большое, что тень от него закрывала не только кишлак, но и поля вокруг. И прятались в ней от непосильной жары жители всей долины. Когда хлопок созрел, 500 женщин вместе с девочкой убрали его. А потом сорок верблюдов увезли хлопок в далекие края. Сколько же хлопка вырастила девочка!

Большой фантазер был Наханг-ата…

Через три года после его смерти, в августе 1937 года, на первом Всесоюзном параде физкультурников в Москве вынесли спортсмены на Красную площадь макет большой хлопковой коробочки. Напротив Мавзолея В. И. Ленина коробочка вдруг начала раскрываться, белая вата обрисовала контуры созревшего цветка, и, словно маленькое семечко, выпорхнула из него девочка со ста косичками. Она смело прошагала к Мавзолею и побежала вверх по лестнице, неся букет хлопка руководителям страны. Это была Мамлакат. Лучший хлопкороб. На ее груди все увидели орден Ленина.

Но этого Наханг Акбердыев так и не узнал.

Время, время! Сверхскоростным экспрессом перемалываешь ты под своими колесами годы и целые эпохи, человеческие жизни и судьбы поколений. Не остановить, не догнать. Летит поезд без остановок. И лишь на повороте блеснет иногда огонек чьей-то судьбы.

Видит себя Мамлакат Акбердыевна вновь десятилетней девочкой. Тяжело и долго малярия треплет ее мать. Уже нет в живых отца. Голодно в кишлаке. А еще горше в их кибитке: килограмм овсяной муки в неделю да кормовая свекла — на

трудодни. Плачет маленькая Назакат.

Мамлакат повязывает большой мамин фартук и выходит в поле. Ведь мама — звеньевая, ей нельзя отставать. Теперь вместо Курбан-биби будет она, Мамлакат.

От самого хона бежит хлопковое поле, далеко к горам, что у голубого горизонта. Девочке кажется, что ему нет конца. Хлопок плохой, низкорослый, с одного куста семь коробочек снимешь и все разного сорта. Хорошо, что она маленькая, ей легче: не надо нагибаться за каждой коробочкой. Ну а если пришить несколько карманов и раскладывать сразу по сортам? А если собирать обеими руками? Будет вдвое больше?

Рядом подруга Шарифа Эльмирзоева. Она тоже пионерка и тоже помогает взрослым. А что, если организовать пионерское звено? Недавно ребята постарше, комсомольцы, так и сделали. И вот уже Мамлакат — звеньевая.

Девочки идут рядом, мелькают руки — одной, второй… Вместо 15 килограммов в день, как собирала мама и все взрослые, у девочек по 60—80 за полдня, что выкраивали они после занятий в школе.

Однажды детекторный радиоприемник, что установили в бывшей мечети, сообщил интересную весть: донецкий шахтер за день вырубил 102 тонны угля вместо 7 по норме. Звали его Алексей Стаханов. Человек из приемника, которому так поражались старики: — говорит, а не видно кто, — так вот этот человек призвал всех равняться на Стаханова.

Мамлакат эта мысль понравилась. «102 килограмма хлопка в день?» На митинге она сказала: «Будет 102», — не предполагая, что это такая большая гора — около 100 тысяч махоньких коробочек.

Это было невиданно! Это было неслыханно! Дерзко! Что оставалось делать взрослым? Почему девочка такая «умная»? Зачем ей столько?

Ее избили вечером, когда возвращалась с поля, жестоко, безжалостно. Хулиганов поймали. На суде Мамлакат заступилась за них: обыкновенные лодыри.

В нее стреляли, когда ехала на встречу с колхозниками района в клуб шелко-мотальной фабрики.

Ночью на крыше кто-то закрыл трубу, чтобы девочка не проснулась, угорела от чугунной печи, что по решению правления колхоза установили в ее кибитке.

А она учила подруг, взрослых. «Открытый Мамлакат новый способ сбора хлопка, перенесенный на все поля Таджикистана, дал невиданный результат: уборка хлопка пошла быстрее и лучше», — так писали в журнале тех лет.

4 декабря 1935 года постановлением ЦИК СССР Мамлакат Нахангову наградили высшим орденом страны.

…Из детства ее и моего нам улыбается белозубая девочка, толстая коса перекинута через левое плечо, тюбетейка с нарядной бахромой одета чуть-чуть набок. Видимо, снимок сделан не дома: некому было заплести многочисленные косички.

Да, это 1936 год, она в Москве, а в это время в кишлак в гости нагрянул Юлиус Фучик.

Чешский публицист-антифашист тогда вторично был в Таджикистане: заехал познакомиться с писателем Айни, о котором был наслышан в первое памирское путешествие, и с Мамлакат.

Встретился лишь с Курбан-биби, попил чаю в их кибитке, оглядел хлопковые поля, что наступали на кишлак со всех сторон. Потом, вернувшись в кибитку, спросил, показывая на фотографию девочки:

— Чем же вы ее кормили, что выросла она такая проворная?

— Тыквой, — грустно вздохнула Курбан-биби.

— Когда-нибудь я приглашу ее в Прагу, — сказал Юлиус, прощаясь.

В буржуазной Чехии это был период наступления реакции, и Фучик прибыл в СССР нелегально, без паспорта, имея аресты и тюрьмы в недалеком прошлом и «Репортаже петлей на шее», а затем смертную казнь не в таком уж далеком будущем.

Через 20 лет приехала Мамлакат в Прагу. Она поднялась на Злату улочку к кафе, где когда-то часто сиживал Юлиус с чашкой кофе.

Внизу лежала Прага, злата Прага, красавица Прага, свободная, социалистическая, какой мечтал увидеть ее Фучик и за какую отдал жизнь. Густа, его жена, рассказала Мамлакат, что накануне казни фашисты привезли Юлиуса сюда, на это его любимое место. «Посмотри, как прекрасна жизнь. Разве не жалко умирать? Отрекись…»

Долго сидела Мамлакат в старом кафе на Златой улочке… в гостях у Фучика.

Многие считают Мамлакат Акбердыевну Нахангову своим другом, доброй знакомой. Судьба подарила ей не одну встречу, память о которой живет десятилетиями: Калинин и Сталин, Папанин и Буденный, Немирович-Данченко и Нежданов, Коллонтай, Дарья Гармаш, Турсуной Ахунова, Гуля Королева, Петр Машеров, Нина Жвания, Натела Челебадзе…

Три года назад М. А. Нахангова, кандидат филологических наук, доцент Душанбинского педагогического института, выступала перед студентами и преподавателями Гарвардского

университета в США.

Мамлакат говорила о Таджикистане, рассказывала о советских студентах. Еще войдя в зал, она заметила портреты Поля Робсона на стенах, стенды, посвященные его жизни. Заканчивая выступление, бросила в аудиторию вопрос:

— Любите Поля Робсона?

— А разве можно его не любить? — зашумели слушатели, в основном латиноамериканцы и негры, они насторожились и сразу умерили свои симпатии к Мамлакат.

— Я-то знаю это хорошо: его не любить нельзя, — засмеялась она, успокаивая, — знакома лично. Слушала на концерте.

Что тут поднялось! Оказалось, что даже из профессуры никто не видел Поля в жизни. Даже те, кто называл себя его друзьями, помогали певцу бороться за свободу, за права негров.

Мамлакат рассказала, как в ноябре 1945 года на I Лондонской антифашистской конференции молодежи мира, на которой она вместе с Николаем Михайловым, Ниной Жвания, Петром Машеровым и другими представляла советскую молодежь, их приветствовал Поль Робсон. В перерыве он подошел к советской делегации и, разговаривая, взял руки Мамлакат, с шутливым удивлением стал разглядывать их, а потом серьезно сказал: «Неужели эти маленькие ручки могли так много сделать!» — и поцеловал их (через много лет при первом личном знакомстве этот жест и слова повторит Алексей Стаханов).

— Качать Мамлакат! — к ней тянулись люди, ее подняли в воздух, куда-то понесли. Лишь в машине от сопровождающего негра-профессора узнала: едут в Вашингтон — культурный центр Поля Робсона, там сегодня собрались друзья.

— Вы расскажете о нем.

В большом зале действительно было много народа, сидели даже на полу, в проходах. Шла программа, посвященная 80-летию певца, в которой участвовали и советские гости — члены общества по культурным связям СССР — США, с которыми Мамлакат прилетела из Москвы.

Профессор шагнул на сцену и громовым голосом объявил:

— Этот человек видел Поля Робсона.

И вновь — шум, удивленные крики, и вновь Мамлакат — на трибуне: выступление-экспромт. Она говорит о том, как любил Поль Робсон советский народ, как посвящал ему песни, как песни Поля помогали в жестокой войне.

Как раз в эти дни американцы смотрели серии «Этой неизвестной войны», активно обсуждали виденное, постигали пережитое советскими людьми, и все присутствующие прекрасно поняли Мамлакат. Тем более, говорила она прямо в зал, без

переводчика, на чистейшем английском языке: ведь этот язык — ее специальность.

Да, хлопковое поле не стало судьбой Мамлакат. Но в этом нет ее вины. Когда ребятишки страны распевали песню «Мамлакат-пионерка идет, а вокруг рукоплещет народ», когда она продолжала в месяцы уборки собирать по 100, 150 и даже 300 килограммов хлопка в день, подкралось несчастье. Заболели глаза.

Еще не знали окончательного диагноза, и председатель Совета Министров республики М. Курбанов в шутку говаривал: «Для Мамлакат одной построим текстильный комбинат», а судьба ее была предрешена.

Не одну и не две, а целых восемь операций сделали лучшие врачи в Кремлевской больнице. Приговор был суров: хочет видеть — должна навсегда расстаться с хлопком.

Рушились мечты, казалось, теряется смысл жизни — и это в ранней юности.

Едва оправившись, Мамлакат мужественно ищет выход. Она поступает в подготовительную группу Московского текстильного института. Заканчивает успешно и — новый приговор врачей: не сможет учиться в этом вузе, не сможет чертить, разбирать схемы, — и — девятая операция.

Жена пограничника, начальника погранзаставы, она не имеет права раскисать. Вновь готовится в вуз и поступает в Военный институт на факультет иностранных языков.

Война бурей пронеслась не через одну судьбу, топча, разбивая и руша…

Нахангова закончила факультет иностранных языков лишь в 1952 году в Душанбинском пединституте. С тех пор 30 лет преподает она в этом вузе, возглавляла кафедру. Сколько студентов могут сегодня сказать: «Учились у самой Мамлакат»? Сотни? И лишь двое — Роксана и Алишер — имеют право назвать ее мамой. Есть и внуки у Мамлакат Акбердыевны. Прошлым летом с девятилетним Мехрдодом гостила у своей закадычной подруги — Нателы Челебадзе, той самой легендарной пионерки послевоенных лет, что за рекордный сбор чая — одной тонны за сезон — была удостоена звания Героя Социалистического Труда. Она по-прежнему живет в Аджарии, теперь директор чайной фабрики.

Нахангова много путешествует, часто выступает, как член республиканского комитета по зарубежным связям нередко бывает за рубежом.

В Соединенных Штатах Америки состоялась еще одна интересная встреча. Нахангову пригласил в гости Филипп

Смит — 92-летний фермер из штата Пенсильвания.

Оказалось, что он из тех самых братьев Смит, которые в 20-е годы привезли в Советскую Россию тракторы-фордзоны — подарок американских фермеров, сочувствующих революции.

Братья оставались в России до конца 30-х годов, тогда и видели Мамлакат, читали о ней в газетах.

В гости к Филиппу Смиту посмотреть на «ту самую девочку из России» приходили все новые и новые люди. Мистер Смит каждому пояснял, что это действительно та Мамлакат из его почти полувекового российского далека.

— Никогда не думала, — вспоминает Нахангова, — что в Америке у нас столько друзей. Честные, простые американцы с большим уважением и симпатией относятся к Советскому Союзу.

…С Шукурджаном Зухуровым, заместителем заведующего отделом рабочей и сельской молодежи ЦК ЛКСМТ, едем в колхоз, где так ярко началась жизнь Мамлакат. Собственно, нет теперь колхоза имени Лахути — уже давно вошел он в состав большого хозяйства-миллионера в Ленинском районе. И нет уже поля, на которое в отчаянной решимости вышла десятилетняя девочка, — на этом месте теперь взлетная полоса Душанбинского аэродрома. Нет нужды. Нет неграмотности. Нет классовой борьбы. А есть память. И еще — живет ее имя.

Въезжаем в зеленый, нарядный кишлак, петляем среди добротных, побеленных домиков с большими дворами и гаражом почти при каждом доме.

Проезжаем мимо правления, диаграммы и плакаты у входа в которое рассказывают об успехах колхоза имени Ленина, первого среди хозяйств района, и выбираемся наконец на поле.

Босоногие и любопытные кишлачные мальчишки со всех сторон облепили остановившуюся «Волгу».

— Вам кого?

— Мамлакат, — неуверенно говорю я.

— А какую? — немедленно выстреливает вопрос. — Из бригады Мирова? Саидову или Хабибову?

Не понять им, что другую Мамлакат, черноглазую и белозубую девчушку с косичками, героиню из своего детства, мысленно ищу я за незнакомым дувалом.

— Саидову, — называю наугад. И бывает же такое везение: оказывается, что Мамлакат Саидова родилась в год, когда слава пришла к ее землячке, в год, когда та первой в Таджикистане получила орден Ленина. И родители назвали новорожденную в ее честь, раз уж так прославила их колхоз и республику.

Назвали. И не ошиблись, достойной преемницей трудовой славы Наханговой стала их дочь.

— О ней в газете писали, — сообщили мальчишки, ни на шаг не отставая от нас.

Мамлакат Саидова в страду собирает вручную 140—150 килограммов хлопка в день, в нехлопковые месяцы выращивает и сдает государству по 160—170 килограммов кокона. А что значит вырастить его, да еще в таком астрономическом по отношению к весу одного кокона количестве? Малое дитя не требует стольких забот; по нескольку раз в ночь встает к шелкопряду хозяйка — подложить свежий лист тутовника, проверить температуру и влажность в помещении, проветрить его, собрать грязь. Ни на шаг — из дома. Целые недели жизнь — строго по часам.

Имеет Мамлакат награды за труд, ордена «Материнская слава» и «Медали материнства».

Когда вся семья Раджаба и Мамлакат собирается вместе, «Жигулей» не хватает. Если ехать куда, нужны две-три машины.

Хорошо, в большом достатке живет семья, как и все в колхозе имени Ленина. Хозяйство это знают даже в Верховном Совете страны: Косим Нуров, механизатор, представляет колхоз и всю республику в советском парламенте.

Почти тысячу гектаров занимает хлопок. Урожаи здесь получают высокие: в добрые годы до 40 центнеров с гектара. Вручную убирают — четверть. Много механизмов, сельхозмашин в колхозе, даже неловко спрашивать, сколько. Да и дома каждая третья-вторая семья ездит на «Жигулях» или «Москвиче». Теперь это не вызывает удивления. А тогда…

Первый грузовик колхоза имени Лахути имел громкую историю и прибыл сюда, минуя разнарядки и планы. В 1935 году, когда в Москве на слет собрались передовые колхозники-хлопкоробы среднеазиатских республик, московские автомобилестроители решили сделать Мамлакат Наханговой подарок: они прикатили в гостиницу, где жили делегаты, трехколесный велосипед и детскую педальную машину. Мамлакат обиделась: работает лучше взрослых и вдруг — детские игрушки — и попросила настоящий грузовик для колхоза.

Уж и не знаю, как выкрутились зиловцы: может, сверхплановый собрали, только просьбу девочки выполнили, прибыла в колхоз первая трехтонка. А на педальной машине Мамлакат еще три года ездила по улицам Душанбе, где училась в интернате вместе с Шахиром Камбаровым и другими ребятами из кишлака.

Шахир Камбарович и рассказал эту историю. К нему на центральную усадьбу колхоза сходятся все телефонные линии, и он круглосуточно на посту, хоть и инвалидность имеет. Поведал и о клубе, который построили тогда в кишлаке на те 50 тысяч

рублей, что подарил колхоз на новую кибитку семье Мамлакат за ее труд. «Будет клуб»! — так тогда решила девочка.

— Он и сейчас цел. Только теперь — в черте города. Это в районе 3-й автобазы.

…Мы сидели с Мамлакат Акбердыевной в душанбинской гостинице, проходил час за часом, а мы все пили зеленый чай и говорили, говорили, будто встретились после большой разлуки. Вспоминали события, называли имена, переживали, радовались, смеялись. А с фотографии из старого журнала улыбалась нам девочка в тюбетейке чуть-чуть набекрень, что пришла на эту встречу из нашего детства.

Душанбе, 1982 г.

Мамлакат было 11 лет, когда она стала первой в стране пионеркой — кавалером ордена Ленина.

Пионеры-орденоносцы. Мамлакат Нахангова и Барасби Хамгоков во Всесоюзном пионерском лагере Артек. 1939 г.

И снова Артек. Встреча через 43 года.

Такой вошла в историю страны пионерка Мамлакат.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

И ПАУЧЬЯ СВАСТИКА ДРОЖАЛА,
ПОД ОГНЕМ УМЕРИВ МОТОПРЫТЬ.
НЕТ, НЕ РУР —
МАГНИТКА ВНОВЬ РЕШАЛА:
БЫТЬ РОССИИ… БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

МЫ, НАДЕВ ОТЦОВ ПОГИБШИХ РОБЫ
И К МАРТЕНАМ ВСТАВ В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ,
СОКРУШИЛИ ПОЛЧИЩА ЕВРОПЫ
И ЖЕЛЕЗНЫЙ КРУППОВСКИЙ ХРЕБЕТ.

Вл. Машковцев

Утро спускается в Магнитогорск с горы Атач. Его первые гонцы, лишь на миг задержавшись на вершине — у памятного ковша с глыбой руды, стремглав летят через реку, на правый берег. Здесь под ранними всполохами зари словно оживают две гигантские бронзовые фигуры: молодой рабочий и солдат, которому вручает он меч; за его спиной во всю обозримую ширь — панорама, как декорация из дыма, металла, огня: из суток в сутки кипит главный металлургический котел страны.

Монумент этот поставлен на самом рубеже двух частей света — там, где обычно памятными обелисками помечают границу континентов. Но не союзу Европы и Азии посвятили свой труд скульптор Л. Головницкий и архитектор Я. Белопольский. Другой союз, что в кровопролитной тяжелой войне сокрушил фашистскую мощь, утвердили они здесь, в центре металлургической столицы страны, — союз тыла и фронта.

Лев Николаевич Головницкий, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии РСФСР имени Репина и премии Ленинского комсомола, рассказал мне в дни работы над скульптурной группой, что первоначальный замысел его был иным: пожилой уральский мастеровой — символ всего работного Урала — должен был передавать с напутствием свой меч воину.

Но приехали авторы в Магнитогорск, поговорили с ветеранами, посидели в архивах, походили в музеи. И выяснили, что Магнитогорскому комбинату к началу войны едва исполнилось девять лет, что были тогда молоды и командиры производства, и рабочие, и сам город — первенец советских

пятилеток. И еще один факт напомнил о себе: 32 тысячи металлургов ушли с комбината на фронт, их места заняли не только жены и деды, — особенно много в цеха пришло мальчишек и девчонок. Недаром уже в 1943 году за самоотверженный труд этих 14—15-летних на нужды обороны ремесленное училище № 13 наградили орденом Трудового Красного Знамени.

— Я мальчишкой был, когда началась война: 11 лет, — вспоминал Головницкий. — Родители почти не бывали дома: отец — машинист паровоза — водил составы с боевой техникой, людьми на фронт; мать сутками на заводе. Я видел неимоверное напряжение тыла. И эшелоны, что шли к нам в Челябинск с Запада. И старших своих товарищей — уральских, ленинградских, московских парнишек — после трудных заводских смен, смертельно усталых, голодных, плохо одетых. Казалось, я все испытал сам, пережил, глубоко сохранил в сердце. И вот спустя столько лет прошлое свое отношение выражаю сейчас. Помню: сказочных сюжетов мы не рисовали. Мы рисовали бои. И так жаждали победы на своих листках бумаги!

Через много лет эту мечту о победе, эту боль рано повзрослевшего мальчишки Лев Николаевич вложил сперва в «Орленка», а потом вместе с Я. Б. Белопольским завершил триптих о мече победы, найдя ему очень точное начало: солдат, вооруженный мечом, что выковал в тылу народ-мститель, погнал фашистов от Сталинграда и разрубил фашистскую свастику в Берлине.

— Брат у меня старший погиб в 18 лет на Курской дуге. Наш памятник и ему, и его товарищам, и всему народу, что в невероятных усилиях тыла выковал победу над фашизмом: на Магнитке ли, Уралмаше, в Танкограде, Нижнем Тагиле, Барнауле, Мотовилихе, — заключил рассказ Головницкий.

Мальчишки и девчонки военной поры. Всегда голодные, усталые, в ватниках на голом теле, в деревянных колодках, лаптях, дорогие мои сверстники, чьим трудом в немалой степени держалась страна. Сутками на маленьких ящичках стояли вы у станков, порой засыпали прямо в цехах, премию получали — кусочек хлеба с селедкой, в 16 лет вам вручали ордена, о вас слагали песни, снимали фильмы, — минуя юность, прямо из детства шагнули вы в большую жизнь, навсегда сохранив в глубине сердца тоску о недоигранном, недолюбленном, недопетом.

Мальчишки и девчонки военной поры…

— Вот такие молодые, 15—16-летние, значительную часть военного лиха вынесли на своих плечах.

Мой собеседник имеет право на такое обобщение, потому что

среди тех, кто одевал в магнитогорский металл каждый второй танк и каждый третий снаряд, был и он, подросток, у которого Гитлер украл детство. Сегодня он Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, делегат партийных съездов. А тогда…

— Первое естественное желание — пойти в армию, обязательно летчиком — осуществить не удалось. И вот с такими же, как я, ребятами — без отца, да и совсем без родителей — решил поступить в ремесленное.

Когда 25 августа 1941 года, на следующий день после приема в РУ № 1, перешагнул он порог проходной металлургического комбината, кто мог предположить, что пришел будущий директор?

Когда в группе таких же юных электриков на среднелистовом стане, что незадолго до этого прибыл с «Запорожстали», соприкоснулся он впервые с рабочей профессией, кто мог разглядеть в нем будущего министра?

— Нас прикрепили к опытным рабочим и учили прямо в цехе. Работали по 12 часов. А случалось, заболеет сменщик — сутками. Однажды я пробыл в цехе 48 часов, пошел домой и уснул на ходу.

Эту беседу с Дмитрием Прохоровичем Галкиным я записала в канун 50-летия Магнитки, сразу после встречи его с ветеранами комбината, когда в обостренную память о прошлом еще не вторглись заботы юбилейного дня.

— О наградах мы не думали. Но четко знали одно: задание — во что бы то ни стало, да не просто задание. Нужно нарастить производство. Были и награды. Например, сталевар Геннадий Рязанов получил орден Ленина — ему едва ли было 19 лет. А ведь высшая правительственная награда!

Мальчишки и девчонки военной поры… В год, когда страна отмечала свое 50-летие, в киноленте «Летопись полувека» увидели они себя у мартенов, сварочных аппаратов, токарных станков. В «Летописи полувека. Год 1942-й» есть такой момент: у горящего зева мартеновской печи ребята засыпают порог, потом крупно, во весь кадр — вереница улыбчивых мальчишеских лиц и — дикторский текст за кадром: «Всмотритесь в эти лица. Это ваши отцы и матери. Тогда, в грозном 42-м, их именовали Андрей Павлович Ящук, Иван Моисеевич Лешко…» И еще несколько имен, которые я, к сожалению, не помню.

В один из тех дней, когда буквально вся страна ежевечерне смотрела серии «Летописи», переживала, вспоминала, узнавала себя, знакомых на телевизионных экранах, на Магнитку приехала иностранная делегация. Первый мартеновский цех, который уже тогда один давал стали больше, чем металлургия всей царской

России, показывал им секретарь партийного бюро Иван Моисеевич Лешко. В беседе гости поинтересовались, сколько лет он работает на комбинате.

— Двадцать шесть.

— А сколько же вам лет сейчас? — «этот русский явно преувеличивает», руководитель делегации решил уличить его.

— Сорок, — спокойно ответил Лешко.

— Но этого же не может быть!

И Иван Моисеевич, как на главное доказательство, сослался на эти кадры, что снимали кинооператоры в его смене для кинокартины «Здравствуй, Москва! (впоследствии, их использовали в кинохронике о жизни государства).

Кто из ребят той поры не знал этого фильма — «Здравствуй, Москва!» Кто вместе с героями его — мальчишками и девчонками из ремесленного училища — не бродил мысленно по московским бульварам, не волновался перед концертом на столичной сцене, кто не радовался, не печалился вместе с ними, не сопереживал их удачам. Кто не знал этой песни:

Мы идем, мы поем,
Мы проходим по бульварам и садам,
Мы идем, мы поем,
И Москва улыбается нам.

Целое послевоенное поколение выросло на фильме С. Юткевича. Завороженно следили мы за экранной, такой счастливой и красивой жизнью этих ребят, чуточку завидуя им.

Спустя много лет из уст участников съемок — магнитогорских РУ-шников времен войны — услышала я рассказ об этой «счастливой и красивой жизни»: о голодных, раздетых, потерявших родителей, напуганных войной, тяжело работавших в цехах детях, о том, сколько тепла сердечного, сколько такта и доброты потребовалось воспитателям, чтобы отогреть их оледеневшие сердца, заставить поверить в добро их, видавших смерть и горе, познавших голод и несправедливость, научить радоваться и смеяться.

Днем их величали по имени-отчеству, они заменяли ушедших на фронт мастеров, работали формовщиками, крановщиками, катали броню, варили сталь. Поздно вечером, захватив пайку хлеба, собирались вокруг печки-буржуйки, на которой в ведре варилась картошка, спорили, вспоминали, иногда танцевали под баян, и большая дружба постепенно возвращала израненные ребячьи души ко всему доброму, хорошему.

Центром этого рождающегося коллектива, подругой,

матерью, наставницей ребят была молодая воспитательница, так же, как и большинство из них, эвакуированная с запада страны — Наталья Николаевна Карташова, балерина по довоенной профессии.

Разные пути приводили ребят в ансамбль, а следовательно, и ремесленное училище, на комбинат. Андрюшу Мистюкова Карташова, заслушалась у проходной. Чумазый, оборванный, он лихо играл на баяне все, что бы ни попросили. У него угадывался абсолютный слух. Поговорив с Андрюшей, Наталья Николаевна тут же определила его в пионерский лагерь, а затем в училище. Пройдет несколько десятилетий, и заслуженный артист РСФСР, композитор А. П. Мистюков с благодарностью напомнит ей об этих днях.

Гришу Галкина привезли из Днепропетровска, где в первые дни войны милиция «выловила» его по месту жительства — в трубах городской централи. Еще трех лет мальчик остался без родителей, его воспитали беспризорники, знаком был с финками, драками, кражами. В училище Гриша учился быть сталеваром, в фильме танцевал знаменитого «Гусачка». И это последнее определило его дальнейшую судьбу — до последних лет своей жизни заслуженный работник культуры РСФСР Г. И. Галкин работал балетмейстером вместе с А. П. Мистюковым в ансамбле песни и пляски Липецкого металлургического комбината.

В Днепропетровском драматическом театре имени Шевченко прошла творческая жизнь Владимира Тульчинского, в Брестском драматическом — заслуженной артистки РСФСР Лилии Баталовой, в Воронежском хоре — Николая Игнатова. Все они на профессиональную сцену вышли из фильма «Здравствуй, Москва!» Им всем подарила судьбу военная Магнитка, РУ № 13, как и тем из ребят, кто, подобно Владимиру Ломакину, не изменил своей первой рабочей профессии. С 1954 года, как закончил Ленинградский индустриальный техникум, и до пенсии варил он сталь в третьем мартеновском цехе Магнитогорского металлургического комбината.

На Челябинском металлургическом работала Любовь Ходоровская, осталась на Урале и Л. Ф. Докшина-Антонова, во многом повторив судьбу своей учительницы Н. Н. Карташовой.

Сама Наталья Николаевна — уже давно заслуженный деятель искусств РСФСР, орденоносец, много сил отдала она созданию еще одного хорошо известного в стране танцевального коллектива — на Челябинском тракторном заводе.

Наверное, уже не один читатель подумал, читая эти строки, до чего же все просто на бумаге: бывшие беспризорники, некоторые без пяти минут рецидивисты, во всяком случае

наверняка входившие в категорию, ныне именуемую «трудными подростками», как в сказке, переродились в знаменитостей.

Конечно, трудно и сложно складывались судьбы людей. И, наверное, о каждом из них можно написать остросюжетную книгу.

Несколько лет назад у Натальи Николаевны Карташовой собрались ее воспитанники. Я была на этой встрече. И вот за праздничным столом, в самый разгар воспоминаний, Карташова спросила:

— Ребята, может быть, теперь вы мне признаетесь, кто же тогда, в 1944-м, в Большом театре «почистил» бутафорский цех?

И одна из гостей Натальи Николаевны, артистка, смущенно призналась:

— У меня до сих сохранилась пудреница Лепешинской.

Мальчишки и девчонки военной поры… Сегодня им чуть-чуть за пятьдесят. А но трудовым книжкам давно уже заработана пенсия — столько прожито, пройдено, сделано! Ранний опыт, жизненный, производственный, социальный, сформировал их характеры, судьбы.

Однажды разговорились на эту тему с председателем Челябинского областного совета профсоюзов. И рассказал Владимир Васильевич Колосок о своей дороге в уральский рабочий класс. Началась она с войной, с первыми километрами той тысячи, что прошел 16-летний мальчишка пешком, спасая от фашистов колхозное стадо: коров, овец и свиней. По пятам гремела канонада, а ночные зарева заставляли сокращать стоянки. Из Нежина вышел маленьким парнишкой — и по росту и по годам. А за три месяца пути стал взрослым и словно подрос.

Первую военную зиму в воронежском колхозе «Дружба» выхаживал он скот. Вторую — снежную, метельную, лютую — расчищал подъездные пути на Магнитогорском комбинате, с такими же, как он, ребятишками — в фуфайках прямо на теле и деревянных колодках на ногах. Учился на автослесаря у мастера Николая Григорьевича Христового. И учился успешно: лишь троим из 26 присвоили по окончании высокий 4-й разряд, среди них — и ему. Впоследствии парни из воронежской деревни Чулок, с которыми приехал Владимир Колосок в октябре 1942 года на Магнитку, — Коля Неретин, Алексей Иваников, Алексей Молибога, Николай Кулешов — человек семь-восемь, составили костяк автотранспортного цеха комбината.

В июне 1944 года коммунисты металлургического комбината приняли Володю Колоска, секретаря комсомольской организации автобазы, в кандидаты партии. А через два года он впервые участвовал в выборе городского партийного комитета, не подозревая, что в будущем именно здесь пройдет он 16-летнюю

жизненную школу — от заведующего отделом до первого секретаря, станет членом бюро Челябинского обкома партии, делегатом Магнитки на партийных съездах.

Высокая ответственность без громких слов, служение Родине без малейшей корысти, скромность без завуалированной позы и — труд, труд, труд всю жизнь, — из таких черт лепила бы я социальный портрет тех, кто родом из детства 42—45 годов.

Несколько лет назад мне посчастливилось присутствовать на необычном пионерском костре. Тогда на станцию Потанино под Челябинском съехались из 40 городов и сел страны бывшие детдомовцы, эвакуированные сюда в самый разгар войны из Клязьмы. В школьном саду на торжественной линейке выстроились взрослые люди с пионерскими галстуками — алыми символами детства — на груди. Поочередно, делая шаг перед строем, каждый докладывал о себе:

— Сергей Рыжков — заместитель секретаря парткома фабрики, Фрунзе.

— Маша Орлова — ткачиха, Москва.

— Радий Юльский — рабочий Челябинского тракторного.

— Физа Быкова — главный агроном колхоза, Кировская область.

— Саша Петухов — кандидат наук, Донецк.

А потом Нина Степанова, главный инженер электростанции в Молдавии, а в тот день, как и много лет назад, председатель совета командиров, в рапорте «старшему пионервожатому» Василию Ивановичу Крутолапову подвела итог:

— Большинство из нас — коммунисты. Мы люди разных профессий: учителя, рабочие, инженеры, агрономы, партийные работники, деятели искусств. Нет лишь в наших рядах лодырей, тунеядцев, пьяниц, людей недостойных. На этой маленькой уральской станции нашли мы, дети расстрелянных, повешенных, сожженных, павших на войне, не просто приют, а надежный дом. Здесь в самые страшные дни научили нас труду, доброте, честности, справедливости, коллективизму.

Мальчишки и девчонки военной поры… На пропилеях Мамаева кургана в Волгограде, где стойкость, мужество и героизм нашего народа увековечены в бетонной летописи «Руин», есть рассказ и о тыле: и вновь рядом с женщинами и стариками — у станков Танкограда — фигурки подростков.

А на Большом Рельефе у входа в зал Славы союз фронта и тыла — как непобедимая сила государства — воплощен в двух силуэтах: рабочего с кувалдой и солдата с автоматом. И слова:

«Самоотверженный труд советских людей в тылу

войдет в историю как беспримерный подвиг народа в защите Родины».

Во всей красоте подвига в бронзовом величии шагнули солдат и рабочий на берег мирной Урал-реки из самого священного места Родины.

Магнитогорск — Челябинск,
1979 г.

«НИЧТО НА НЕБЕ НЕ НАЧИНАЕТСЯ БЕЗ ЗЕМЛИ»

Я В КОСМОС НЕ ЛЕТАЛ,
НО ЭТА СТАЛЬ —
МОЯ.
А ЭТО ЗНАЧИТ,
ПОМОГАЛ И Я
ЗАГАДОЧНОЙ
ДОСТИЧЬ ТЕБЕ
ЗВЕЗДЫ,
КОТОРУЮ ДЕРЖАЛ
В СВОИХ ЛАДОНЯХ ТЫ.
Я В КОСМОС НЕ ЛЕТАЛ…
В ГРОХОЧУЩЕЙ НОЧИ
С ЛЮБОВЬЮ Я КОВАЛ
ПУТЕЙ ТВОИХ ЛУЧИ.
СИЛЬНА МОЯ ЛАДОНЬ,
СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ МЕТАЛЛ,
ЧЕМ СТУЖА И ОГОНЬ…
Я В КОСМОС
НЕ ЛЕТАЛ!

Л. Татьяничева

Обе газеты принесли 29 января 1974 года, в один день.

На первой странице «Правды» говорилось об обращении сталеваров магнитогорской мартеновской печи № 35 (а вернее — недавно родившегося нового двухванного агрегата) к бригадам всех аналогичных печей страны с призывом помериться силами в соревновании за максимальную производительность. В «Комсомольской правде» студент Московского авиационного института, член бюро ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола Борис Бахтин писал о том главном жизненном уроке, который преподал ему рабочий коллектив Магнитки.

Между этими двумя статьями существовала глубокая связь, и Борис Бахтин наверняка был самым взволнованным читателем информации в «Правде»: ведь речь шла о коллективе его 35-й печи, его близких друзьях, товарищах, с которыми связывали восемь лет не такой уж большой комсомольской биографии.

«…Горжусь, что мне довелось прожить эти восемь лет в полную силу… Не стаж перед вузом я зарабатывал, не службу отбывал! Я в эти годы жил! Я был в горячем деле, я чувствовал себя нужным для страны человеком. Близко к сердцу принимал радости и беды друзей».

И еще:

«Да, Магнитка преподала мне главный урок жизни: ничто в ней не дается человеку просто так, труд — и мерило ценностей человека, и средство его самоутверждения.

Но я запомнил и другой урок: ничто в жизни не дается человеку без знаний, много знать — это не только мое личное желание, но и мой долг перед людьми, перед государством.

Вот почему я считаю: в МАИ я пришел по комсомольской путевке Магнитки…»

* * *

Листаю блокноты с записями. И вновь представляю Бориса таким, каким увиделся он мне на Магнитке в октябре 1970 года, за три с половиной года до внезапной смерти.

В тот год мне часто приходилось бывать в Магнитогорске, в первом мартеновском цехе, где работал Бахтин. Но каждый раз другие дела отодвигали встречу с ним. А в день интернациональной плавки в честь 200-миллионной тонны магнитогорской стали, 15 августа, он оказался в отпуске. Правда, тогда же Константин Григорьевич Носов, начальник цеха, рассказывал мне, что они с Борисом подумывают о реконструкции большегрузной 900-тонной печи в двухванную, волнуются, как отнесутся к этому в бригадах…

О Борисе много писали в те месяцы центральные и местные газеты, публиковали его фотографии, сделанные на XVI съезде ВЛКСМ, с присуждением премии Ленинского комсомола поздравляли со всех концов страны. Он был в зените трудовой славы. И вдруг расстался с профессией. Не все его друзья приветствовали это решение. Не все понимали.

Вокруг его имени было много толков. И мне предстояло разобраться, что произошло с Борисом Бахтиным, почему погнался он за синей птицей. Разобраться, так и не познакомившись с ним, не повстречавшись…

«ИМЕННО РАБОЧИЙ КОЛЛЕКТИВ СДЕЛАЛ ИЗ МЕНЯ ЧЕЛОВЕКА»

> «У нас на Магнитке говорили: если не «подымишься», настоящей стали не сваришь. Другими словами, если будешь работать по-настоящему, то будет горячо, очень горячо. Но только так, по-моему, и должен всегда жить человек, по каким бы дорогам ни довелось ему идти».

«Комсомольская правда» на строительстве 6-й домны Магнитки. Октябрь — ноябрь 1943 года. Знакомая фамилия, правда, в несколько ином написании — «Бахтинов», — почти в каждом номере газеты. Портрет ровесника Бориса, очень похожего на него. Через всю полосу — лозунги:

> «Товарищи огнеупорщики, равняйтесь на Бахтинова!»
>
> «С новой победой, Бахтинов».
>
> «Комсомольский привет А. Бахтинову, преподнесшему матери Родине ко дню 25-летия ВЛКСМ достойный подарок!»
>
> «Небывалый рекорд! Александр Бахтинов выполнил задание на 522 процента.
>
> Кто его обгонит?»

И наконец:

> «Принимай, Родина, комсомольскую домну».

И фото Александра Бахтинова с орденом «Знак Почета» на груди на фоне этой самой домны. И стихи Михаила Львова, тогда еще молодого поэта, на странице «Комсомолки».

> Где в взрывах и вспышках кольцо горизонта,
> Два брата Бахтиновых бьются на фронте.
> На Западном фронте сквозь снег и туман
> В саперной команде шагает Иван.
>
> Он ранен был сильно, но снова в бою,
> Как сын защищает отчизну свою.
> И гонят гвардейцы врагов по лесам.
> Трудом помогает им здесь Александр.
>
> Не так ли вот нынче любая семья

В строю защищает родные края!
Чтоб новый металл устремился лавиной,
Кладет кирпичи Александр Бахтинов.

И щупом он пробует швы — и ведет
Стремительно кладку, и домна растет,
И домна зажжется, и свежий чугун
Ударит смертельным огнем по врагу.

Слава и тем, кто в атаку идет!
Слава и тем, кирпичи кто кладет, —
Кто помогает работой им здесь!
Слава Бахтинову! Слава и честь!

Газету с этим стихотворением Александр Афанасьевич послал на фронт брату. Сапер Иван Бахтин пронес ее в кармане гимнастерки рядом с постоянными 10 копейками, которыми раскручивал он шурупы немецких мин. Он строил переправы через Ловать, Буг, Вислу, Нарев. Разведчиком дошел до Данцига. И, взволнованно прошагав 24 июня 1945 года по Красной площади на Параде Победы, с орденом Красной Звезды и боевыми медалями на груди, вернулся в Магнитку. Рабочим на Магнитострой. Как талисман, сохранил газету со стихотворением.

Бахтиновы — рабочие, строители, земляне. С тридцатых годов, когда пятеро мальчишек-сыновей вслед за отцом вынули первые лопаты грунта на строительстве города, когда сложили первую трубу в бараке, первую стену цеха, обживают они землю, копают, стелют кровлю, кладут трубы, тянут проводку, штукатурят стены. Степан, Александр, Иван, Пелагея — всю жизнь на Магнитострое. Аполлон — огнеупорщик на комбинате.

Всю жизнь приходят они на строительство, когда такового в обычном понимании еще нет. Когда готовят только фронт работ. Качают воду из котлована, тянут проводку, возводят теплушки. «Качают, тянут, возводят» — это они, Бахтины. По 37, по 40 лет — всю свою жизнь. На праздниках, на пусках объектов в торжественных речах говорят о бетонщиках, монтажниках, а о тех, кто в «Земстрое», «Дорстрое», не говорят. Они к этому привыкли. Ни на кого не в обиде.

Сколько же построили Бахтины за свою жизнь? Сколько домов, кварталов, улиц оштукатурила Пелагея Афанасьевна за 40 трудовых лет?

В блокноте подробная запись лишь двух интервью — со Степаном Афанасьевичем и Александром Афанасьевичем. Они

назвали свои жизненные улицы. И у меня не поднялась рука сократить этот перечень.

Степан Афанасьевич начинал землекопом на Пушкинской, тянул трамвайную линию там же, каменщиком возводил кварталы улиц Маяковского и Чайковского, кровельщиком работал на строительстве драмтеатра, оборудовал связь и сигнализацию во всех цехах металлургического комбината, вел электромонтаж на станах «250», «301», на аглофабрике, тянул проводку на планировочной отметке стана «2500» и цеха покрытий.

Александр Афанасьевич строил домны № 2, 3, 4, 5 и 6, работал трубоукладчиком на Коксохиме, строил все прокатные цехи, бригадиром огнеупорщиков возвел 34 мартеновские печи (34!).

Это труд лишь двоих из 30 — сыновей, дочерей, жен. Если бы все, что сделали эти люди, что построили, собрать в один поселок — целый район большого города мог бы носить их имя.

Что стоит за этим трудом? Любовь к профессии? Может, и не все Бахтины любили и любят ее. Но все они по-настоящему самозабвенно и честно относятся к своему труду.

Вот в такой семье воспитывался Борис Бахтин, сын Степана Афанасьевича, племянник Пелагеи, Александра, Аполлона и Ивана Афанасьевичей.

Он тоже мог стать строителем, электриком. Но при поступлении в техникум попал на факультет сталеплавления. Техникум кончил. Пять лет работал подручным, три последних — сталеваром. В 20 с немногим лет!

> «Ни в рабочем коллективе, ни в жизни я не чувствовал себя транзитным пассажиром в зале ожидания… Чем бы ты ни занимался в данное время, ты не должен чувствовать себя случайным; временным, посторонним человеком в своем деле.
>
> Только так можно стать не случайным, не временным человеком, когда наступит твой «звездный час», когда придет время заниматься главным делом твоей жизни».

«У МЕНЯ БЫЛИ СТРОГИЕ, СПРАВЕДЛИВЫЕ, НАСТОЯЩИЕ УЧИТЕЛЯ»

> «Пожалуй, одно из самых ярких моих впечатлений от Магнитки — все вокруг меня учились и учили других».

Мы много говорим и пишем сегодня о влиянии трудового коллектива на молодого рабочего. И это вполне справедливо. Борис мог бы и не стать таким Борисом, приди он на другой завод, в другой цех. Ему повезло. Он работал на Магнитогорском металлургическом комбинате, который с первых месяцев существования стал «школой создания новых методов и форм социалистического труда, техники, подготовки кадров для дальнейшей индустриализации страны». Эти слова я взяла из постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года. Они актуально звучат и сегодня.

Борис работал в прекрасном цехе, который известен на весь Союз не только тем, что один стали за год дает столько, сколько все металлургические заводы царской России. Его союзная известность складывалась и из другого. Сейчас, глядя сквозь годы назад — в прошлые пятилетки, можно сказать, что это был и есть коллектив новаторов, борцов на фронтах научно-технического прогресса.

Коллеги Бориса, его друзья и наставники, товарищи по комсомолу и партии впервые в истории отечественной металлургии взялись за уникальную реконструкцию мартеновской печи, которая дала рост производительности в два раза, дала в первый же год более миллиона тонн стали. Это не было просто. Даже видные специалисты со страниц всесоюзного журнала предсказали им крах, даже у себя на комбинате было много сомневающихся в превосходстве двухванных агрегатов. Они не советовали дергать «черта за бороду». Но «черта» победили, хотя он еще нет-нет да и напоминал о себе. И были случаи, когда Герой через месяц после высокого звания получил выговор, а те, кто послабее, уходили с двухванного и уезжали совсем.

Сегодня, отвлекаясь от недостатков, потерь и неприятностей, которые были в цехе, как при всяком новом деле, я вижу первый мартеновский как цех коммунистической настроенности в труде, социалистической сознательности.

Всесоюзную поддержку приобрела тогда инициатива сталеваров-коммунистов 29-й печи: «Каждому агрегату — план повышения эффективности производства».

Один из инициаторов этого почина — Василий Фомич Евстифеев рассказывал, что в ходу у них в коллективе было армейское правило — «делай, как я». Помочь товарищу, научить, вывести до уровня передового — негласный кодекс всех соревнующихся бригад. И не случайно в социалистических обязательствах коллектива 29-й печи было записано: подготовить сталеваров для нового следующего двухванного агрегата. И когда

его пустили, лучшие сталевары ушли работать на него, вновь начиная с нуля. Затем была третья, четвертая печи. И вот сообщение еще об одной — пятой по счету — печи Бориса.

В те месяцы и годы, когда Борис был бригадиром комсомольско-молодежной бригады на «крупнейшей в Европе мартеновской печи», в цехе варилась самая дешевая в стране сталь, сталевары ломали голову над тем, как довести период между ремонтом печей с 600 до 1000 плавок; завершилась работа над фурмами для продувки кислородом своей конструкции, это сократило время плавки на 10 минут и дало годовой эффект в 201 тысячу рублей.

Сейчас на комбинате каждый день внедряется 20 рационализаторских предложений, каждый восьмой — рационализатор, а среди коммунистов — каждый четвертый. К этим цифрам приближались уже тогда. Все вокруг Бориса учились. Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Сорокин (тогда еще он не был Героем) приводил такие цифры по цеху: 33 человека учатся в институте, 32 — в техникуме, 209 — в школе. Общеобразовательный уровень за восьмую пятилетку возрос по комбинату на два-три класса. В 1975 году, по тем наметкам, в цехе он должен составить 9,4 класса.

Это требование научно-технического прогресса, который определяется знаниями, но и в свою очередь требует, чтобы процесс овладения ими был непрерывным.

Через три года, имея в виду все сказанное, Борис напишет: «Именно рабочий коллектив сделал из меня человека». Листая подшивки газет за 1970 год — май, апрель, июнь, июль, — слежу за информацией о бригаде Бориса Бахтина:

> «За пять месяцев более трех тысяч тони стали сверх плана выплавил коллектив комсомольско-молодежной печи, на которой работает сталевар Б. Бахтин».
>
> «В общий успех весомый вклад вносит бригада опытного сталевара Б. С. Бахтина».
>
> «Б. Бахтин — лауреат премии Ленинского комсомола».
>
> «Сталевар Бахтин — член ЦК ВЛКСМ».

А вот «техмаксимум» Бахтина, обращение его к молодежи:

> «На Магнитке 30-х годов звучал комсомольский клич: «Молодежь — на Перекопы техники!» То было время освоения мощностей строящегося гиганта. Сегодня комбинат на пороге коренной реконструкции, и с минимумом технических знаний провести ее

невозможно. Поэтому я призываю всех молодых металлургов, и в первую очередь сталеваров моей печи и цеха, начать движение «От технического минимума к техническому максимуму».

А через некоторое время Борис запишет:

«Я не знаю более богатого содержания, чем увлеченность трудом на благо общества, совершенствование, самовоспитание своей личности не ради усиленного «самосозерцания» и самолюбования, а ради того, чтобы полнее, ярче, глубже было твое взаимодействие с миром и с человеческим коллективом, преобразующим мир, чтобы больше пользы смог ты принести людям».

У поэта Михаила Пилипенко, автора «Уральской рябинушки», есть стихи, которые в моей памяти начинают звучать всякий раз, когда в первом мартеновском цехе иду по пролету, вижу усталые, потные, но озаренные большим подъемом души лица Василия Кирнева, Валерия Лысенко, Анатолия Романова, Антона Ракицкого. Представляю среди них Бориса: из-под каски — светлые кудри и веселые глаза, как на фото:

Говорят, половину на плавку идущего жара
Печь берет у сверкающих глаз сталевара,
Что тогда лишь получится сталь хороша,
Если сильная вложена в плавку душа.
Но еще, не шутя, сталевар мне однажды сказал,
Что хорошую песню кладет он в хороший металл.

Душу Борис, несомненно, вкладывал в свой труд. Отсюда и желание больше знать, не отстать от времени, а обогнать его, стремление совершенствовать производство. Так обстояло дело с душой. Ну, а песня? Какой она была у Бориса, о чем?

ВЫСОТА

«Мне иногда задают вопрос: почему я, сталевар, пошел в вуз не по профилю?.. Собственно, со своей мечтой я не расставался никогда. На книжной полке у меня можно было увидеть литературу об авиации и космонавтике (как, впрочем, сейчас можно увидеть тома

по металлургии)».

За записями в блокнотах вижу фотографии. В доме по улице Правды их много, разных. Близнецы Игорь и Олег рассматривали тогда их вместе со мной. «Папа строит нам ракету», — поясняли. А на фотографиях кудрявый мальчуган с моделью самолета, он же с другими такими же авиамоделистами на поле. А вот уже юноша в комбинезоне, у самолета, на крыле его, и последняя — летчик, облокотившийся на фонарь своей машины.

Пилот и сталевар родились почти одновременно. Школу пилотов магнитогорского аэроклуба ДОСААФ имени космонавта Поповича Борис закончил в 1963 году, а индустриальный техникум на год раньше — в 62-м. Через год, когда его поставили уже вторым подручным сталевара, он подал заявление в Армавирское военное летное училище. Не прошел медкомиссию.

Шло время. Борис варил сталь и летал (202 часа в воздухе, из них 70 — самостоятельного полета). Его перевели в сталевары. За этим был труд и талант. А он сдавал экзамены в Московский авиационный институт. И завалил математику.

На комбинате готовились к выплавке 200-миллионной тонны стали. О чести трудиться в этот день мечтали многие. Борис был среди тех, кто трудом своим завоевал это право. А он взял отпуск и опять засел за учебники. На этот раз Борис Бахтин был зачислен на факультет летательных аппаратов.

Цель была достигнута. Но пришли сомнения. Имеет ли право? Поймут ли в бригаде? Не слишком ли тяжелую ношу взваливает он на плечи жены? В цехе сказали: «Учись!» В семье тоже: «Выдержим, поможем!»

Собственно, Валя и не могла ответить иначе. Она во всем под стать Борису. Передовая работница, которую в день открытия XVI съезда комсомола коммунисты обувной фабрики приняли в свою семью, студентка-заочница, мать. Она не меньше Бориса была занята общественной работой, — групкомсорг, начальник штаба «Комсомольского прожектора», спортсменка-перворазрядница.

И недаром на встрече с делегатами XVI съезда ВЛКСМ комсорг фабрики, где работала Валя, Люба Верховцева, обращаясь к Борису, сказала, что Валя достойна его и что, может быть, без Вали Борис и не стал бы таким, каким узнала его вся страна.

> «Время каждого из нас — это общественное достояние… Даже если говорить о так называемом «свободном времени», обществу совсем не безразлично, как ты распорядишься им».

И еще:

«…Надо полным ковшом черпать от культуры, музеев, театров…»

В этих словах я тоже узнала Бориса, того, магнитогорского.

От полетов и работы оставалось совсем немного времени. И оно было заполнено музыкой. В доме Бахтиных она звучала много лет. Играл Борис, играли четыре его сестры. Родители их — люди рабочие, научили ребят чувствовать жизнь тонко и возвышенно, смогли внушить детям, что есть на земле великое счастье — искусство. Девочки стали пропагандистами музыки: в Катав-Ивановской музыкальной школе работала Люда, в Брединской — Люба, а Галина совмещала дирижерскую работу с учебой в институте имени Гнесиных.

Кто знает, может, домашний микромир помог Борису подняться до своей мечты.

«Страсть, одержимость, любовь к тому делу, которое ты избрал главным в своей жизни, — это колоссальный рычаг. Если его использовать по-настоящему, большая польза будет стране, всем нам, каждому».

* * *

В тот раз домой из Магнитогорска я возвращалась самолетом. Специально купила билет на рейс, который вел Василий Шабаев. Его лицо я видела на детских карточках Бориса — черноглазый, скуластый мальчик. Они жили на одной улице. Учились в одном аэроклубе. Поступали в одно летное училище. Вместе мечтали. Но порознь подошли к мечте. Я сидела в самолете и думала, что на месте Василия мог бы быть Борис. Пилот Борис Бахтин. И вспомнила газетные вырезки о полетах космонавтов в семейном альбоме Бахтиных и слова близнецов: «Папа строит для нас ракету».

У меня к Борису много вопросов накопилось за эти годы, ответить на которые теперь уже не смогут ни фотографии, ни блокноты, ни он сам…

Магнитогорск,
1974 г.

МОРСКАЯ ВАХТА УРАЛА

ЛОДКА ДИКИМ ДАВЛЕНИЕМ СЖАТА.
ДАН ПРИКАЗ — ДИФФЕРЕНТ НА КОРМУ!
ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО СКОРО РЕБЯТА
В ПЕРИСКОПЫ УВИДЯТ ВОЛНУ.

НА ПИРСЕ ТИХО В ЧАС НОЧНОЙ.
ТЕБЕ ИЗВЕСТНО ЛИШЬ ОДНОЙ,
КОГДА УСТАЛАЯ ПОДЛОДКА
ИЗ ГЛУБИНЫ ИДЕТ ДОМОЙ.

…ХОРОШО ИЗ ДАЛЕКОГО МОРЯ
ВОЗВРАЩАТЬСЯ К РОДНЫМ БЕРЕГАМ,
ДАЖЕ К НАШИМ НЕЛАСКОВЫМ ЗОРЯМ,
К НАШИМ ВЕЧНЫМ ПОЛЯРНЫМ СНЕГАМ.

С. Гребенников,

Н. Добронравов

Был ранний весенний рассвет, когда в сознание прокралась песня. Молодой трепетно-взволнованный голос рассказывал о светлой от берез России-Аленушке. Наш обычно шумливый двор, на удивление, безмолвствовал: парень прощался с девушкой. И все триста с лишком квартир деликатно свидетельствовали их расставание.

А утром в сотне шагов от дома, на площади Революции в коленопреклоненной присяге застыли мальчишки. Они уходили в армию. И видно, был среди них и тот певец, а где-то рядом со мной на уличной обочине уливалась слезами девчонка, которая несколькими часами ранее обещала ждать писем с флота.

Прошло время, а в памяти так и осталось то утро, чистые слова прощания и песня, входящая в сознание легкой, щемящей душу грустью.

И снова утро постучалось в мою память, чтобы остаться там надолго. Щедро голубое, не по-северному солнечное. И не верилось, что по соседству на сопках вечные снега, что морская лазурь смертельно холодна и что день этот — как прекрасное исключение в общей череде мрачно-дождевых, снежно-ветреных, полярных.

Только что закончился на Североморском рейде парад

кораблей. И озаренные, словно гриновскими парусами, радужными флагами расцвечивания, они покидали бухту.

На следующий день в газете «На страже Заполярья» мы прочтем:

> «Среди выстроившихся на рейде кораблей — известная далеко за пределами флота подводная лодка «Челябинский комсомолец». Экипаж ее в основном состоит из воинов, пришедших служить на флот по путевкам Челябинского обкома ВЛКСМ. Как и на всех кораблях, здесь ведущей силой в борьбе за решение задач, поставленных съездом КПСС, министром обороны и главнокомандующим Военно-Морским Флотом являются коммунисты и комсомольцы».

…Наша подлодка скользит по заливу, секундная проба дизельных голосов уже слилась в вибрирующую басовую симфонию. Пройдут минуты, и далеко в сопки шагнет бронзовый матрос с Приморской площади, и растают, растворятся среди других береговых силуэтов его вечные стражи — устремленная в небо ракета и наведенное в даль океана боевое орудие корабля.

В нашей делегации, которая приехала на Северный флот по приглашению командования и экипажа подводной лодки «Челябинский комсомолец», люди сугубо сухопутные, ярко выраженного уральского профиля: металлург, строитель, монтажник. И лишь одного члена делегации человеком сухопутным назвать можно лишь условно, хотя и водит он тепловозы. Виталий Андреевич Гааз, рабочий Челябинского металлургического завода, десять лет назад на «Челябинском комсомольце» ушел в первое плаванье.

И сегодня для него, бывшего командира отделения электриков, пение дизелей приятней любой музыки. Взволнованный, вспоминает минуты прощания с флотом: как шли они вшестером по пирсу — последние из уволенных в те дни в запас — коммунисты, специалисты 1-го класса и, видно, настоящие парни, потому что вслед им пели сирены всех кораблей, построенных ради такого случая по приказу контр-адмирала. Счастье пережить подобное дано не каждому.

У В. Л. Сухомлниского как-то выписала я мудрую фразу: «У кого нет в душе прошлого, не может быть и будущего». Эти слова вспоминались, когда бродила я по вздыбленным на сопках улочкам североморских городков. В этих насквозь промерзших, продутых ветрами краях прошлое накрепко осело не только в щедрых душах людей, не только смотрит с пьедесталов — цепкими словами в назидание потомкам призывает оно с фасада

казармы: «Помни о войне!», навечно пришвартовалось к пирсу легендарной подлодкой К-21, торпедировавшей флагман фашистского флота линкор «Тирпиц». А уж если есть в каком-нибудь поселке 15 улиц, то 11 из них обязательно будут названы именами героев-североморцев — К. И. Душенова, В. Н. Котельникова, Ф. А. Видяева, П. А. Лунина, М. И. Гаджиева и других.

Во флотском музее символично соседствуют телеграмма в Челябинск от экипажа подлодки-«малютки» о первом потопленном транспорте противника и первая конверторная сталь Челябинского металлургического завода. Между этими фактами связь более значительная, чем географическая принадлежность к городу, области.

20 апреля 1943 года, через два месяца после того, как по призыву магнитогорцев комсомольцы и молодежь нашей области передали на постройку подводных лодок «Челябинский комсомолец» и «Ленинский комсомол» 55 миллионов рублей, первая из них открыла боевой счет части.

> «На потопленном вражеском судне можно было перевезти за один рейс 150 средних танков или 2 тысячи солдат с оружием и боеприпасами. Эта наша первая победа зовет к новым подвигам. Ни одной торпеды мимо!..» —

писали комсомольцы экипажа в Челябинский обком ВЛКСМ.

А за несколько часов до этого боя на море открыл свой счет Челябинский металлургический завод: получена первая сталь, и с этого дня мотор каждого четвертого самолета, взлетающего с прифронтового аэродрома, каждого четвертого танка будут сделаны из стали рожденного на Урале завода. Не конверторной — от нее еще отделяют 26 напряженных лет, но высоколегированной, так нужной фронту в те дни и годы.

Они еще долго будут идти бок о бок военными дорогами — тыловой город, прозванный Танкоград, и боевая подводная лодка имени его комсомола. И героические дела одних будут переплетаться с не менее горячими буднями других: новые типы сталей разрабатывали здесь для военной промышленности, новые виды артиллерийского вооружения для фронта, новые конструкции тяжелых танков и самоходных установок.

…Легендарные скалистые горы. Открывающаяся панорама красы и мощи вызывала самые высокие чувства. Думалось о том, как прекрасна и велика наша страна, какими нерасторжимыми узами связаны разные ее пределы, сожалелось, что жизни не хватит для познания ее на всех широтах и меридианах. Да, от

этих сумрачных, скалистых берегов Мурманска, а позднее и Североморска уходили в легендарные плавания корабли, чтобы с годами ожить в строчках учебников истории. Эти суровые берега провожали моряков «Тумана» и «Сибирякова», повторивших в годы Великой Отечественной войны подвиг «Варяга». Отсюда начинаются сегодняшние вахты безопасности советских военных кораблей на всех широтах Мирового океана. И здесь, наконец, — морской цех Урала.

Бушует ли море, берут ли старт ветры, метелями ли гасят звезды долгие полярные ночи, уходят земляки в море, чтобы далеко от дома охранять наш мир и покой. А в уральском краю, на челябинской площади Революции, каждую весну в коленопреклоненной присяге повторяют парни торжественную клятву, где есть и такие слова: «…быть достойными имен тех, кто отдал свою жизнь за Советскую Родину, свято хранить немеркнущую славу добровольцев-танкистов, подводников «Челябинского комсомольца».

Далеко Урал от Заполярья, но нет связен теснее и ближе, чем десятилетиями окрепшие на этом меридиане мужества.

* * *

Вновь с Виталием Андреевичем Гаазом встретилась я через неделю после возвращения с Севера. Пришел он неожиданно и так же неожиданно извлек из портфеля заклеенные в целлофан тетради. Я знала, что они существуют: Гааз рассказывал, что все годы службы вел дневники. Но, заговаривая о них, каждый раз неласково пресекал мой возможный вопрос:

— Заклеил. Спрятал. Сам столько лет не читал.

Теперь принес. Вскрывает целлофан, волнуется, читает — сперва про себя, потом отдельные страницы — вслух. Показывает наброски схем учебных боев. Дивится стихам, что писал между вахтами. Внимательно разглядывает диковинных человечков на полях тетрадей.

— Национальные костюмы рисовать стал, чтоб не забыть. Ведь в разные страны заходил с дружественными визитами.

Дневникам этим не так уж много лет. Так же, как и их хозяину. Хотя и на первый взгляд, и при дальнейшем общении он кажется значительно старше своих 29. Солиден. Рассудителен. Серьезен. Даже лишку. Но чувствуется, что это не напускное, а самая суть.

Решаем так: записи читаем с комментариями — пытаемся установить, что роднит начало и конец флотского десятилетия

одного и того же корабля. Корабль этот — наша подлодка «Челябинский комсомолец».

Из дневника:

> *«23.10.68 г. …сутки похода.*
>
> Принято решение посвятить поход 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Это ко многому обязывает, и по-другому нельзя — закон лодки: все задания партии и правительства выполнять на пять баллов. Тем более мы — уральцы».

Стоп! Очень знакомые мысли. Что-то подобное читала совсем недавно. Ну конечно же: в комнате боевой славы части среди аксиометров, секстанов, маховиков с легендарных кораблей, рядом с географической картой — уголок Урала. Это шкатулка с самоцветной уральской землей, Памятное знамя, вымпел Челябинского обкома ВЛКСМ и наказ юношам, уходящим служить в ряды Вооруженных Сил. Там на боевом форпосте страны, слова его вызывали особую гордость и волнение, не запомнить их было нельзя.

> «…Много раз посылал Урал своих сыновей на охрану мирной жизни наших людей. И никогда не позорили сыны седого Урала вековую русскую славу. Грудью стояли они против банд Колчака и белочехов в годы гражданской войны, отстаивали молодую Советскую власть на Урале.
>
> В суровые годы Великой Отечественной войны юноши и девушки Урала плечом к плечу со всем советским народом сражались против фашистских полчищ.
>
> В годы мирного созидательного труда уральцы зорко охраняют священные границы нашей Советской Родины.
>
> …Всюду, куда ни пошлет вас наша Родина, помните, что вы — уральцы, сыны нашего великого советского народа».

И они помнят.

Это произошло совсем недавно, накануне нашего приезда на Север. «Челябинский комсомолец» готовился к выходу на занятия. Предстояло подтвердить право иметь на рубке знак отличного корабля — красный круг с военно-морским флагом. Многодневный шторм изощренно куролесил в заливе, и командир, проверив готовность всех служб, дал команду выбрать якорь.

Но якорь не выбирался. Подлодка несколько дней дрейфовала вокруг его цепи. Как выяснится потом, якорь намертво зацепился за грунт. Этого не знал никто. Приняли решение сняться ходом, то есть выйти на большую глубину, потравить слегка цепь и дернуть злополучный якорь. Но не тут-то было, слишком большую нагрузку не выдержал тормозной электромагнит — катушка размоталась до конца. И тогда, обвязавшись страховочными канатами, в ледяной шторм ушли боцман старшина 1-й статьи Геннадий Архипов и старшина 2-й статьи Владимир Соколов.

Два часа без замены, чтобы не терять время, проработали они в якорном лючке у самой водной поверхности. Собственно, о поверхности можно говорить в штиль. В шторм же такого понятия не существует. Каждый накат накрывал с головой, но они успешно выполнили приказание. «Челябинский комсомолец» вовремя вышел на позиции, и экипаж вновь подтвердил звание отличного корабля.

Накануне нашей встречи с Виталием Андреевичем Гаазом в областном архиве мне показали два интересных письма. От первого командира «Челябинского комсомольца» Н. С. Хрулева и старпома, секретаря партийной организации Ф. С. Петренко. Они — о времени далеком, когда другие парни — из первого поколения «Челябинского комсомольца» — топили, торпедировали вражеские субмарины, по десятку часов кряду слышали лишь взрывы бомб над головой, а из всех шорохов моря без ошибок узнавали зловещий скрежет минрепов о борта: сейчас — минреп, через секунду может быть мина, и тогда взрыв…

Вот эти письма: читаю их Гаазу:

У Хрулева:

> «Все пришедшие на лодку со школьной скамьи прекрасно справлялись со своими обязанностями, были моей твердой опорой и хорошими воспитателями подчиненных… Все успехи достигнуты благодаря спаянности всего коллектива, его умению и знанию, преданности нашей Родине, бесстрашию в тяжелые минуты».

У Петренко:

> «На всю жизнь останется в памяти ночь, когда, благодаря отличному знанию своей специальности, сохранению хладнокровия в тяжелых условиях, благодаря всему тому, что в итоге создает героизм

человека, комсомольцами Господченковым и Гутаровым фактически была спасена лодка».

— Позвоним Хомутову?

— Конечно!

К Хомутову отношение у нас трепетно-уважительное, прямо-таки нежное. Ведь он из тех мужественных, о ком пишут Хрулев и Петренко. Николай Хомутов — секретарь комсомольской организации подлодки «Челябинский комсомолец» в годы войны. С первого боевого похода и до последнего — командир отделения гидроакустиков, «глаза и уши подлодки». Северянин, мурманчанин по рождению, он после войны, демобилизовавшись, приехал в Челябинск и вот живет здесь уже тридцать лет. Сейчас Хомутов — начальник одного из управлений областного УВД.

— Я хорошо представляю их даже спустя три десятилетия, — голос в трубке радостно-серьезен. — Разведчики были очень рослые и в нашей «малютке» едва помещались. Не знаю, кто именно из них крикнул нам тогда: «Уходите! Засада!» Ветер был с моря, и предупреждение их унесло к берегу. Мы не сразу поняли. Уж потом, когда ракеты увидели… Мужественные парни! Вряд ли им удалось уйти.

Было это в суровые дни общенародного горя и испытаний. Виталия Андреевича Гааза тогда еще не было на свете, а я в самодельных тетрадях, сшитых из старых книг и газет, училась выводить свои первые непослушные буквы.

Подводная лодка «Челябинский комсомолец» шла на специальное задание. На борту «малютки», помимо команды, находились двое, о ком только и было известно, что это разведчики. Ради высадки их на оккупированную фашистами лапландскую землю и был предпринят этот сложный поход.

Всплыли в условленном месте, недалеко от берега. Резиновая надувная лодка унесла разведчиков в ночь. А затем их крик, чтобы уходили, спасались. И красные ракеты в небе, и вражеские сторожевики, на полной скорости летящие к подлодке.

— Немедленное погружение!

Но вместо глубины под днищем оказался грунт: дрейфуя у берега, подлодка сместилась в сторону. Пять метров под килем. Вместо минимум двадцати. Вот тут и потребовались оперативная находчивость, мужество и от трюмного матроса и от дизелиста. Растеряйся они на секунду — и вражеский таран означал бы конец.

Обшивка подлодки трещала от ударов сверху и снизу. Обдирая днище, субмарина по грунту сползала в глубину. 53 раза бомбы несли ей смерть. Одна из них вывела из строя освещение:

впотьмах, на ощупь моряки отремонтировали повреждение и еще 12 часов подряд лавировали, увертываясь от прямых попаданий.

Что стояло за этим фактом? Только ли находчивость, отличное знание техники, механизмов? Конечно, и эти качества тоже. Но прежде всего — советский характер: братство, коллективизм, высокие моральные качества.

— Да, черты эти наши, морские, и не только в дни войны, но и сегодня, в дни обыденного труда и мира.

Из дневника:

> *«…сутки похода.*
>
> Вася Чумаков — любимец экипажа, балагур, или просто отличный парень, его главная черта — трудолюбие. Он — «наш директор», как мы его зовем между собой, — относится к тем людям, которые берут самый тяжелый конец и несут дальше всех. Отец говорит: на таких Россия держится. И в этом он прав».

— Стоп! А если о Василии подробней?

— Можно и подробней. Даже больше: думаю, что о таких ребятах нужно рассказывать и в комнате боевой славы, и на стенде в музее.

…Вахта была не просто нелегкой, а изматывающей до последнего. Штормовые набеги крутили корабль по всем параметрам. Уже не говоря о новичках, трудно держались самые выносливые. О погружении в спокойные воды не могло быть и речи — подлодка, следовавшая в заданный для занятий район, не могла терять скорость.

И вдруг лодочное радио во всех постах и отсеках, прохрипев первые баянные аккорды, Васиным голосом запело: «Над вечерним Челябинском…»

Потом была «Россияночка», «Пропел гудок заводской» и еще много других песен — весь Васин, да и не только его репертуар. Пел Чумаков шесть часов подряд, а может, и больше — кто фиксировал время! В торпедном отсеке ребята обложили его пробковыми матрацами, чтобы меньше собрал он синяков, и сказали:

— Давай, директор, жми!

И «директор» — а Вася до призыва в армию действительно по окончании культпросветучилища некоторое время работал директором Дворца культуры — «жал».

Даже самые безнадежные, которые до Васиных песен с трудом разбирали показания приборов, думали: «Что же это я так раскис? Другие вон даже поют!»

Из дневника:

«…сутки похода. Баренцево море.

Идет трудная, очень трудная смена, сильный встречный ветер бросает с борта на борт, и вообще нос ходит по восьмерке. Заливает через вентиляцию отсеки, не успеваем убирать воду. Корпус и огражденье боевой рубки покрыты льдом.

Недавно читал «Мурманские дневники» Константина Симонова. Здорово написано:

Да, прямо скажем: этот край
Нельзя назвать дорогой в рай.
Здесь жестко спать, здесь трудно жить,
Здесь можно голову сложить.

И еще:

Не на кисельных берегах
Рождалось мужество. Как мы,
Оно в дырявых сапогах
Шло с Печеньги до Муксольмы».

Да, в нашем родном море «весело живется».

— А конкретнее если?

— Можно и конкретней. Тогда расскажем о Федоре Портнове. Он, как и Николай Александрович, комсорг лодки, только через 25 лет, в середине 60-х.

…Было это в шторм, в дальнем плавании. На подлодке в результате буйства стихии появилась течь и потребовалось срочно отремонтировать заборный клапан. На задание пошли старшина 1-й статьи Федор Портнов и его товарищи старшина 1-й статьи Геннадий Ярушин и старшина 2-й статьи Владислав Калачевский.

Привязанные капроновыми тросами, как спортсмены-эквилибристы, пробирались они к лазу надстройки.

Палуба подлодки даже отдаленно не напоминает палубы теплоходов, широкие, огражденные, защищенные.

Два-три шага в ширину по убегающей под воду спине гигантской рыбины, которая, переворачиваясь с бока на бок, яростно норовит сбросить ходока, — этот путь лишь для самых смелых. А затем — ремонт, когда волны, накрывая с головой, останавливают дыхание, а оледеневшие руки с трудом владеют инструментом.

Когда клапан был починен и парни благополучно достигли

укрытия рубки, Федор Портнов решил вернуться в надстройку. Он — командир отделения трюмных. Отвечает за всплытие и погружение. Проверить еще раз! Дорегулировать! А вдруг… И тогда разбушевавшаяся стихия устроила ему наитягчайший экзамен.

Сила волн была столь велика, что человек оказался за бортом. В неистовствующем, обезумевшем океане. Чтобы выжить, требовалось фантастическое напряжение всех сил — и физических, и моральных. Федор Портнов был готов к этому.

Делегат XV съезда ВЛКСМ, комсомольский секретарь из Сима, ныне заместитель начальника цеха Ашинского металлургического завода, Федор Алексеевич Портнов на всю жизнь сохранил морскую закалку, мужественную находчивость и жизнелюбие.

— Однако не увлеклись ли мы подвигами? Помните, как сказал нам командир: «У нас нет происшествий. И этот факт, что их нет, — результат слаженности, труда, знаний, ежедневного героизма — всего, что и дает право называться отличным кораблем».

— Так мы же не о подвигах говорим, — возражает Виталий Андреевич, — а о характерах наших ребят. Командир сказал ведь и другое: глубокое понимание долга, личной ответственности, добросовестное отношение к службе и отличное знание техники в мирные дни рассматриваются как готовность к подвигу, как верность боевым традициям военного времени.

Из дневника:

> *«…сутки похода.*
>
> Мне уже 22 года. Тянет ко всему новому, интересному. Романтика, что ли? Вообще не знаю, научусь ли когда-нибудь мыслить по-житейски. Наверное, нет. Вероятно, у меня слишком романтическая душа.
>
> 04.08.69. Учения.
>
> Хочется знать многое. Сильным человека делают знания. Только знания и упорство».

…Команды с мостика, последовательно подхватываемые на постах, стремительно скатываются в люк и разбегаются по всему кораблю.

«По местам стоять!» — так начинаются основные из них. И значит это, что каждый член экипажа подлодки на своем рабочем месте занялся обыденным трудом — как его сверстники в заводском ли цехе, на строительной ли площадке.

И пахнет, как в цехе рабочем.
Когда по тревоге отсеки задраят, —

прочтут нам потом такие стихи.

И цех-то наш, уральский. В центральном отсеке напоминанием об этом — два документа: телеграмма и боевой листок. Телеграмма ОТ Старосотникова. Он уволился в запас, а нити, связывающие с подлодкой, как видим, крепки. Боевой листок — «Продолжение традиций». С него глянул насупленно-серьезно старшина 2-й статьи Николай Чулков.

— Златоустовец, — пояснил замполит.

Рядом с фотографией Николая Чулкова — еще одна, из героических дней 1942 года: моторист Алексей Чернавцев. На лодке уже двое — старшины 1-й статьи Василий Савочкин и Николай Меньшенин — завоевали право считаться последователями специалиста Чернавцева. Теперь и Николай Чулков догоняет их.

В чем суть такого соревнования? Что совершил герой-моторист в трудный для Родины час и какие высокие деловые и душевные качества позволяют считать его последователями не нюхавших пороха ребят?

Листок рассказывает.

…Март 1942 года. Героические для североморцев дни и ночи из тех сорока месяцев боев, потерь и побед, когда решалась судьба советского Севера.

Подводная лодка, на которой служил моторист Алексей Чернавцев, прикрывала английский конвой, шедший в наши порты с техникой и вооружением. Уже много часов гонялись за лодкой вражеские корабли, когда взрыв глубинной бомбы повредил топливную цистерну. Горючее вытекло за борт. До вражеского берега пятнадцать миль, до своего — четыреста.

Вместе с товарищами по отсеку, комсомольцами, Алексей Чернавцев берется за «создание» топлива, не предусмотренного никаким ГОСТом: моторное масло, соляр, слитый из запасных торпед керосин. Для подачи этой смеси смастерили переносную помпу и сорок часов подряд качали горючее вручную. Лодка благополучно вернулась к родным причалам.

В маленькой заметке, написанной о Николае Чулкове его земляком, магнитогорцем Владимиром Халабаевым, речь идет не о выдающихся, героических поступках старшины в дни службы. Очень простые слова, слегка даже «казенные»: «Отличное знание техники… Трудолюбивый, отзывчивый товарищ… Добросовестное отношение к службе… Является хорошим примером…» А в

мирные дни это означает, что по тревоге сумеет моторист Н. Чулков в минимальный срок запустить дизель, обеспечить ход корабля, а значит, и его боевую маневренность. Вот почему отличная служба рассматривается как готовность к подвигу, приравнивается к боевым делам лучших военных специалистов.

Техникум Николай Чулков закончил перед самым призывом на флот. Направление получил на металлургический завод, а трудовую деятельность начал здесь, на подлодке. Механизм лодочный сложен, требует настоящих знаний. Вскоре Николай сдал экзамен на допуск к самостоятельному труду, еще полгода — и он становится отличником боевой и политической подготовки.

Порой ремонт моторов, дизелей приходится вести и в походе. Братство, дружба- — здесь с этим знакомишься на деле, когда не говорят, а просто подставят плечо, примут не в черед вахту, отпустят отдохнуть. В отсеке во время хода сравнительно жарко. А отцу, что всю жизнь в термокалибровочном цехе, легче?

Николай — комсорг самого большого отделения — электромеханической части. В организации — десятки комсомольцев. Обязывает? Очень. И ко многому. Например: скоро конец службы, уедет он домой, а научил ли новичков знать и любить корабль? Далеко не безразлично, кто встанет на твое место.

— Ведь совесть замучит, что бросил лодку, ушел, а кто-то не изучил ее, как ты.

…Камышев знал, что торпеда может взорваться в любой момент. Знал он и то, что при появлении первого же вражеского самолета или сторожевика лодка немедленно уйдет в глубину — из-за одного человека нельзя рисковать всем экипажем, лодкой. И все-таки он решился. Командир отговаривать не стал — это был последний шанс на спасение.

Потопив два транспорта противника, лодка возвращалась в базу, когда обнаружили, что сработавшая торпеда не вышла из торпедного аппарата. И теперь краснофлотец Сергей Камышев вызвался обследовать место повреждения, попытаться обезвредить боевой снаряд.

Лодка всплыла, и, надев легководолазный костюм, Камышев ушел под воду. Торпеда на две трети высунулась из аппарата. Сергей осторожно снял с нее ударники.

Прямо на пирсе командующий флотом от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил Камышеву орден Красного Знамени.

Вот каким человеком был лучший на Северном флоте торпедист военных лет. Право считаться его последователем

сейчас отстаивает старший матрос Геннадий Воронин. В письме к Зинаиде Григорьевне и Анатолию Григорьевичу Ворониным, которое командир и замполит написали в Челябинск, есть такие слова о их сыне:

> «Его служба — пример для подражания всем матросам и старшинам корабля».

Институт Геннадий бросил для всех неожиданно — и для родителей и для однокурсников. Хорошо сдал вступительные экзамены на автотракторный факультет, прошел по конкурсу, наконец, прилично учился и вдруг решился. Устроился на цинковый завод аппаратчиком, знакомым объяснил: все друзья в армии, один не служу — что я, хуже их? Пока работал в цехе переработки окислов, готовился к службе. И, видимо, всерьез. Ведь на «Челябинский комсомолец» направляются лучшие из лучших, победители соревнования. Геннадию Воронину обком ВЛКСМ вручил путевку. На второй же год службы торпедист Воронин стал специалистом 1-го класса. Сказались, кроме упорства, большого труда, и рабочая закалка, полученная в бригаде А. К. Марченко, и умение правильно прочесть чертежи, знакомство с высшей математикой.

Однажды в дальнем плавании, в доставленной свежей почтой «Правде», увидел Геннадий свой цех. Совсем кусочек — на фотографии — и узнал бригадира. Радость, праздник — во всем торпедном отсеке. Их уж не так много, событий в дальнем походе: фотография в газете, пельмени, состряпанные готовящимися к увольнению домой старшими ребятами для всего экипажа, да еще однажды вареники с вишневым вареньем — по предложению доктора. А в остальном — вахты; проходят сутки, недели, месяцы.

Железный отсек — и боевой пост, и класс, и дом. Не видишь, что идут дожди и снега, не слышишь, как поют птицы, как пахнет полынь.

Такой труд сродни труду космонавтов, будничный, напряженный, когда много метров забортной воды гарантируют от упущений и ошибок, когда ответственность из громкого слова становится постоянной сутью людей, когда монотонности рождает не скуку, а квалификацию, когда иначе видится пережитое и определеннее будущее, когда все, «от вестового и до командира, — чернорабочие морских глубин».

Суровая, святая школа — дальнее плавание!

Беседуем в кубрике. Ребята рассказывают о своих сверстниках, земляках. Володя Халабаев — моторист — на лодке самый младший, всего полгода морского стажа. А награжден уже грамотой Челябинского обкома ВЛКСМ — первым из ребят своего

набора сдал экзамен, дающий право самостоятельно работать в моторном отсеке, а вслед сдал второй — на электрика.

Вообще овладение смежными профессиями на корабле — традиция. И восходит она к военным годам, когда, бывало, один матрос, хорошо изучивший корабль, спасал всех.

Самый уважаемый на подлодке человек — старшина 1-й статьи Василий Савочкин, он — командир центрального отсека, отвечает за всплытие и погружение. В случае аварии может заменить товарищей, так как хорошо ориентируется во всех механизмах субмарины. Ребята подражают ему во всем — от мелочей, жестов до серьезного. И это не зазорно стать на втором году службы, как Савочкин, специалистом 1-го класса, как он, не гнушаясь никакого труда, получить несколько специальностей и, как он, всегда чувствовать, «что участвуешь не в детской игре, а за спиной — покой твоей Родины».

Тогда мы с Гаазом и задали командиру вопрос: по каким чертам характера наших ребят он, никогда не бывавший на Урале, составил себе впечатление о людях края:

— Если бы вас попросили нарисовать собирательный образ уральца…

— …Я включил бы убежденность Н. Меньшенина, трудолюбие В. Савочкина, приспособленность к жизни в коллективе, контактность Н. Чулкова, большую надежность, порядочность В. Александрова, стремление к знаниям В. Халабаева.

По-моему, командир забыл еще об одном. Об этом у Гааза сказано так:

> «…Скорей бы на работу. С головой прямо. А также уйти в общественную работу. Без этого мне теперь не обойтись».

Далеко Урал от Северного края — тысячи сухопутных миль. Но есть и здесь свой морской экипаж и тоже носит имя «Челябинский комсомолец». В разных концах области живут бывшие старшины и матросы, но раз в году, в День Военно-Морского Флота, если удается собраться вместе, вновь надевают они тельняшки, поднимают морской флаг и снова для них нет «крепче почвы под ногами, чем палубы подводных кораблей». Командиром резервного экипажа избран Гааз.

В Челябинске уже после нашего разговора я неожиданно встретила Виталия Андреевича в военной форме. Лейтенант запаса Гааз в заводском оборонно-спортивном лагере готовит к службе в армии парней своего завода. С сентября — вновь металлургический завод, железнодорожный цех, тепловоз, а

летом он комиссар «Искры».

В лагере на берегу озера — военный быт: часовые, подъем флага, ученья, политзанятия. «Искра» существует уже лет пятнадцать. И за сезон много парней изучают здесь строевые уставы, получают первые представления об армии, сдают нормы ГТО.

Виталий Гааз — один из первых выпускников-искровцев, отсюда ушел на морскую службу. Искровцем был и Владимир Ильин, призванный в армию вслед за Гаазом. Теперь оба воспитывают будущих воинов. В. Ильин — тоже рабочий, дежурный электромонтер в третьем электросталеплавильном: так же, как Гааз, как начальник лагеря, как и все остальные, о ком так тепло пишут ребята во взводных газетах.

Листаю их и нахожу много интересных строк. Хотя бы такие:

> «За время пребывания в «Искре» многому научились: ходить строем с песней, выполнять приказы командиров и — что самое главное — все курсанты поняли, что такое мужская дружба, без которой просто в жизни пе обойтись».

Молодец, комиссар: дружба — это уже по его части. И кто знает, может, именно авторы этой заметки еще придут в резервный экипаж, чтобы научить уже следующее поколение великой силе — мужской дружбе и братству.

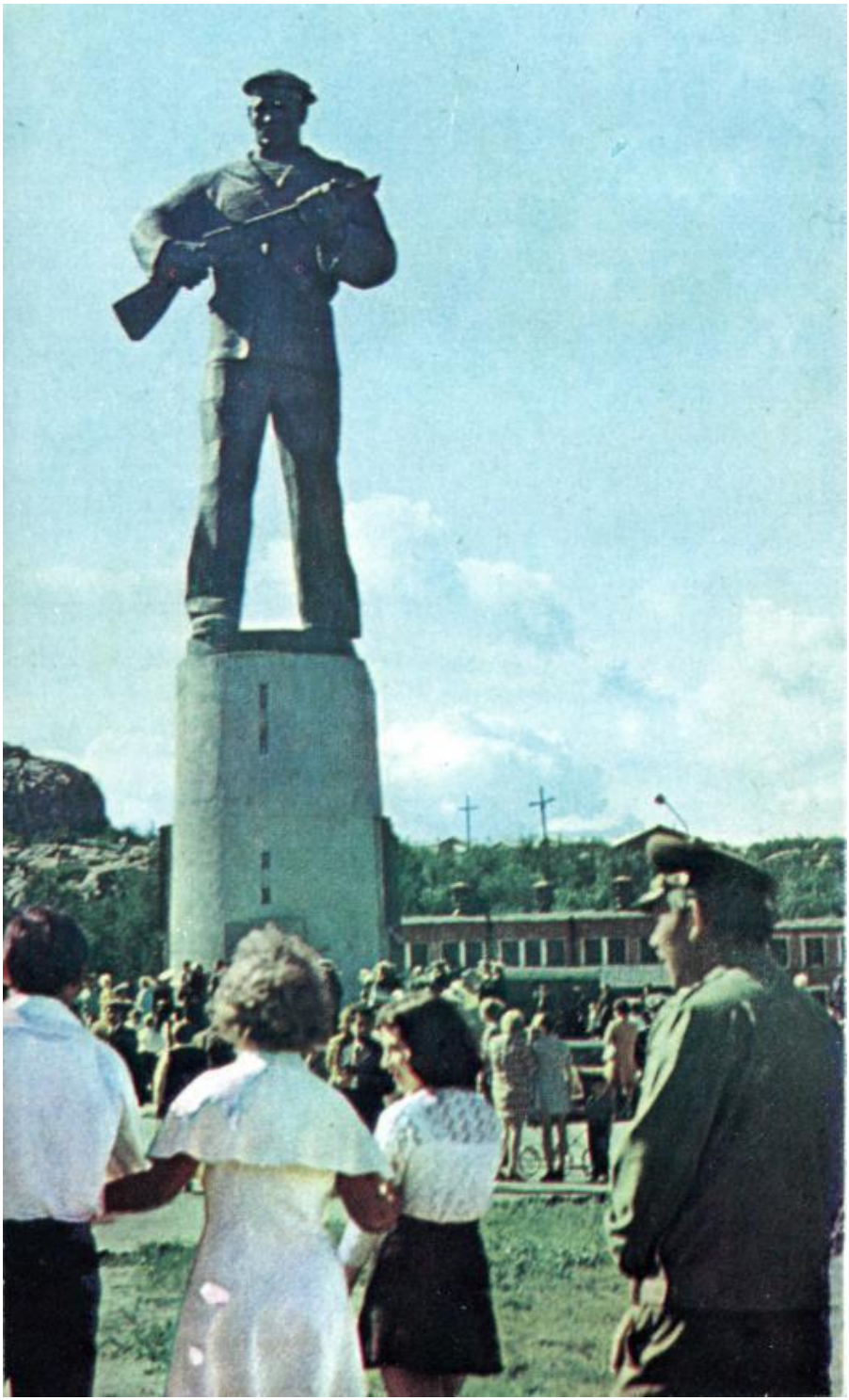
* * *

Последние зимние метели еще цепляются за Уральский хребет, а за Полярным кругом все бушует и бушует Баренцево море, и, обгоняя полярную ночь, грядут холодные рассветы. На свою непростую вахту заступают наши земляки.

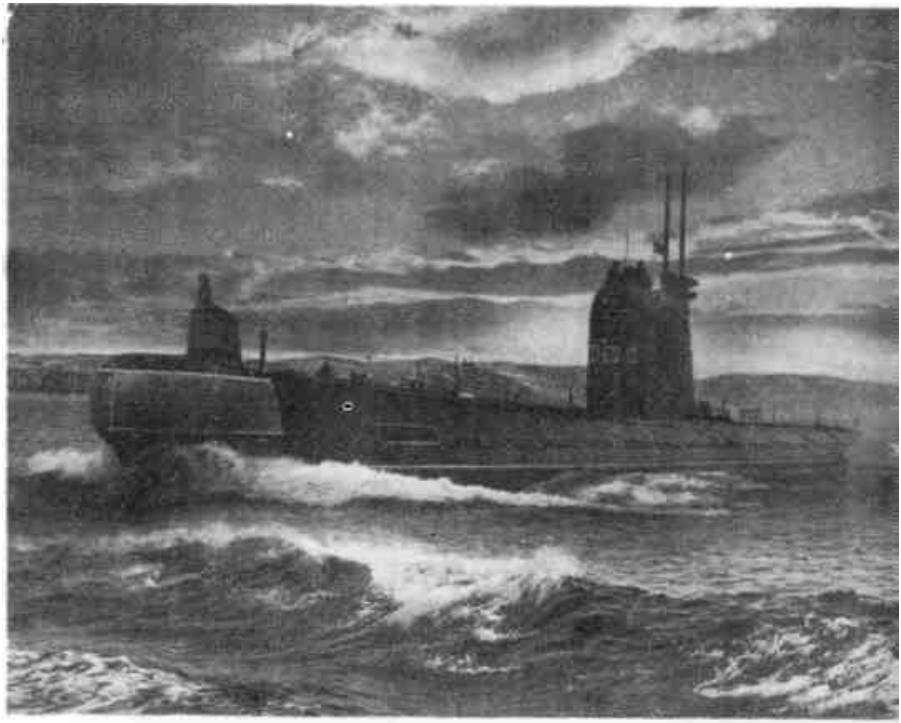
> Пожелайте вернуться с победой.
> Лучше этого можно ль желать?

Этими строчками из стихотворения краснофлотца Тихона Красовского, фронтового североморского поэта, я и заканчиваю свой рассказ о людях, с которыми соприкоснулась сердцем.

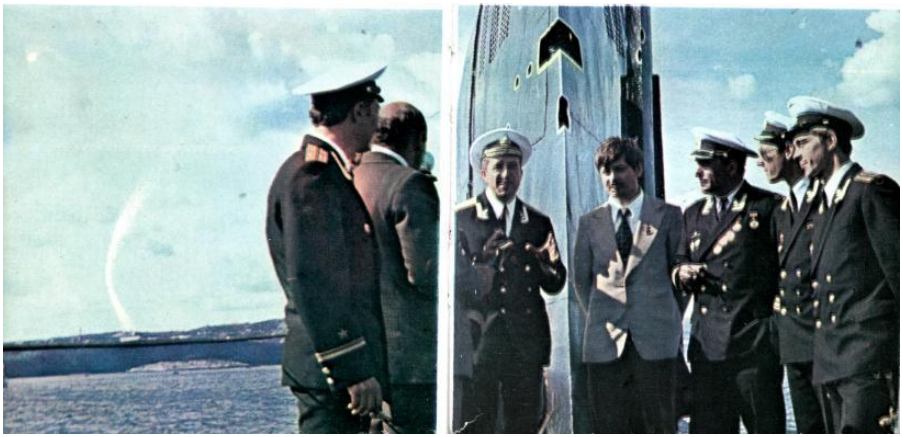
Краснознаменный Северный флот — Челябинск,
1976 г.



Североморск. Старший матрос Северного флота.



«Челябинский комсомолец» в походе.



Шефы приехали! Члены делегации молодежи Челябинской области среди экипажа именной подводной лодки.

Концерт на рейде.

ДИРЕКТОР ПАМИРА

ЖИВЕТ НА КРЫШЕ МИРА МОЙ НАРОД,
ГОРДЯСЬ, ЧТО РЯДОМ С КОСМОСОМ ЖИВЕТ.
НАД НИМ ВЫСЬ СЕРЕБРИТСЯ ДНЕМ И НОЧЬЮ.
ОН СЧАСТЛИВ, КАК СРЕДЬ ПРАЗДНИЧНЫХ ЗАБОТ.

ВИДНА ПЛАНЕТА ВСЯ С ЕЕ ВЫСОТ,
С НЕЕ О МИРЕ РЕЧЬ ТАДЖИК ВЕДЕТ.
РАВНЫ У НАС ВСЕ ЯЗЫКИ И РАСЫ,
НАМ ЯСЕН ПУТЬ И ЯСЕН НЕБОСВОД

Мирзо Турсун-заде

Перевод Владимира Цыбина

Докторской диссертации Юсуфбеков не писал — степень присвоили за труды, за ту выхоженную ногами, опробованную и доказанную опытом высокогорных хозяйств науку, что обернулась спасительной для скотоводства и земледелия всей горной страны практикой.

Председатель ученого совета спросил: доктором каких — биологических или сельскохозяйственных — наук видит себя ученый: возможно и то, и другое — работы тянут не на одну диссертацию. Юсуфбеков ответил: только сельскохозяйственных.

За научными формулировками стояла четкая жизненная линия:

> «Ввел систему реконструкции растительного мира Западного Памира», «Предложил и доказал возможность залужения пустынных пастбищ», «Разработал систему улучшения пастбищ и сенокосов всего Памира и Алайской долины», «В десять раз увеличил коллекцию Ботанического сада».

Это совершено не многоопытным стариком — кандидатскую защищал комсомолец, член Горно-Бадахшанского обкома ЛКСМТ. Доктором наук, членом-корреспондентом Академии наук Таджикистана он стал в возрасте, когда о нем говорили «молодой ученый», академиком — в 44 года.

…Горд и неприступен Памир. Недаром Подножием смерти именовали его жители Гиндукуша и соседней нагорной Азии.

Даже птица не долетит до его вершин, даже кутас не всегда подымется за их снежную черту, ну а человек… Что может он? Не по силам слабому человеку состязаться с грозной стихией.

А люди на памирских плато жили издревле. Жили на пределе возможностей, в условиях, которые теперь принято называть экстремальными. В холоде, при недостатке трети кислорода, при сахарской сухости, когда даже снег испаряется, не успев согреть землю, — это на Восточном Памире. В недоступных горах, лишенные земли и скотины, в разреженном воздухе, отрезанные от всего мира, — это на Западном.

Но люди приспосабливались, как все живое: растения, звери. Они пасли овец и кутасов в горных пустынях, передавая маршруты пастушеских троп из поколения к поколению, от стариков к молодым. Лечились травами, горной смолой — от кишлака к кишлаку, от юрты к юрте рассказывали о чудесах исцеления и называли горные хребты, долины, где это произошло. Горцы западного Бадахшана знали дивные сады в расщелинах с плодами крупными, сладкими, яркими, словно вырастили их высокоученые садовники, только добраться до них мог не каждый.

Кочевникам Востока была хорошо знакома чудо-колючка терескен. Только, не помышляя о заготовке сена впрок, в суровые зимы, когда скот погибал от голода, они топили ею юрты. И они не были совсем знакомы с земледелием.

Дехкане же с гор вдоль Пянджа умели получить просо, горох, ячмень на малюсеньких грядках, землю для которых носили в корзинах прямо в поднебесье, куда не залетал орел и не забегал козел-нахчир. Но не пробовали они вплоть до 40-х годов двадцатого века овощей.

Не умели горцы вступать в схватки с песками, осыпями, камнепадами, целиком отдавая себя на милость природы, помня, что так было на Памире во все времена.

Но пришли в горы сильные люди, и зазвучало новое слово — «реконструкция». Пришельцы захотели подчинить себе Памир, они сказали: да, почвы в горах каменистые, но они пригодны для посевов: конечно, галечники, скалы и осыпи не очень удобны, но их можно засадить лесами, а склоны западных гор — садами, на восточных плато засеять новые пастбища, в высокогорные пустыни выгонять на зиму кутасов и овец. Они вспомнили венецианского путешественника Марко Поло: «Лучшие в свете пастбища тут, самая худая скотина разжиреет в десять дней» — и запретили согревать жилища терескеном. Питательная колючка не должна вырубаться: один кустик на высоте живет 300 лет и выкормит несколько поколений животных.

Эти люди стали выращивать овощи и лучшие из них передавать для посадки создающимся колхозам. Так на Крышу мира, в дикую страну ПО-МИ-ЛО, пришла наука. Это был подвиг, подвиг спустя всего лишь полтора-два десятилетия, после того, как «в пору цветения урюка» дошла в сплошь неграмотные горные кишлаки весть о революции.

…В пионеры советской естественной науки на Памире Юсуфбеков не успел. Когда П. А. Баранова, Р. Я. Перлов, И. А. Райкова приступили к первым опытам освоения высокогорий Памира под земледелие, он не мог о них даже слышать. Когда А. В. Гурский, имя которого носит сегодня Ботанический высокогорный сад, у подножья Висхарва начал первые посадки, Худоер Юсуфбеков был еще мальчишкой. За чисто символическую плату помогал он копать арыки, рыхлить землю, да и просто готовил чай директору еще не существующего сада.

Немало лет должно было пройти, пока Худоер Юсуфбеков познакомится с этими людьми, с их практическими опытами и научными системами, продолжит их дело, работая на заложенной ими биологической станции, в Ботаническом саду — впоследствии их объединят в Памирский биологический институт, и Худоер станет его первым директором.

От мальчишки-пастушонка из ущелья Дармарахт, что разыскивал своим козам и овцам малюсенькие пастбища-«изумруды» и горевал, видя, как страдают голодные животные зимой, — у Худоера Юсуфбекова главная забота его жизни. Он рос в трудное, военное время, жизнь сладкими лепешками не баловала. А с восьми лет, когда от матери осталась лишь фотография, что успел сделать живший у них русский комиссар, и на трудовой фронт ушел отец, мальчик узнал и нужду. В зимнюю памирскую стужу бегал босиком, отогревал ноги в печках-тандырах. Учился писать деревянными расщепленными палочками, парту заменяла коленка — до сих пор стесняется своего почерка.

В Душанбинском музее просвещения видела я макет мактаба — школы в кибитке, и деревянные перья — атрибуты и его детства.

Раз в неделю в школе готовили общий обед, и все ребята кишлака собирались как на праздник, за одним дастарханом. А когда открыли чайхану, это событие запомнилось навсегда: началось приобщение к миру. И продолжилось оно в Хороге, в школе-интернате, куда на учебу свозили ребят со всего Горного Бадахшана.

Дядя Худоера Давлат Шабдолов был там единственным

математиком — на весь край. Сегодня кавалера ордена Ленина, заслуженного учителя школы Таджикской ССР, отличника народного образования СССР, хранителя истории своей земли Давлата Шабдоловича Шабдолова знают все жители Горного Бадахшана. Ведь все, кто учился в школе в 30—50-е годы, учились у него… Со всей области, со всех кишлаков. Он отдал школе 50 лет. Именно Давлат Шабдолович привил Худоеру Юсуфбекову пытливость, любознательность, переросшие впоследствии в страстную жажду знаний, творческого поиска, основательность суждений.

Шабдолов был учителем в широком смысле слова. Он старался передать ученикам все знания — и не только математические, — которые удалось получить самому. Этим и объясняется, что, не изучая химию, русский язык: не было преподавателей, — Худоер смог поступить в институт.

От Давлата Шабдолова услышал мальчик о первой Ленинской премии на Памире, что ввели пограничники для лучших учеников первой советской школы в Хороге и начисляли из собственного денежного содержания. Был Давлат среди первых пионеров, что 1 Мая 1926 года прошагали по Хорогу. К этому дню в погранотряде ребятам сшили специальную форму: рубашки с отложными воротниками, штанишки до колен, пионерские галстуки. Но шли они босиком. Впереди отряда несли знамена — какие были в кишлаке. Посмотреть на такой праздник прискакали с гор всадники, приехали афганцы — и потом долго рассказывали о нем из кишлака в кишлак.

Я видела фотографию этого отряда в альбоме Давлата Шабдоловича рядом с фотографиями из детства уже его учеников. На одной из них — на нас в упор глянул плотный приземистый парень в тюбетейке.

— Худоер Юсуфбеков — мой ученик, ныне академик, — с гордостью пояснил Давлат Шабдолович.

От своего учителя услышал Юсуфбеков впервые имена Райковой, Гурского, у него увидел плоды невиданных на Памире овощей. Учитель же рассказал ему историю, ныне ставшую легендой. До меня она дошла при необычных обстоятельствах.

Когда с бывшими учениками Давлата Шабдоловича пришла к нему в дом, он заканчивал украшать стол. Жены уже давно нет в живых, учитель один воспитывал меньших дочерей-двойняшек — Шамсию и Джамилю — и привык управляться по хозяйству сам.

Стол манил яркими плодами осени: помидоры, огурцы, капуста, морковь, картофель, зелень лука рядом с традиционным бульоном, румяные лепешки, ароматный чай, в небольшой тарелке — сушеные ягоды и травы. Дочери принесли кувшины

для мытья рук, и мы сели за стол. И вот тут-то старый учитель преподал урок, ради которого и затеял он столь красочные приготовления.

— Как вы думаете, — спросил он меня лукаво, — какие продукты из тех, что видите перед собой, могли употреблять в пищу мои родители? А о чем они даже не имели представления? Да что родители: я сам почти половину своей жизни.

Памирцы не знали совсем ни картошки, ни редиски, ни моркови, ни брюквы, ни помидоров, ни огурцов, ни лука, ни чеснока, ни свеклы, ни репы, ни кабачков, ни перца, ни петрушки. А урожаи пшеницы собирали в тюбетейку. И получилось, что главный продукт — скромная сушеная ягодка — «тут», или шелковица, да травы, коренья. Их размалывали и добавляли в кислое молоко, чай, воду, ели просто сушеные ягоды и просто муку.

За нарядным изобильным столом и рассказал мне старый учитель вот какую историю.

В самом конце 20-х годов на памирский пограничный пост прибыл новый командир. Два месяца добирались он и его семья с сопровождающими из Оша. Верблюжья тропа вилась по поднебесным перевалам, головокружительным кручам, отвесным карнизам. Жену пограничника и детей несли под балдахином на специальных носилках. Привез с собой командир интересный багаж: семена помидоров, огурцов и капусты, клубни картофеля. Посадил прямо на территории погранотряда. Сосед — дехканин Кишкарбек Рызобеков попросил диковинных семечек и тоже посеял на своих грядках.

Жизнь командира была неспокойной: недаром первым на Памире за бои с басмачами в тот год его удостоили ордена. Словом, не до посадок. Ну и урожай получился чахлым. Когда командира перевели в другое место, расставаясь, он сказал, что овощи в этих краях выращивать — только добро переводить.

Ну а Кишкарбек уже после его отъезда собрал богатый урожай никогда до этого не виданных плодов. Семена раздал родственникам, соседям. А через год, как утверждает молва, продиктовали дехкане письмо красному командиру Ивану Васильевичу Панфилову, а это был он — будущий Герой Советского Союза, легендарный генерал-майор. В письме написали, что-де прекрасный ты человек, Иван Васильевич, хорошо бьешь басмачей, отлично говоришь, но плохой… земледелец.

А дети Кишкарбека — Хособек и Довронбек, — когда подросли, стали известными на весь Бадахшан «картофельными чемпионами» — урожаи меньше 500—600 центнеров с гектара не

получали. Да только долог был путь к этим урожаям.

Когда Худоеру Юсуфбекову было совсем мало лет, впервые пересек он Памир на шее верблюдицы, к которой привязала его мать. Уже потом, лет через пять, пастушонком, исходил много горных троп пешком, в деревянных колодках-каушах и просто босиком, а еще больше, когда одевал уже кожаные ичиги и на стартовую точку высоко в горы его привозила машина. Горцы не зря окрестили Худоера Юсуфбекова Директором Памира. Сколько же тысяч километров прошагал он!

Привычка так и осталась на всю жизнь. И сегодня на работу он ходит с одного конца Душанбе на другой пешком.

— Чему вы так и не научились в жизни? — спрашиваю Юсуфбекова.

— Двум вещам. Не умею танцевать. И не стал оратором. Все имеет объяснение. В студенчестве было не до танцев: по ночам ходил на завод бутылки мыть, разгружать брички с хлебом в магазине, на старших курсах — в карантинной инспекции работал. Знаете, как питался? Утром — чечевичная каша, в обед лепешка со сметаной, вечером — хлеб, соль и вода. Первый костюм на четвертом курсе купил — заработал деньги на практике. Даже был грустный курьез: в юбилей института наградили меня Почетной грамотой ЦК комсомола, вручать должны были на торжественном собрании в оперном театре. А меня туда не пустили билетеры: не понравился мой ватник и хлопчатобумажный свитер.

А почему говорю неважно? Много месяцев, целые годы провел в горах в одиночестве. Это уже после института. Бывало и зимовал один в саду.

Если бы начать жизнь снова, хотел бы что-то изменить в ней? Пожалуй, нет. Каждому человеку нужны трудности. Они закаляют, вырабатывают твердый характер, формируют убеждения.

Сегодня Худоер Юсуфбеков — ректор того самого сельскохозяйственного института — главного вуза республики, который закончил в 1954 году. Да только был до ректорства и другой путь, 27-летний. Его избрал Худоер осознанно, когда уехал по окончании учебы на родину, в край, где горы встречаются со вселенной и где только пытливым и одержимым позволяет гордый Памир посмотреть на себя свысока.

На Памир я попала, когда Худоера Юсуфбековича там не было уже несколько месяцев. Встретили меня его ученики и последователи. Но присутствие Юсуфбекова я чувствовала во всем так же, как мои собеседники его отсутствие. В разговорах нет-нет да и мелькнет: «Юсуфбеков звонил… говорил…

советует… напоминал, …приглашал аспирантов».

В яководческом совхозе «Булункульский», что на четырехкилометровой высоте, рассказывал директор Осман Атабаев, как по технологии Юсуфбекова засевают они горные склоны травами, сколько получают сенной массы, как проходят гарантированные зимовки овец и кутасов — не страшны теперь животным суровые зимы, — и каждый раз называл имя Юсуфбекова. Даже уголь завозят жителям его стараниями. А терескен — лучшая пища кутасов — идет только на корм. И опять «доказал», «ввел», «добился» Директор Памира.

Большой друг комсомола и его воспитанник, он еще ни морально, ни физически не перешагнул возрастной академической черты. И хотя я уже была с ним знакома лично, значимость всего сделанного академиком поняла только здесь.

…С Алешей Ивановым, 24-летним ученым Памирского биологического института, целый день бродим осенним садом. Сад диковинный — единственный на такой высоте в мире. 612 гектаров отданы под эксперименты. На высоте альпийских перевалов. В Европе, пожалуй, ее штурмуют лишь смельчаки. Здесь же штурмовать ничего не надо: сел в центре Хорога на городской автобус, попетляет тот вдоль Гунта то правым, то левым его берегом восемь километров до Шахдары и, пожалуйста, приехали: сад. Прямо на склоне Шугнанского хребта. Правда еще надо попыхтеть, чтобы до него подняться, хоть и асфальт ведет до самого городка. Если отсюда смотреть в бинокль, то высоко, прямо у вершины Висхарва, видны зеленые заросли его высокогорного участка — береза, смородина, боярышник, жимолость. Целых 50 видов на высоте 2900 метров. Основная часть сада пониже на полкилометра.

Октябрьский сад расцвечен оттенками осени всех континентов. Из бирюзово-изумрудных зарослей Восточной и Средней Азии попадаем в привычное золотое увядание Европы и Кавказа, дивимся черному американскому ореху и «оленьему рогу» с того же континента, подымаем опадающие багряные листья клена, словно с государственного флага далекой страны.

Летних посетителей сад поражает подсолнухами с десятками голов, ромашками величиной с блюдце, смородиной размером с вишню и клубникой — чуть ли ни с чайную чашку. Я всего этого не видела. Но когда Алеша подвел к восьми ли-десяти ли ствольному дереву и оно оказалось рябиной, а по соседству так же раскустилась липа, я сдалась: действительно, чудеса!

А розы! Какие на Памире розы в октябре, — необычной величины и дивной красоты. Лимонам из этого сада удивлялась еще лет пять назад, читая информацию в «Правде». А

картофельные клубни весом до килограмма каждый! И это на высоте двух с лишним километров!

Довольный произведенным эффектом, Алеша терпеливо объясняет, что чудеса эти вызваны, как полагают некоторые исследователи, особым режимом ультрафиолетовой радиации, так называемым горным светом. Но он лично считает, что нужно анализировать комплексно: тут и высоту следует учитывать, и температуру, и влажность, ну и ультрафиолет, конечно, ведь прозрачность воздуха в горах исключительная.

О памирском ультрафиолете я читала в статьях прежнего директора ботанического сада, имя которого он носит теперь, — А. В. Гурского, рассказывал мне о чудесах памирской радиации Х. Ю. Юсуфбеков: в десятки раз выше, чем в долине, но смертоносные ультракороткие лучи нейтрализуются другим длинноволновым излучением — и отсюда буйная растительность, активное безвредное солнце, «культурные» дикие сады в горах, ранняя вегетация и в перспективе — возможность применения ультрафиолета при селекции сельскохозяйственных растений.

Оказалось, что в саду опробовано 3000 образцов картофеля, десятки сортов его рекомендованы хозяйствам Бадахшана, так же как помидоры, капуста, морковь, лук. Словом, все, что украсило стол старого учителя.

В кишлаке Тем, что кудрявой зеленью и румяными плодами манит приезжающих в Хорогский аэропорт, и сегодня еще помнят бахчи дедушки Имамберды. Пятеро братьев-дехкан чуть ли не столетие выращивали на песчаных и наносных землях дыни, арбузы, тыквы, секреты выхаживания которых им передали их отцы. От стариков же слышали братья Давлетмир и Имамберды о волшебной траве хичихор: подстрелил в сумерки горец нахчира — ранил того в ногу, пошел по следу, а след пропал, оборвался. Дождался человек утра, смотрит: лежит козел под скалой на траве. Увидел охотника, вскочил и убежал. Удивился горец, спустился со скалы, нарвал траву, на которой лежал нахчир, принес в кишлак. Старики сказали: лучше лекарства при ранах нет, останавливает кровь, быстро заживляет.

Внук Давлетмира — Дилавар Мунаваров рассказ деда не забыл: травку эту разыскал — «непета», железистый котовник, родственница российской мяты. Дилавар — ученый, в лаборатории геоботаники занимается растениями, диссертацию пишет о флоре Западного Памира. А началось все с дедушкиных уроков: как посадить дерево, как сохранить плоды, какие растения переселить в кишлак из ущелья, что из кореньев, листьев, стеблей можно есть, если заблудишься в горах.

С советов старцев из долинного Шахдарынского кишлака

начался путь в науку Козимамада Абдуламонова. Он специализируется теперь на селекции, гибридизации ячменя. Как и Ильдар Абдулов, и другие ученые с биологической станции в урочище Чечекты.

Темы диссертаций здесь навеяны не модой. Практическое значение многих из них превышает ценность обычного научного труда.

Заведующий лабораторией генетики и селекции Фаткрахман Габдурахманович Нигматуллин вывел новый, специально для Восточного Памира, сорт ячменя «Памир-1». Уже получено зерно. И теперь молодые ученые работают над совершенствованием сорта. На Восточном Памире в году всего 30—35 безморозных дней, а суточные колебания температур достигают 40—45 градусов. И высота — три-четыре километра. И вдруг зерно!

— И не жалеете, что так далеко заехали, вернее, так высоко забрались? — когда мы с Алешей спустились к дому, где живут молодые специалисты, спросила я у аспиранта Юры Данилова.

— Нисколько, — твердо ответил он. — Более того, мы с Люсей, — кивок в сторону жены, — считаем, что верный выбор сделали.

— Через год уже тему имеешь. И помогут определиться, и нацелят верно, — продолжает Юра. — На два месяца домой в Ленинград уехал — так потянул Памир обратно. Худоер Юсуфбекович правильно говорит: «Здесь под каждым камнем — диссертация лежит. Важно лишь свой камень отыскать». Ведь очень заманчиво, и лестно, и ответственно сказать свое слово в науке не в 80 лет, а в 27, и именно свое, не вычитанное из чужих трудов. Разве этого мало? Не каждый и мечтать о таком смеет. Через пять-шесть лет после окончания института — кандидат наук. Да дело не только в степени. Те, кто держатся за крупные города, могут и не стать истинными учеными, так и просидят лаборантами, ассистентами всю свою жизнь. А разве это жизнь! — вот такой монолог произнес Юра Данилов.

У Юры с Люсей — симпатичная семья: ждут уже второго ребенка, работают над самостоятельными темами, готовят диссертации. Люся занимается вопросами интродукции хвойных пород, то есть перенесением на Памир наиболее удачных образцов. Работа имеет немалое значение не только для горного Бадахшана — затрагивает проблемы укрепления горных склонов, улучшения водного режима почв, да и просто декоративно-озеленительские. Недалеко от дома на террасах сада проходят опыт Люсины елочки.

Юра увлечен интродукцией лекарственных растений. Над проблемами их теперь в институте работают сотрудники

специальной лаборатории. Химический состав горных растений заметно отличается от качеств их собратьев из долины, в иных сахара до 30 процентов. Как происходит накопление в растении лечебных свойств, возможно ли окультуривание наиболее перспективных видов, сортов, форм, удастся ли перенести на Памир наиболее ценные из других районов страны? Опыты, поиски. Вот с какими сильными людьми познакомилась я на улице Мичурина, с которой в Хороге начинается Памирский биологический институт.

На вид они самые обычные. Не богатыри. Не силачи. Смотрят телепередачи. Болеют за Анатолия Карпова. В отпуск ездят сдавать кандидатские. Зимой «спускаются» в аспирантуру. А летом «безадресные люди» нехожеными горными тропами ищут необжитые земли, редкие экземпляры растений, выкапывают, переносят, пересаживают, собирают семена, ведут наблюдения. Цель? Реконструкция растительности Горного Бадахшана во имя развития его экономики.

И тут же:

— А возможно, наши опыты пригодятся при освоении Луны.

— Или других территорий с подобным суровым климатом. Не забывайте: Памир — природная барокамера.

Жизнь на Памире трудна и сложна. Снежные барсы, словно эскалатором, сносимые лавинами с хребтов, впечатляют лишь путешественника-однодневку. Рериховские краски вспоминаются только после отъезда. Тех, кто живет здесь и работает постоянно, красивости романтических репортажей не волнуют. Лишь сильные люди остаются верны Памиру на всю жизнь.

— Вы когда-нибудь видели тунеядца-долгожителя? 100-летнего лодыря? — спросил Юсуфбеков меня, когда в Душанбе коснулись мы этой темы. — Трудности, работа формируют настоящего человека. Здоровье? По мне: много работы — я здоров. Вот и растения: в суровых условиях гор они живут дольше. Терескен на высоте четырех километров — 300 лет растет, трех — уже 60, еще ниже — 20. Так и человек…

Да, лишь сильные люди живут на Памире.

Душанбе — Хорог,
1981 г.

КАРАВАН СЧАСТЬЯ

…ТРАКТОР — ИЗ ТЬМЫ, ИЗ НОЧИ —
КАК ПЕНЬЕ ЖИЗНИ САМОЙ.
ОН РЕЗАЛ НОЖАМИ СВЕТА
ТЯЖЕЛУЮ НОЧЬ ВОКРУГ.
— ВЫХОДИТ, ЧТО НЕ ДОПЕТА
ПЕСЕНКА НАША, ДРУГ!
НЕ ТАК МЫ, ВИДАТЬ, УСТАЛИ,
ДОЙДЕМ ПО ЕГО ПЯТАМ.
КОВАЛИ ЕГО НА УРАЛЕ
И НАС ВЕДЬ КОВАЛИ ТАМ…
ОН ВЕЛ ЗА СОБОЮ НАС ТИХО
И ВЫВЕЛ К ЖИЛЬЮ КАК РАЗ,
ГДЕ ЛИХО — УЖЕ НЕ ЛИХО,
ГДЕ ЖДАЛИ, ВОЛНУЯСЬ, НАС.

Марк Гроссман

В Хорог я прилетела в осенний день, на рассвете которого в кишлаке на левом берегу Пянджа, сопредельной, как говорят пограничники, территории дружественного Афганистана, басмачи дотла сожгли школу.

Сто метров лазуревой реки и целая эпоха разделяют здесь два берега, и пламя горящей школы болью отозвалось в душах советских ребят. Утром памирские дети сами предложили план помощи афганским сверстникам.

— А можно подарить школьную форму?

— А можно портфель? Тетради?

— А парты?

За один только день и только в семи школах Хорога ребята собрали 11,5 тысячи тетрадей, 1735 карандашей, сотни линеек, резинок, циркулей, альбомов, ручек, школьные сумки, комплекты форм.

К исходу дня на мосту «Дружба» советские пограничники передали афганским этот дар школьников.

— Для нас, памирцев, дружба народов — понятие особенно близкое, жизненное. Из поколения в поколение воспитываем мы верность ей, учим этому молодежь.

Паринамо Джумаевна Джумаева, секретарь Горно-Бадахшанского обкома Компартии Таджикистана, говорит темпераментно.

— Именно дружбе людей нашей страны обязан мой народ всем. Первый же «караван со счастьем», что в 20-е годы верблюжьей тропой прибыл к нам на Памир, привез керосин из Баку, ткани из Москвы и Иваново-Вознесенска, изделия металлистов Ленинграда. Русские пограничники посадили первый картофель. Врач, учитель — эти слова мы услышали тоже впервые на русском языке. Сегодня об этом помнят стар и млад. Вы знаете, как начинаются занятия 1 сентября у малышей? Мы спрашиваем: где вырастили хлопок для материала, из которого сшит красный флаг? Откуда прислали чай, что мы пьем? Кто сделал сахар? Где росла пшеница для лепешек? Кто построил автобус? И дети прекрасно отвечают на подобные вопросы.

Невольно вспоминаю плакат, протянутый через главную улицу Хорога, — «В дружбе — наша сила» и слова, что услышала при первом знакомстве несколько лет назад в Мургабе — районном центре Восточного Памира: «Челябинск? Мы внимательно следим за успехами ваших рабочих коллективов и радуемся им вместе с вами, ведь ваши успехи — это новые машины для Памира, для тракта».

— А что значит для нас Памирский тракт? Сегодня мы говорим о нем не иначе как о дороге интернационального братства и дружбы, — продолжает Паринамо Джумаевна. — А недавнее награждение его орденом Дружбы народов стало большим праздником всего горного края.

Эти слова мне особенно приятны, так как именно к Большой памирской дороге прямое отношение имеет и наш уральский город за тысячи километров отсюда. В музее Челябинского тракторного завода специальный стенд рассказывает о трагических и героических событиях одной памирской зимы. Так же, как увесистый альбом, что подарили недавно парткому производственного объединения «ЧТЗ имени В. И. Ленина» памирские дорожники, повествует в фотографиях о сегодняшних буднях самой высокогорной дороги нашей страны.

Памир с Уралом дружен с давних пор:
Сродни ему заботы наших гор…

Это произошло в героическое время, когда газетные сообщения о «сенсациях века» вытесняли одно другое: эпопея челюскинцев, дрейф первой станции «Северный полюс», беспосадочные перелеты через Северный полюс в Америку. 14 января 1936 года в «Правде» Всеволод Вишневский рассказал о штурме зимнего Памира:

> «Большевики, оседлавшие технику, развеяли в прах вековые легенды о непроходимости зимой горных теснин, окружающих Памир».

А через несколько дней на Челябинский тракторный завод пришла телеграмма из киргизского города Ош от участников городского торжественного собрания:

> «Стахановцы Памирской высокогорной дороги рады сообщить, что успешному завершению беспримерного в истории зимнего высокогорного перехода через перевалы и ранее непроходимые долины помогли тракторы марки ЧТЗ. Они отлично работали на высоте 4 тысяч метров при 40—45 градусах мороза».

…С Маджамом Мамаданваровым, водителем Ошской автобазы № 49, на тяжело груженом ЗИЛе едем Памирским трактом Хорог — Ош.

Горы здесь, кажется, уходят прямо в космос, а огни кишлаков и звезды живут на одном небосводе. Здесь от выстрела, от звука человеческого голоса снежные лавины сметают все на своем пути. Край этот у самого подножья Солнца, край пастухов, чабанов, шоферов, дорожников, пограничников.

Для Маджама дорога привычна. По десять раз в месяц проделывает он 728 километров — среди фантастического нагромождения синих, бордовых, терракотовых, серых скал, которые, наступая на дорогу, грозят камнепадами и обвалами, услужливо подставляя шаткие оледеневшие спины под колеса тяжело урчащего грузовика. Скорость падает до 20, 10 километров. Водитель осторожен. Иначе здесь нельзя. Обелиски среди дорожных столбов на самых крутых перевалах напоминают о тех, кто не успел притормозить.

Дорога пробита на авиационной высоте. Не хватает кислорода машине. Не хватает дыхания человеку. Булыжники притаились, словно разбредшиеся по долине овцы. Они ожидают лишь первого ветра, чтобы снести, смять, удушить все живое. Худо бывает путнику, когда «говорит» Памир. Даже случается, что совсем не слабые шоферы после первого же рейса по Долине Смерчей спешат навсегда расстаться с Памиром.

А как же тогда, в январе 36-го?

Беда пришла осенью: на два месяца раньше началась на Восточном Памире зима. Бураны и метели чудовищной силы похоронили под 20-метровым снежным покровом автопоезд из 75 машин с продуктами — весь памирский транспорт, что вез недавно построенным трактом запасы на зиму в высокогорное

селение Мургаб и соседние с ним пограничные кишлаки. Люди оказались обречены на голод. Единственный путь через перевалы, не закрытые снегом, вел через кордон. Банды басмачей, лишь за три года до этого окончательно изгнанные отсюда, вновь подошли к границе.

Всякая мысль о спасательной экспедиции казалась нереальной. Ведь еще никогда и никто не пересекал Памир зимой. Даже караваны верблюдов, застигнутые ранним снегом, зимовали в предгорных кишлаках.

И все-таки экспедиция состоялась.

ЧЕЛОВЕК ЗАГЛЯНУЛ В ПРОШЛОЕ

На старой фотографии — несколько парней у трактора, одни в шинелях и буденовках, другие в зимних ватниках, надвинутых на глаза шапках. Ремонтируют. Но что это? Челябинский трактор! Только ни кабины, ни даже просто крыши над головой водителя.

Собеседник наш внимательно всматривается в лица на фотографии. Мы все — в ожидании. Утром, в Мургабском райкоме партии, взглянув на привезенные нами снимки, секретарь Гожо Бердыбаевич Бердыбаев ахнул: «Борошо Станкулов! Пастух из колхоза «Мургаб»! Едем к нему!»

И сейчас Борошо Станкулов узнает себя. Медленно отрывает он удивленный взгляд от фотографии — и не предполагал, что где-то может быть такой снимок, — озадаченно смотрит на нас: «Мен. Это я». И не видит он уже ни нас, гостей, ни своих яков, которые, воспользовавшись случаем, разбежались по всей долине, — человек заглянул в прошлое. Он тяжело думает, молчит. Потом старательно выговаривает по-русски.

— Шофером шел. Дорога была тогда тяжелой. Очень тяжелой. Как в сорок первом.

Борошо — фронтовик. По пути сюда Бердыбаев рассказал, что Станкулов освобождал Польшу, Румынию, Чехословакию, брал Берлин. «Как в сорок первом» — это сравнение фронтовика. Ему можно верить.

И вот еще один разговор. За четыреста километров от памирского пастбища, где мы беседовали с Борошо Станкуловым, в Оше, в городском сквере. С ветеранами Памирской дороги. Заслуженный водитель Таджикской ССР, кавалер ордена Ленина Я. С. Суходольский в тот год уже был шофером. С. А. Поважный в походе ремонтировал тракторы и машины. Г. И. Гернер был механиком тракторного парка, П. Г. Михайленко в экспедиции не участвовал, но именно он собрал и сохранил фотографии,

которым сегодня нет цены.

— Были до этого случаи, чтобы зимой пересекали Памир?

— Нет. За всю историю ни разу.

— А без тракторов могли бы пройти?

— Нет. Никак.

— А если бы экспедиция не прошла, что стало бы с Мургабом?

— Кто не помер с голоду, вынужден был бы уйти за границу.

При нашем разговоре как бы незримо присутствует и участвует в нем еще один человек. Это он дерзнул тогда вопреки прогнозам скептиков сказать: «Советские автомобили и тракторы пройдут». Руководитель экспедиции, заместитель командующего Среднеазиатским военным округом — Ока Иванович Городовиков. Удивительный человек: друг и соратник С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова, ко времени экспедиции он был уже кавалером трех орденов. Звание Героя Советского Союза ему присвоят лишь через 22 года, но уже в 30-е годы за ним шла легендарная слава героя гражданской войны. Свою статью «Поход через страну смерчей», эту хрестоматию мужества, он написал за год до Великой Отечественной войны. Теперь ее страницы словно оживали, участвуя в нашем разговоре, а собеседники мои дополняли их новыми подробностями, интереснейшими деталями.

Г. И. Гернер:

— Ока Иванович Городовиков со своими саперами прибыл на Памир на «клейтраках». Построили 18 саней-прицепов к тракторам, «треугольники» для расчистки снега и в конце декабря двинулись в путь. Первые 160 километров прошли быстро. И перевал Чигирчик без трудностей преодолели. А вот после Ак-Бассаги началось!..

О. И. Городовиков:

«Машины пробирались по дороге-карнизу, висящему над бездонной пропастью. Справа темнела высокая стена, слева — обрыв, черная пустота, колеса буксовали… Чтобы добраться до передней машины, пришлось стать цирковым артистом. Залезешь в кузов, с кузова перекарабкаешься на радиатор, с радиатора прыгаешь в кузов следующего грузовика. Обойти машины негде — сорвешься в пропасть».

Г. И. Гернер:

— Перевал Талдык уже взять не смогли. Саперы работали даже при лунном свете. Говорили тогда, что по 100 кубометров снега на человека подрывали в сутки. Да только все без толку. Отказали «клейтраки», полетели у них гусеницы. Колонна — ни с места. А что саперы наработали — все снегом новым покрылось.

Что делать? «Клейтраки» — машины заморские, на такие прогулки не рассчитаны. Впереди еще труднее будет. А без тракторов не пройти. Работали тогда на Памире еще харьковские — ХТЗ, так они колесные, зимой идти совсем не могут. Городовиков приказал собрать в округе все тракторы ЧТЗ. Всего-то их оказалось в предгорных хозяйствах 11 штук. Из первого выпуска заводского, недавно их и получили — С-60. Лигроиновые, ломиком заводились. Водитель сидит на морозе в 48 градусов, ветер его задувает, снег заваливает — кабин-то ведь не было. А трактор идет. Впереди саперы траншеи прокладывают, он за ними расчищает. Следом — сани-прицепы, машины с грузом.

С. А. Поважный:

— Шли по 700 метров в сутки, по два километра. Алайскую долину — 25 километров — четверо суток проходили. На перевале Талдык первый бой выдержали. Обвалы там — по двадцать метров высотой, в полтора километра длиной. Рвали арчу и ее, как шпалы, укладывали на дорогу, сверху укатывали тракторами, топили снег и заливали водой. Потом пропускали машины. Да еще заметьте, что никто нам указателей не расставил: дескать осторожно — пропасть. Бывало, срывались машины.

Я. С. Суходольский:

— Сейчас вспоминаешь — поражаешься. У меня на глазах один ЧТЗ свалился с серпантина вниз, перелетел на другой его виток. Глубина снега спасла водителя. Смотрю, вылез он из сугроба и опять за рычаги. А как в Алайскую долину вышли, из кабины по 50 часов не выходили, моторы не останавливали совсем. Нельзя: минута — и разморозится радиатор, вода за секунды остывала. Высота снега огромная. Пришлось прорубать траншеи.

О. И. Городовиков:

«Мне вспомнилась книга Жюля Верна «80 000 километров под водой». Когда «Наутилус» застрял во льдах, его обитатели вышли из лодки и прорубали в сплошном льду туннель при свете факела. Точно такая же картина предстала перед моими глазами. Восемьдесят рабочих и бойцов прорывали туннель в глубоком снегу. Красные огни факелов, сделанных из тряпок, вымоченных в бензине, скользили по белым двенадцатиметровым стенам.

…Прошло несколько часов. Наконец туннель был прорыт. В снегу зияла черная узкая дыра. Шофер головной машины дал газ и… дно туннеля, не выдержав тяжести нагруженной трехтонки, осело. В горах раздался грохот. Сплошная снежная туча обрушилась сверху. Многочасовая работа пропала даром…

…Глубокой ночью мы, совсем выбившись из сил, снова прорывали туннель».

Г. И. Гернер:

— Где машины не могли идти, вперед шли ЧТЗ. Так и на Алае. Через новый туннель машины переправляли порожняком — на буксире. Разгрузили их — и вперед ЧТЗ. Сперва тракторы машину тянут, потом груз ей доставят. Снова погрузка. И так все машины прошли. А всего-то их сотни три было. Наша колонна за двое суток двенадцать километров одолела.

Киргизы-проводники, которые сопровождали нас из Ош а, обратно повернули: впереди Маркан-Су — Долина Смерчей. «Если птица туда залетит, сгорят крылья. Если зверь забредет, сгорят ноги. Там живут дивы. Еще никого не пускали они зимой в свои владения. Кто прошел Алайскую долину, сгинет в Маркан-Су».

О. И. Городовиков:

«Мы вступили в угрюмое темное ущелье. Огромные стены висели над нами. И вдруг неизвестно откуда появился снежный смерч. Снежный крутящийся столб несся с огромной быстротой, сваливая с ног людей, сдвигая в сторону нагруженные трехтонки, как спичечные коробки, выл, гудел.

Никогда в жизни я не видел ничего подобного! Я вспомнил переход через Гнилое море — Сиваш, самые лихие кавалерийские атаки…

Смерч пронесся через всю колонну и исчез позади.

…С трудом мы добрались до головной машины. Перед ней возвышалась снежная стена. Все, что было проделано саперами за день невероятного труда, пошло насмарку.

Долина Смерчей казалась непроходимой.

…К двум часам ночи температура упала до —42 градусов. Машины стали. Работать было все труднее и труднее. Но стоило остановиться на месте — и машины мигом превращались в ледяные глыбы…

— Мы потащим машины волоком, на тракторах, — сказал я. — А пока давайте расчищать снег.

Буря стихла. Из-за гор вставал розоватый рассвет. Результаты ночного боя были не в нашу пользу: большинство машин лежало на боку. Шоферы разогревали скованные льдом моторы. На радиаторах полыхало пламя. На минуту моторы начинали работать и снова, закашляв, стихали.

Прошло несколько часов. Мы продвинулись не более как на 100 метров.

— Тракторы! — вдруг отчаянно кто-то крикнул совсем рядом. Все бросили работу. Прислушались. Действительно, нам на

помощь шли тракторы…

— Канаты! — раздалась команда.

Трактор взял грузовик на буксир, выволок в траншею, прорытую саперами, вернулся обратно за другим грузовиком.

Люди забыли о том, что они голодны. За 34 часа после выступления из Бардобы мы прошли четыре километра».

С. А. Поважный:

— Когда вернулась наша колонна, подсчитали: только на примусах 38 тысяч литров горючего пережгли. А сколько машины жгли — так там тысячи тонн ушло! В кабине у каждого был примус, чтобы чай поставить, сварить кашу, обогреться. Примусы не выключались, как и моторы. В каждой колонне старший ходил, проверял, чтобы кто не заснул. И такой случай был. Не успели помочь. Когда человек замерзает, он начинает раздеваться. Подошли к одному водителю: «Ты что?» — «Жарко», — говорит, и снимает с себя все… Не спасли.

Все трудности между Талдыком и Кзыл-Артом. А от озера Каракуль пошли легче. Высота — больше четырех тысяч метров, давление там до 400 миллиметров падает.

О. И. Городовиков:

«Машины тяжело дышали, останавливались, пятясь назад. Трактор хрипел, но вывозил одну за другой. Люди шли пешком, задыхаясь.

Страшные приступы гор«ой болезни поразили почти всех людей экспедиции. У одного из шоферов хлынула горлом кровь. Саперы задыхались — они впервые были на такой высоте. Врач, сам больной, метался от одного к другому».

…Наконец, поздним вечером 12 января 1936 года головная колонна спустилась с перевала Ак-Байтал.

Машины шли с включенными фарами, и зрелище было впечатляющее. Что творилось в кишлаке! Кто мог передвигаться, все спешили навстречу. С гор спускались жители соседних селений. Смеялись, плакали, качали водителей. Удивлялись невиданным доселе «шайтан-машинам» с трубой. Тут же ночью началась раздача хлеба, соли, сахара, спичек. На площади состоялся митинг, на котором маленький, замерзший человек с заиндевевшими усами О. И. Городовиков сказал:

> «Если бы на пути к Мургабу стихия нагромоздила еще более неприступные горы, если бы вражеская армия отрезала от нас Памир, мы все равно пробились бы к вам, товарищи!»

…Аличурской долиной, что семью хребтами убегает от семи

ветров, пересекаем мы с Маджамом кромешную тьму заоблачного плоскогорья. Маджам не просто водитель ЗИЛа, красный знак на капоте которого означает, что груз срочный и опасный. Маджам — путешественник. И как каждый из этой категории разговорчив, любознателен и имеет язву желудка. По путевке комсомола вот так вот за баранкой машины исколесил он всю Россию: видел КамАЗ, БАМ, бывал в Сибири, на Урале. Если бы не семья, так и остался бы на Байкале — очень уж по душе ему и края те суровой красоты, и люди, сплошь такие же, как он сам, — молодые и ищущие.

Тяга к странствиям у него от отца. Больше века прожил тот, и путь из Хорога в Ош — около 800 километров горами — проделал не один раз пешком. Заходил в кишлаки, аилы, знакомился с людьми, чему-то учился у одних, что-то советовал другим — это был его университет.

Когда Маджам уезжал в рейсы через Памир и вновь появлялся перед отцом, лишь минует три-четыре дня, тот отказывался верить, что сын уже съездил в Ош, вернулся в Хорог — у старика в годы молодости на такое путешествие уходили месяцы, а бывало, и годы странствовал он по снежным перевалам и коварным долинам между ними. Уж он-то хорошо помнил эти дороги: встретятся двое всадников — не разъедутся. Поэтому и пробирался по горам пешком. Так вернее: лепешки, чай с собой и — в путь. Лыж ведь горцы не знали совсем.

— Смотрите! Смотрите! — Маджам вдруг прервал рассказ и остановил машину прямо над спуском. — Золотой кишлак!

Мы выскочили в объятия батюшки Мороза и не почувствовали их.

Расступилась ночная темь, перед нами играло электрическое море, бросая навстречу дразнящие волны. То был Золотой кишлак из горской легенды — Мургаб 80-х годов.

ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ ЗОЛОТОГО КИШЛАКА

Было так или нет, а случилось это, говорят, в те времена, тогда правили от имени бухарского эмира и российского царя в памирских теснинах нищета и безграмотность, а жизнь горского народа была чернее косы таджички. Жил тогда в одном кишлаке очень бедный человек. От своих родителей слышал он, что где-то в горах есть Золотой кишлак, где яблони плодоносят круглый год, где земли так много, что ее хватает всем и тюбетейкой вовек не выбрать урожай, а детям никогда не выпить молока, что дают там кобылы и козы. И решил бедняк отправиться на поиски этого

кишлака. Однажды он повесил себе через плечо хурджин, попрощался с родными и пошел навстречу солнцу.

Не одну пару чорук износил странник, а счастье на всем пути так и не отыскал: везде смеялись ему вослед горе и нужда.

Долго ли, коротко ли бродил он по свету, но однажды увидел внизу, в долине, золотые огни. Они манили к себе в ночи, словно указывая путь. «Золотой кишлак!» — воскликнул дервиш и, собрав силы, поспешил вниз.

В садах и кущах, в огнях электричества лежал перед ним кишлак, который покинул он много лун и рассветов назад. Жили здесь теперь счастье и радость, достаток и свет.

— Кто дал вам так много расплавленного золота? — спросил старик людей, дивясь электрическим лампочкам. — Кто этот эмир?

— Ленин. Революция.

…Идем по Мургабу. Останавливаемся и смотрим на райцентр с той же точки, с которой сфотографировал его в 1936 году кто-то из участников экспедиции. Глинобитные домики, дувалы, аккуратно побеленные, ухоженные. У тракта двухэтажная гостиница, завершается строительство корпусов больницы, ветеринарной станции.

Когда пробилась сюда экспедиция Городовикова, в селении не было ни одного грамотного, а в районе — ни одного колхоза. Сегодняшний Мургабский район — по площади один из крупнейших в стране и самый образованный. Все пять совхозов прибыльные. Конечно же, электрифицированы все хозяйства. Летают сюда самолеты. Смотрят жители программы Центрального телевидения. Пришел в Мургаб на четырехкилометровую высоту водопровод. Несмотря на арктический суровый климат, заложили заказник с питомником — ивы, облепиха, памирские березы, засеяли кормовой ячмень. Работают клубы, киноустановки, библиотеки, школы.

Да, Золотым кишлаком из детства народного поэта Таджикистана Мирсаида Миршакара, рассказ о котором слышал он еще подростком от памирского старца в 1928 году, сегодня может быть и Хорог, и Хобост, и Тем, и Мургаб, и любой другой, где живут свободные и счастливые люди. Вековую мечту горцев воплотил Миршакар в стихах. А потом произошло чудо: легенда из поэмы вновь ушла в горные селенья и за 40 лет обрела новую жизнь в народе. Такой и узнала я ее впервые лет десять назад в семье ныне покойного старого памирского просветителя.

…Горы стерегут Мургаб со всех сторон. И лишь асфальтовое шоссе ведет из долины дальше на те перевалы, что имеют

романтические названия: Белая кобылица — Ак-Бойтал, Иди по тропе — Чигирчик, Превозмогший усталость — Талдык, — и очень прозаическую суть, которая оборачивалась не раз тяжелейшими испытаниями.

Едем мы сегодня прекрасной дорогой, 12-метровой ширины, специальные галереи прикрывают наиболее опасные участки от возможных камнепадов, у перевалов круглосуточная вахта бульдозеров, тракторов; на скалах скульптурные орлы, бараны-теке, снежные барсы, яки, как визитная карточка края — иначе и не увидишь нигде, хоть и проедешь сотни километров. Дорожные работы ведутся по всему тракту: его скрепляют, понижают, подновляют, готовятся к сложной зиме. Ведь до тысячи машин в сутки проходят сегодня этой главной дорогой Памира.

С ее строительством, что началось полвека назад, связана еще одна героическая страница комсомола двух республик — Таджикистана и Киргизии. Каждый километр здесь полит не только потом 17—18-летних, которые киркой и лопатой пробивали крутые каменные склоны. Случались схватки с басмачами, что караванными тропами в районе стройки угоняли за границу скот, уносили ценности. А вооружены строители были бомбами из консервных банок, начиненными аммоналом и раскрошенными гвоздями.

Маджам остановил нашу машину у глухого ущелья на подъезде к перевалу Чигирчик. Здесь, по его словам, до сих пор находят человеческие кости — на этих склонах басмачи расстреливали коммунистов, комсомольцев, активистов, учителей. Один из налетов басмачей на техников-строителей дороги, молодых ребят и девушку, произошел на перевале в июле 1931 года. Бандиты захватили строителей, когда те пытались спасти свои расчеты и чертежи. Их раздели донага и погнали в горы. «Солнце, отражаясь в ледниках, сжигало кожу измученных пленников. А когда оно зашло, ударил мороз». Бандиты требовали выдать начальника группы.

> «Все, кроме старого Ильясова, были комсомольцами. Держались твердо. Никто не выдал своего руководителя, которого наверняка бы ожидала смерть. Их били, угрожали кинжалами, револьверами, саблями…»

Об этом я прочла в очерке Юлиуса Фучика «О водке, буране, басмачах и о новой жизни», что опубликовал он в «Руде право» в декабре 1935 года.

Через 50 лет после этого события в июле 1981 года по перевалам проехал необыкновенный кортеж: возглавлял его старый ЗИС-5, тот самый надежный «Захар», что вывез на себе все

великие стройки пятилеток и прогромыхал по бездорожью войны.

На этот раз трехтонка была украшена лозунгами, а с сопровождающих машин в рупоры извещали о ее приближении. Вдоль тракта по всему пути следования дорожников встречали с песнями, танцами, барабанным боем, живыми цветами, звучали дутары. А на площадях поселков обязательно разворачивались митинги. Это был большой праздник горного края, праздник дружбы народов. Начался он в киргизском городе Ош, а завершился в таджикском Хороге. И завершился, надо сказать, неожиданно. Приехавшие руководители Управления дороги и ее ветераны и не думали расставаться с «Захаром». Да только в Хороге его тоже ждали, и уже был сооружен каменный постамент. На следующий день на него водрузили ЗИС-5 и сделали надпись «Первопроходец». Сломался сценарий праздника, и обратно кортеж двинулся без головной фигуры.

Так на Крыше мира праздновали 50-летие начала строительства Памирского тракта. А правительство страны отметило это событие вручением Управлению дороги ордена Дружбы народов.

«ЧЕСТЬ И СЛАВА ТЕБЕ, ЧТЗ!»

Баркош Асанов — начальник Управления Памирской дороги — сын Памира. Его заботы — о ее ежедневном и ежечасном состоянии.

Теперь за сутки можно пересечь всю горную страну от Оша до Хорога. А в дни детства Асанова на это уходили месяцы. Его дед был почтарем, он таскал почту на пограничные форпосты летом и зимой. Пешком. В одиночку. Ходил по Алайской долине, где морозы под пятьдесят и ветры штормовые. Когда попадал в буран, зарывался в сугроб, иногда по нескольку суток просиживал под снегом. Случалось, что целые караваны, не успевшие пересечь Памир, на всю зиму оставались в предгорьях.

Вот и в тот год, когда шла экспедиция Городовикова, недалеко от места, где теперь в пробитой скале арка «Ворота Памира», зимовал караван. Всю зиму жили караванщики в юртах отца, деда, всей родни Асанова. И тогда же приезжие киргизы принесли весть об экспедиции и тракторах. Баркош был уже знаком с «шайтан-аробой» — «огненной тележкой», как называли в кишлаке тракторы ЧТЗ. Старший брат — из первых памирских трактористов — пригонял трактор к юртам со строительства дороги в Алайской долине, катал ребятишек, демонстрировал его невиданную по тем временам силу.

Тогда-то с мальчишеского увлечения и началась дружба Асанова с уральской машиной. А закрепилась она на десятилетия. Ведь вся жизнь дороги сегодня связана с челябинским трактором.

Отработали свое трудяги-тракторы С-60, С-80, Т-100М, появились новые, более совершенные автогрейдеры, мощные Т-130, ДЭТ-250, бульдозеры, В последние годы пришли на Памир и машины Белорусского, Ленинградского заводов. Но, как и десятилетия назад, на ремонт памирскую технику везут за тысячи километров — на Урал, в Челябинск.

Мы видели ЧТЗ на Ак-Байтале, на высоте пяти километров, когда навьюченный буровой установкой, отвоевывал трактор у природы новые метры, а вернее, сантиметры дороги. У перевала Талдык он спешил на расчистку снежного завала, а навстречу ему катила многокилометровая волна овец.

В суровых битвах с природой проходит жизнь памирских ЧТЗ.

Но нас Памир пропускал через свои теснины приветливо и великодушно. Было даже обидно: проехать его насквозь, своими глазами видеть Маркан-Су, ощутить головокружительные серпантины Кзыл-Арта, Талдыка и не пережить налета смерчей, не испугаться наледей и метелей, что, по рассказам, круглый год бродят у перевалов.

Было просто грустно: постоять на берегу дивноголубого Каракуля, белые шапки снежников над которым кажутся всего лишь кучевыми облаками, и не почувствовать движения сказочной рыбины, на чьи плавники, по преданию, рухнул горный хребет. Теперь, когда она пытается высвободиться, озеро и окрестные скалы приходят в движение. Но нет, на Каракуле — штиль, и яки безбоязненно бродят вдоль его студеной кромки.

Всего лишь вчерашняя встреча с Орунбаем Ташматовым кажется давней-предавней, а его легенда отнюдь не наводит на космогонические размышления. А рассказал старый Орунбай о двух лунах, что жили когда-то на небосводе. Каждую ночь всходили они, чтобы полюбоваться на красавицу Землю. Однажды, когда разразилась страшная буря, а громы и молнии договорились уничтожить Землю людей, одна из лун бросилась вниз — прикрыть собой, защитить любимицу. Так родились эти странные, лишенные растительности, лысые космические плато, что каждому путнику должны напоминать лунные долины.

Но ярко светило солнце, по тракту сновали груженые ЗИЛы, на отгонные пастбища везли скот, из радиоприемника в кабине звучал голос ленинградского певца, и в голову совсем не лезли мысли о пришельцах и прочих космических фантазиях. И очень трудно представлялось, что могут быть эти перевалы совсем недоступными. И именно здесь разыгрывалась битва за жизнь. Но

в портфеле у меня лежала магнитофонная запись — беседа с памирскими шоферами. И она возвращала к реалиям жизни.

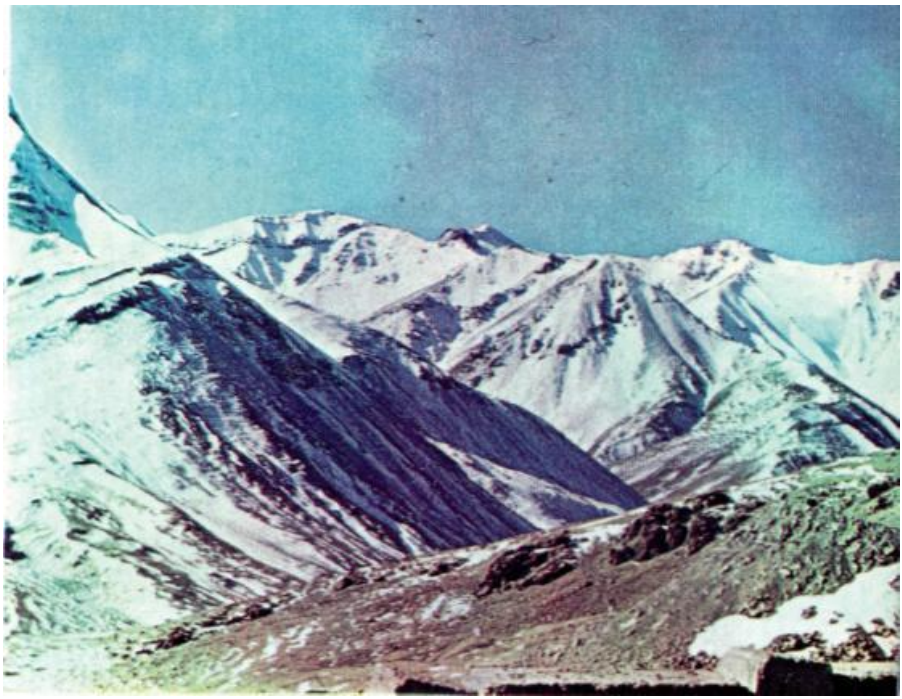
Г. И. Гернер:

— Тут ошибочка вышла, что до сих пор не установили на Памире памятника ЧТЗ.

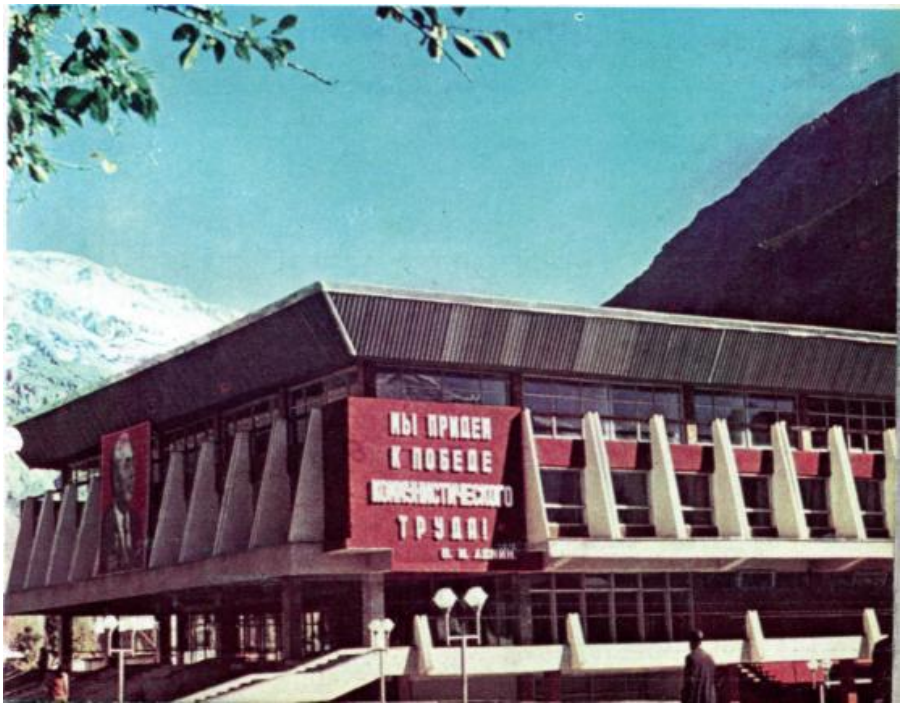
С. А. Поважный:

— Да, на любом перевале можно: трактор на пьедестале. Хоть на Кзыл-Арте, хоть на Талдыке. Он заслужил этого давно: и в 1936-м и позднее, в 50-е годы, когда в заносы спасал людей, и сейчас. И надпись сделать: «Честь и слава тебе, ЧТЗ!»

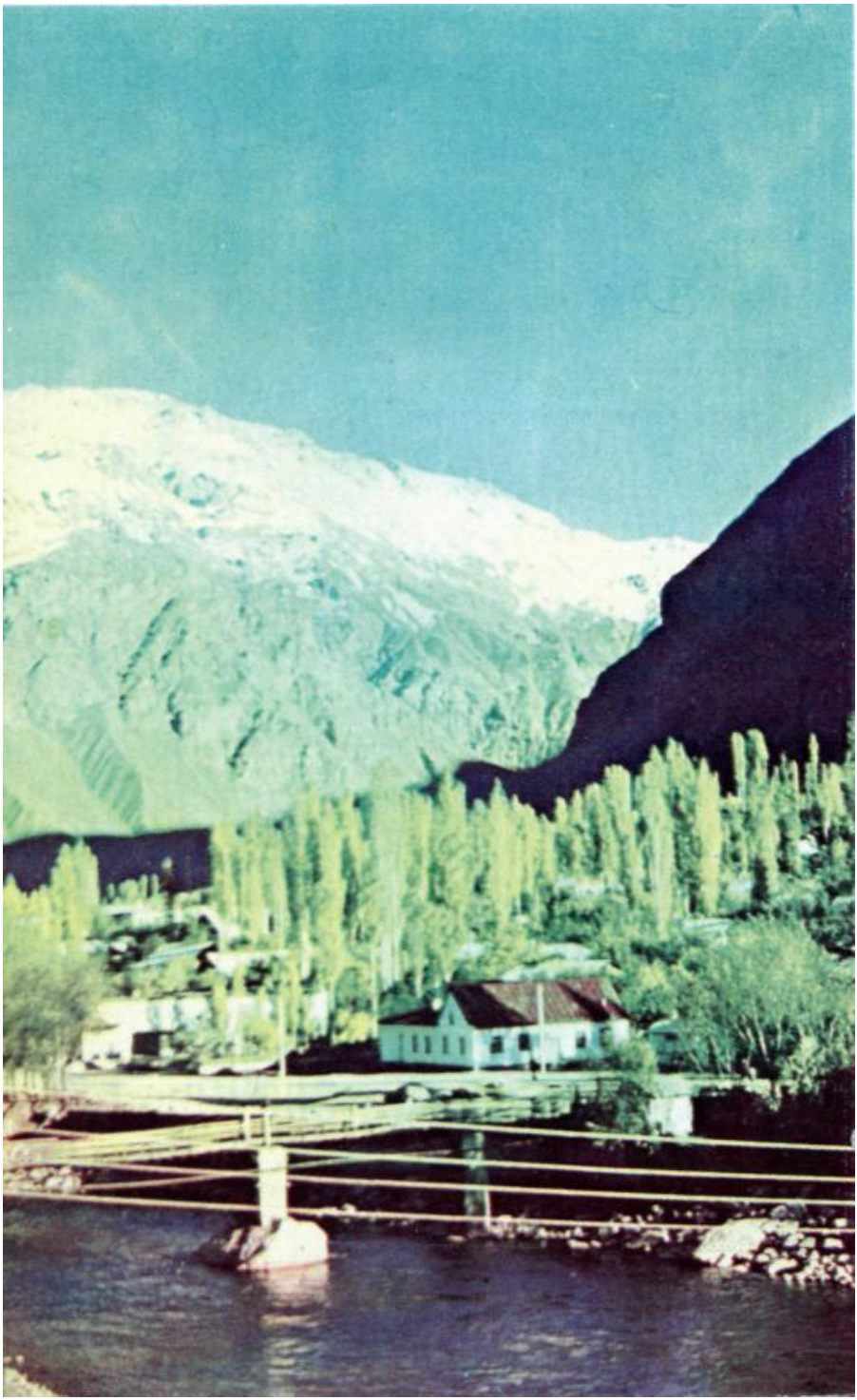
Ош — Мургаб — Челябинск,
1972—1981 гг.



Дважды орденоносный Памир.



У самого подножия Солнца — современный город.



Ботанический сад — в сотне метров от снежных вершин.

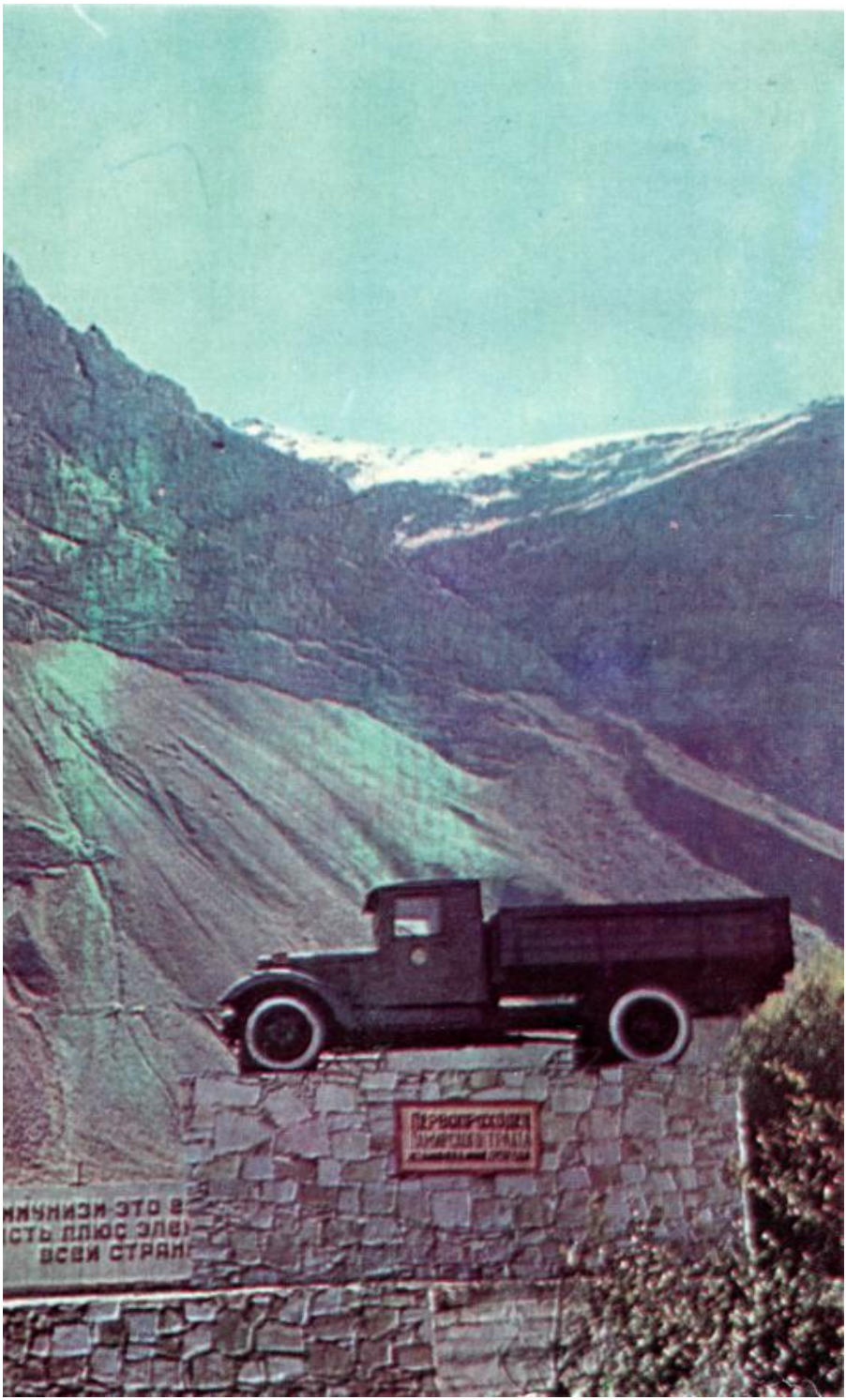
Экспедиция О. И. Городовикова на Восточном Памире.

О. И. Городовиков в Алайской долине.

Тракторная колонна с прицепами саней в Бордобе.

Ремонт трактора на перевале Талдык.

Фотографии из фондов музея производственного объединения «Челябинский тракторный завод имени В. И. Ленина».



Памятник первопроходцу в Хороге.

notes

Примечания

1

Здесь и далее стихотворения даются в сокращении.

2

На русском языке публикуется впервые.

З

Малика (тадж.) — Царевна, женское имя.

4

Мамлакат (тадж.) — Страна, ныне женское имя.